M 64
13

М 64/13

ОЧЕРКИ

ПО ИСТОРІИ

ДРЕВНЕ-РУССКАГО ЗОДЧЕСТВА

Академика архитектуры

В. В. СУСЛОВА.

Съ 16-ю таблицами и 21 рисункомъ
въ текстѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1889.

2007081650

ОЧЕРКИ

ПО ИСТОРІИ

ДРЕВНЕ-РУССКАГО ЗОДЧЕСТВА

Академика архитектуры

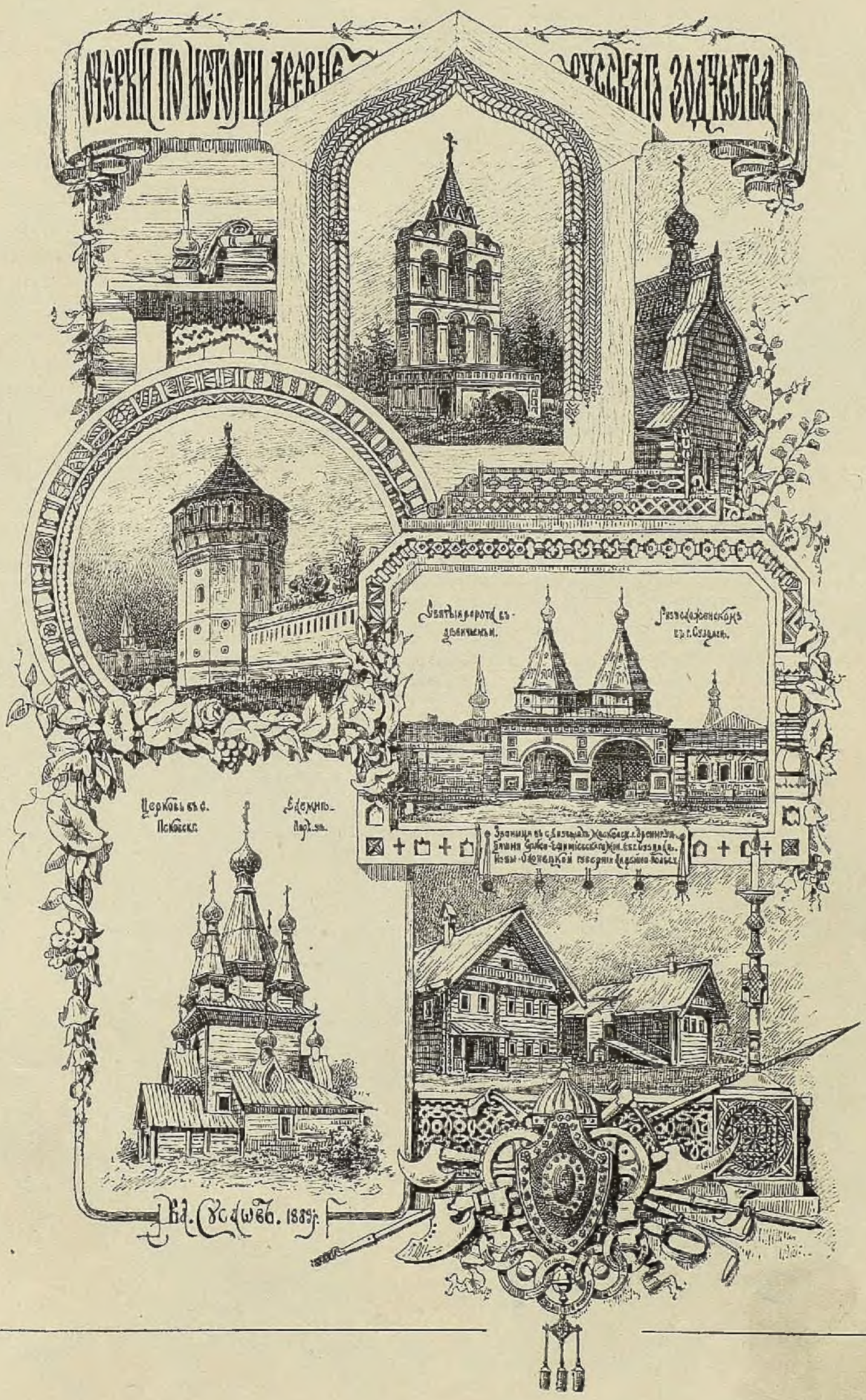
В. В. СУСЛОВА.

Съ 16-ю таблицами и 21 рисункомъ
въ текстѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. Ф. Маркса, Средняя Подъяческая, № 1
1889.

ПУБЛИЧ. МУЗЕЙ * РУМЯНЦЕВ. БИБЛІОТЕКА

Очерки по исторіи древне русскаго зодчества



ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Взглядъ на одну изъ формъ наружнаго покрытія древне-русскихъ церквей 5

Памятники древней деревянной архитектуры въ Южной Россіи 19

Замѣтки о калмыцкихъ и древне-русскихъ постройкахъ 55

О древнихъ деревянныхъ постройкахъ сѣверныхъ окраинъ Россіи 85

Древніе соборы въ г. Романовѣ-Борисоглѣбскѣ. . . 109

ВЗГЛЯДЪ

НА ОДНУ ИЗЪ ФОРМЪ НАРУЖНАГО ПОКРЫТІЯ ДРЕВНЕ-РУССКИХЪ ЦЕРКВЕЙ.

Печатано съ разрѣшенія Императорской Академіи Художествъ.

Во время научной экскурсіи гг. членовъ VII археологическаго съѣзда въ г. Ростовъ, мнѣ довелось, совмѣстно съ Н. В. Никитинымъ и А. М. Павлиновымъ, обслѣдовать чердачныя помѣщенія нѣкоторыхъ Кремлевскихъ церквей, устройство голосниковъ и проч. Всѣ сдѣланныя нами наблюденія, по возвращеніи гг. членовъ изъ экскурсіи въ г. Ярославль, были представлены вниманію съѣзда, въ видѣ особыхъ рефератовъ.

На мою долю пришлось говорить о формѣ сводовъ церкви Спаса на Сѣняхъ и о первоначальномъ устройствѣ ея наружнаго покрытія. Разсматривая сводъ этой церкви сверху на чердакѣ, видимъ, что онъ состоитъ (черт. 1-й) изъ четырехъ арокъ *ааа́а́*, перекинутыхъ со стѣны на стѣну въ перекрещивающемся порядкѣ, причемъ средняя часть арокъ нѣсколько приподнята.

Арки эти внутри церкви не выступаютъ изъ поверхности сводовъ. Угловыя части церкви перекрыты обрѣзками коробовыхъ сводовъ *бб*, *б′б′*, расположенныхъ какъ въ углахъ сомкнутаго свода.

Пространство между угловыми сводами покрыто плоскими коробовыми сводиками *в*, *в*, опирающимися на забученныя части *к к* (черт. 4-й) главныхъ арокъ *а а′*. На среднихъ частяхъ этихъ арокъ возведенъ сначала четырехъ-угольный постаментъ, а на немъ, при посредствѣ маленькихъ парусовъ, поставленъ небольшой барабанъ съ главкой (черт. 3-й).

Такимъ образомъ общее покрытіе церкви изнутри представляетъ собою какъ бы одинъ сплошной сомкнутый сводъ съ четырьмя взаимно пересѣкающимися распалубками въ видѣ креста, квадратная середина котораго вынута для отверстія бара-

бана. Щековыя плоскости сводиковъ *вв'* (черт. 2-й) около наружныхъ стѣнъ скошены, такъ что существующій нынѣ карнизикъ четырехъ-скатной крыши приходится почти у пять этихъ сводиковъ. Каменная лѣстница *г* (черт. 1-й), ведущая на чердакъ, проходитъ внутри наружной стѣны и кончается надъ угловымъ сводомъ *б*. Въ пазухахъ угловыхъ сводовъ сдѣланы небольшія надкладки *д* (черт. 1-й и 4-й), отвѣчающія существующимъ нынѣ закругленіямъ *ее* на угловыхъ дѣленіяхъ фасадовъ церкви (черт. 3-й). Закругленія эти приходятся ниже внѣшняго очертанія угловыхъ сводовъ церкви *бб'* (черт. 1-й, и 4-й). Кладка въ углахъ церкви *жс* (черт. 3-й и 4-й) надъ сводами *бб*, по сравненію съ кладкою и кирпичемъ сводовъ, сдѣлана видимо не одновременно съ построеніемъ самой церкви. Верхняя часть существующей крыши (черт. 2-й и 4-й) *), врѣзываясь въ четырехугольный постаментъ главы, закрываетъ обдѣлку его нижней части *з*, которая при первоначальномъ видѣ церкви очевидно была не закрыта крышею.

И такъ описанное устройство сводовъ и нынѣ существующей желѣзной крыши церкви Спаса на Сѣняхъ даютъ явный поводъ предположить, что первоначальное наружное покрытіе этой церви было иное. Рѣшая вопросъ, какимъ же могло быть первоначальное покрытіе этой церкви, мы приходимъ къ слѣдующимъ предположеніямъ.

А) Если надкладки *жс* (черт. 3-й и 4-й) позднѣйшія и при построеніи церкви ихъ не было, то устройство сводовъ, при условіи раціональнаго выраженія ихъ внутренней конструкціи въ фасадахъ, допускало такое покрытіе крышъ, какъ показано на черт. 5-мъ, причемъ крыши среднихъ частей могли имѣть наклонное положеніе, какъ показано на черт. 4-мъ съ правой стороны пунктиромъ. Характеръ такого покрытія съ внѣшней стороны нельзя сказать, чтобы отвѣчалъ древнему русскому зодчеству, къ тому же боковыя плоскости возвышающихся срединъ *и* (черт. 5-й), судя по свѣжести кладки, были всегда защищены отъ непогодъ и никакихъ признаковъ кирпичныхъ

*) Если мы отнимемъ одну изъ наружныхъ стѣнъ церкви Спаса на Сѣняхъ, то картина сводчатаго покрытія представится такою, какою показана на черт. 4-мъ.

карнизовъ на нихъ не замѣтно; наконецъ существованіе чердачной лѣстницы *г*, при такомъ устройствѣ крыши, совсѣмъ не оправдывается. Слѣдовательно, предположенное внѣшнее покрытіе церкви становится крайне сомнительнымъ.

Б) Предположимъ теперь, что надкладки *жс*, хотя и позднѣйшія, но на ихъ мѣстѣ были сдѣланы такія же части при построеніи самой церкви. Тогда устройство крышъ и обработка фасадовъ могли быть сдѣланы такъ, какъ показано на черт. 6-мъ. Это предположеніе становится болѣе вѣроятнымъ, такъ какъ, во-первыхъ, получается чердачное помѣщеніе, вполнѣ оправдывающее назначеніе лѣстницы *г*, а во-вторыхъ, мотивъ фасада уже отвѣчаетъ характеру нашего древняго зодчества. Мнѣ хотя и не приходилось видѣть такихъ церквей съ выступною фронтончатою срединою, но что такой мотивъ существовалъ у насъ въ древности, на это отчасти указываютъ миніатюры, напр. въ житіи Николая Чудотворца и Сергія Преподобнаго встрѣчаются такія изображенія, какъ на черт. 7-мъ и 8-мъ.

Относительно только что предположеннаго покрытія является сомнительнымъ одно, что плоскіе фронтоны и приплюснутыя очертанія подъ ними не отвѣчаютъ остальнымъ довольно стройнымъ формамъ церкви.

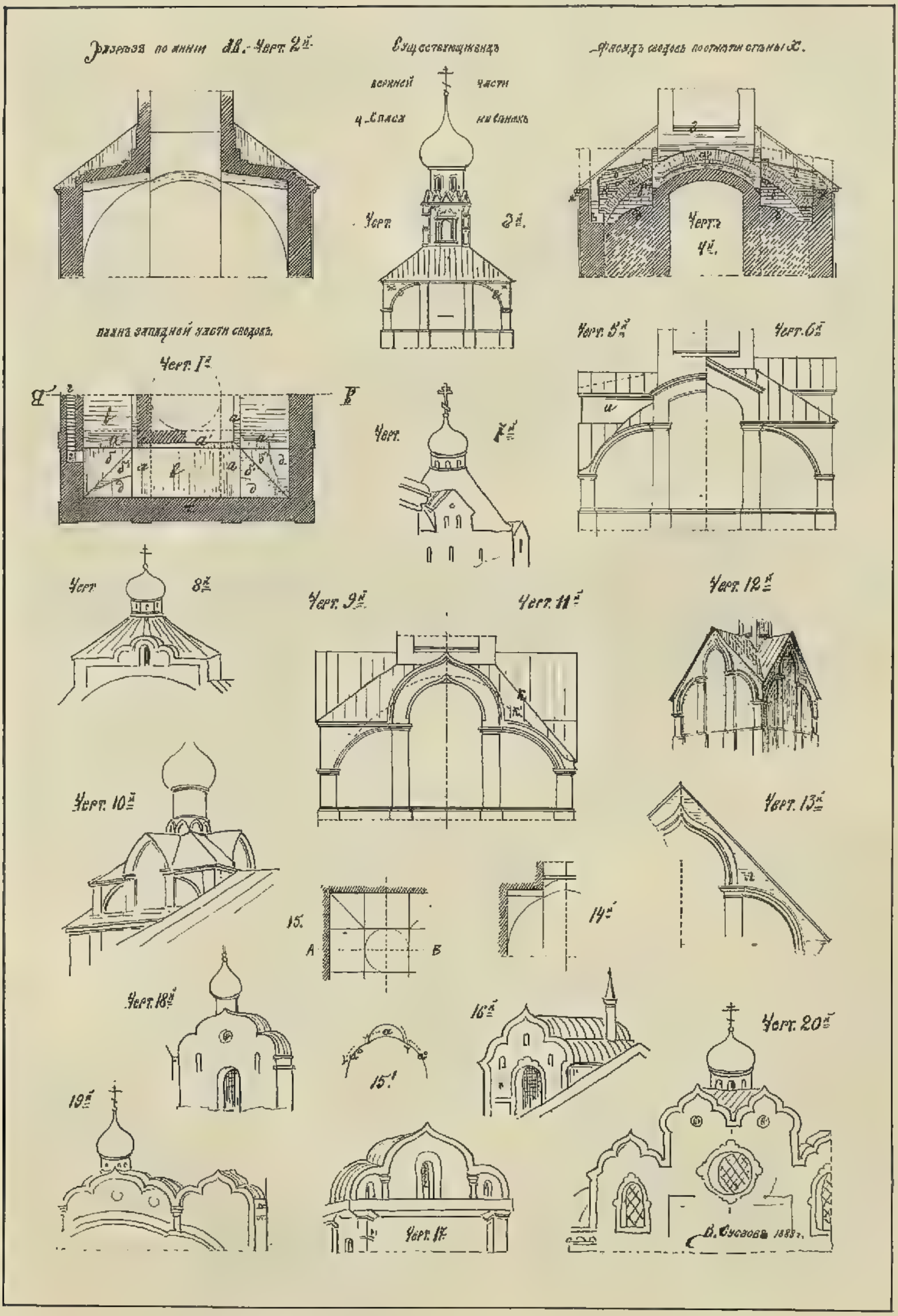
В) Въ виду этого скорѣе можно предположить, что древнее наружное очертаніе среднихъ частей было полукруглое, какъ изображено на черт. 9-мъ.

Это предположеніе становится болѣе вѣроятнымъ потому, что такой же точно мотивъ фасадовъ и устройство крышъ мы встрѣчаемъ въ одномъ изъ памятниковъ XVI-го стол., именно въ церкви на старомъ Ваганьковѣ въ Москвѣ (черт. 10-й—изъ „Русской старины“ *г. Мартынова*). Здѣсь полукруглое очертаніе не выражаетъ дѣйствительной формы среднихъ частей свода, и это, по моимъ наблюденіямъ, случилось потому, что собственно обработка фасадовъ въ видѣ трехъ-лопастной формы, какъ скажемъ ниже, вышла изъ другой конструкціи и въ данномъ случаѣ явилась болѣе или менѣе подходящею къ формѣ сводовъ разсматриваемой нами церкви. Понятно, что если при построеніи церкви, фасады проектировались съ такою обработкою, то среднія части свода *вв* (черт. 1-й) даже не

могли быть полукруглыми, такъ какъ нарушился-бы законъ равновѣсія, а потому очертаніе среднихъ сводиковъ хотя и дѣлали нѣсколько приподнятымъ (черт. 15'), но настолько, что кривыя давленія средней части арокъ aa' не выходили изъ очертанія боковыхъ частей a^0a^0.

Г) Четвертое предположеніе о первоначальной формѣ внѣшняго покрытія и обработки фасадовъ церкви Спаса на Сѣняхъ можетъ быть слѣдующее. Допустимъ, что угловыя надкладки *жс* (черт. 3-й и 4-й) сдѣланы не одновременно съ самою церковью и верхнія части фасадныхъ стѣнъ ограничивались полукругами въ срединахъ и дугообразными закругленіями въ угловыхъ частяхъ церкви (черт. 11-й). Крыша въ этомъ случаѣ могла быть сдѣлана по этимъ закругленіямъ, но для того чтобы закрыть выдававшіяся изъ такой крыши части сводовъ *бб'* (черт. 1-й и 4-й), можно было устроить особые прямые или дугообразные скаты *кк'* (черт. 11-й). Въ другомъ случаѣ фасадныя закругленія вмѣстѣ съ выдающимися частями сводовъ *бб* (черт. 4-й) могли быть покрыты прямыми скатами съ четырьмя фронтонами (черт. 12-й), т. е. крыша церкви представляла бы собою форму двухъ перпендикулярно пересѣкающихся двухскатныхъ крышъ. Этотъ способъ покрытія, при данномъ устройствѣ сводовъ, является весьма правдоподобнымъ, тѣмъ болѣе, что существованіе церквей съ такимъ покрытіемъ въ Московскій періодъ подтверждается сохранившеюся церковью (XVI столѣтія) Вознесенія Господня или Блаженнаго Исидора въ г. Ростовѣ-Ярославскомъ (черт. 13-й, 14-й и 15—угловыя части фасада, разрѣза и плана). Заполненія *л* (черт. 13-й) повидимому хотя и позднѣйшія, но таковое покрытіе церкви и обдѣлка фасадовъ несомнѣнно предшествовали покрытію крышъ по закругленіямъ. Это мнѣніе я основываю на слѣдующихъ соображеніяхъ: самостоятельное покрытіе выдающихся частей сводовъ *жк'* (черт. 11-й) во-первыхъ представлялось затруднительнымъ, а во-вторыхъ—мало художественнымъ. Пофронтонное покрытіе становилось здѣсь наиболѣе простымъ и уже традиціоннымъ, ибо подобныя формы господствовали еще въ ранней эпохѣ Новгородско-Псковской архитектуры и, такъ какъ въ началѣ Московскаго періода большая часть мастеровъ была изъ Новгорода и Пскова, то фронтончатое покрытіе при данномъ устройствѣ сводовъ ста-

Таблица Iа


Черт. 2й
верхней
части
ц. Спаса
Черт. 3й
Черт. 4й
Черт. 1й
Черт. 5й
Черт. 6й
Черт. 7й
Черт. 8й
Черт. 9й
Черт. 11й
Черт. 12й
Черт. 10й
Черт. 13й
15.
A
B
14й
Черт. 18й
16й
15'
Черт. 20й
19й
Черт. 17й
В. Суслов 1883 г.

повится вполнѣ вѣроятнымъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда фасадныя закругленія признавались московскими строителями не только какъ украшенія, но какъ самостоятельныя формы фасадовъ, прямые скаты измѣнились въ видѣ трехлопастныхъ закругленій, и тогда, при томъ устройствѣ сводовъ, какъ мы видимъ въ церкви Спаса на Сѣняхъ, боковыя закругленія фасадовъ *е* (черт. 3-й) пригонялись противъ внѣшняго очертанія сводовъ *бб'*, а среднія фасадныя полуокружія надкладывались. То же дѣлалось и въ тѣхъ случаяхъ, когда церкви покрывались простымъ сомкнутымъ сводомъ. При такомъ устройствѣ крышъ и убранствѣ фасадныхъ сторонъ, церкви имѣли видъ, какъ наприм. показано на черт. 24-мъ, табл. II.

Типъ такихъ церквей, можно сказать съ нѣкоторою достовѣрностью, былъ даже распространенъ въ русскомъ зодчествѣ, но почему-то незамѣтно сошелъ со сцены и со всѣми деталями не сохранился до насъ. Доказательствомъ того, что такія церкви именно существовали въ Московскій періодъ, можетъ служить примѣромъ церковь Св. Трифона въ Москвѣ. Верхняя часть этой церкви нынѣ покрыта четырехскатною крышею (черт. 39-й, табл. II), но убранство фасадовъ и позднѣйшія надкладки *х* въ угловыхъ частяхъ церкви, указываютъ на то, что первоначальное ограниченіе фасадныхъ стѣнъ состояло изъ среднихъ полуокружій съ заостреніями и изъ особыхъ закругленій въ угловыхъ частяхъ церкви.

Первопачальная крыша, судя по изображенію разсматриваемой нами церкви на древнемъ образѣ Св. Трифона, находящемся въ этой же церкви, была сдѣлана по фасаднымъ закругленнымъ очертаніямъ. Внутреннее устройство сводовъ въ церкви Св. Трифона и въ церкви Спаса на Сѣняхъ почти одинаково и разница видимо состояла въ томъ только, что угловые сводики въ церкви Св. Трифона приходятся противъ угловыхъ фасадныхъ закругленій, отчего и крыша имѣла такой видъ, какъ показано на древнемъ образѣ, т. е. безъ особыхъ скатовъ *кк'* (черт. 11-й); между тѣмъ въ церкви Спаса на Сѣняхъ угловые сводики *бб'* (черт. 4-й) приходятся выше фасадныхъ угловыхъ закругленій *е* (черт. 3-й), вслѣдствіе чего и вызывалось устройство особыхъ кровельныхъ скатовъ. Если еще при этомъ мы примемъ во вниманіе, что лѣстница *г* (черт. 1-й) не

могла не обусловливать существованія чердачнаго помѣщенія, то внѣшнее покрытіе церкви Спаса на Сѣняхъ вѣрнѣе всего имѣло видъ четырехскатной крыши съ врѣзывающимися полукруглыми выступами (черт. 9-й). Вѣроятно такой-же характеръ фасада носила и церковь Благовѣщенія въ Бѣлогостицкомъ монастырѣ близъ г. Ростова, такъ какъ устройство сводовъ ея почти одинаково со сводами вышеописанной церкви. Что касается того, насколько разсматриваемый типъ церквей былъ распространенъ въ русскомъ зодчествѣ, то на это можно сказать, что по крайней мѣрѣ въ миніатюрахъ этотъ мотивъ былъ довольно излюбленнымъ, и надо думать, что въ XVI вѣкѣ онъ часто примѣнялся не только въ церковныхъ постройкахъ, но и въ гражданскихъ, какъ это видно во многихъ миніатюрахъ, напр. въ житіи Преподобнаго Сергія XVI ст. (черт. 16-й и 17-й—изъ Епифаньевскаго списка хранящагося въ Троице-Сергіевской лаврѣ, близъ Москвы). Здѣсь надо сказать, что мотивъ такихъ церквей почти во всѣхъ миніатюрахъ представляется съ одной стороны (черт. 18-й — изъ житія Зосимы и Савватія, конца XVI вѣка, принадлеж. Н. А. Вахрамѣеву), т. е. какъ будто показанныя въ миніатюрахъ церкви, имѣютъ закругленія только на двухъ сторонахъ фасада, но если мы примемъ во вниманіе крайнюю условность перспективы того времени, то подобныя изображенія, какъ на черт. 19-мъ и 20-мъ (изъ житія Пр. Сергія), иногда надо разсматривать какъ представленіе двухъ смежныхъ сторонъ церкви.

Описываемая нами обработка фасадовъ видимо съ успѣхомъ практиковалась также и въ особыхъ придѣлахъ къ церквамъ. Такъ при соборѣ Никитскаго монастыря, близъ г. Переславля-Залѣсскаго, мы видимъ (черт. 21-й, табл. II), что убранство южнаго придѣла состоитъ изъ трехъ дѣленій, оканчивающихся въ срединѣ арочнымъ украшеніемъ съ заостреніемъ, а съ боковъ полу-арочками. Поверхъ этихъ закругленій, хотя и есть еще надстройка, но она, судя по архитектурѣ и высотѣ сомкнутаго свода, оканчивающагося противъ нижнихъ закругленій, очевидно позднѣйшая.

Такимъ образомъ видно, что первоначальная форма крыши отвѣчала фасадной обработкѣ придѣла, т. е. имѣла видъ, какъ показано на томъ же чертежѣ пунктиромъ.

Другой примѣръ такого же устройства придѣла видимъ при соборѣ въ Савво-Звенигородскомъ монастырѣ (черт. 22-й). Здѣсь верхнее полуокружіе не сохранилось, но судя по обработкѣ фасада, оно очевидно существовало въ древности. Первоначальное внѣшнее покрытіе придѣла было сдѣлано вѣроятно также по фасаднымъ закругленіямъ, какъ показано пунктиромъ или какъ на черт. 24-мъ, табл. II.

Существованіе придѣловъ въ нашей церковной архитектурѣ съ такою обработкою фасадовъ и внѣшнимъ покрытіемъ, можетъ считаться достовѣрнымъ и потому, что подобные мотивы мы нерѣдко встрѣчаемъ въ миніатюрахъ, какъ напр. въ житіи Пр. Зосимы и Савватія черт. 23-й).

По изображеніямъ церковныхъ зданій въ миніатюрахъ замѣтно еще и то, что разсматриваемая нами форма трехлопастнаго очертанія была настолько принята между нашими художниками и строителями, что видимо нерѣдко практиковалась одновременно какъ въ самыхъ церквахъ, такъ и въ придѣлахъ (черт. 23-й). Подобныхъ памятниковъ у насъ, къ сожалѣнію, кажется, не сохранилось, хотя первоначальныя формы фасада Преображенскаго собора въ Соловецкомъ монастырѣ своимъ силуэтомъ сильно напоминали подобныя церкви. Кромѣ того, что форма трехлопастнаго очертанія практиковалась въ строительномъ дѣлѣ, она также встрѣчается въ изобиліи на царскихъ дверяхъ, въ иконостасахъ, кіотахъ и въ церковной утвари, такъ напр. Сіонъ (XVII вѣка), находящійся въ патріаршей ризницѣ (черт. 24-й), представляетъ собою совершенно такой же мотивъ церкви, какъ мы разсматривали выше.

Такимъ образомъ церкви указаннаго характера безусловно существовали въ русскомъ зодчествѣ какъ особый типъ, но повидимому не получали господствующей роли, *) и по причинѣ недостатка памятниковъ такого типа, до сихъ поръ проходили незамѣченными археологическою наукою.

Относительно происхожденія формъ такихъ покрытій сказать что-либо вполнѣ достовѣрное трудно, но тѣмъ не менѣе съ большою вѣроятностію можно провести слѣдующіе взгляды: Изъ сохранившихся памятниковъ Новгородско-Псковской архи-

*) Можетъ быть потому, что подобная конструкція была удобо-примѣнима только къ церквамъ небольшаго размѣра.

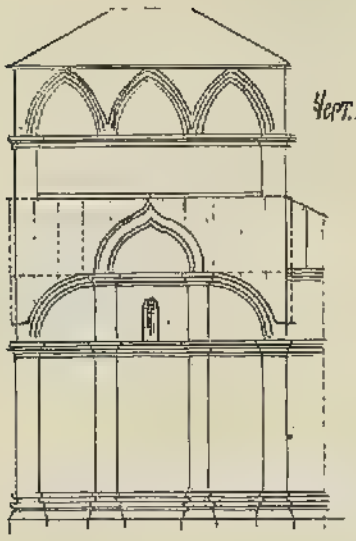
тектуры замѣтно, что въ церквахъ еще XIV вѣка, угловыя помѣщенія *аа* (черт. 25-й) иногда покрывались полукоробовыми сводами (церковь Ѳеодора Стратилата на Торговой сторонѣ) или двумя полукоробовыми отрѣзками въ видѣ четвертей сомкнутаго свода *а'а'*. Среднія же части *в* перекрывались иногда также полукоробовыми сводами (церковь Рождества Богородицы на Молотовомъ полѣ, другая—церковь Рождества Христова), и въ исключительныхъ случаяхъ даже полусомкнутыми сводиками *в'в'*... (церковь Рождества Богородицы на Молотовомъ полѣ). Большею же частью эти пространства покрывались коробовыми сводами, отвѣчающими подпружнымъ аркамъ купола *бб*.. (черт. 27-й).

Извѣстно также, что съ XIV вѣка въ Новгородско-Псковскихъ церквахъ появился новый мотивъ обработки стѣнъ и наружныхъ покрытій *); сначала стѣны пробовали украшать одною трехлопастною впадинкою (черт. 38-й *д*). Затѣмъ церкви съ каждаго фасада раздѣлялись пилястрами и увѣнчивались въ средней части полукруглыми или трехлопастными впадинками, а по бокамъ однимъ, двумя или тремя закругленіями (черт. 26-й). Церкви, съ такою обработкою стѣнъ, покрывались крышею на восемь скатовъ въ видѣ двухъ перпендикулярно-пересѣкающихся двухскатныхъ крышъ, образуя съ каждой стороны фасада по фронтону. Такое покрытіе и обработка фасадовъ при устройствѣ въ среднихъ частяхъ *вв*... коробовыхъ сводовъ, а въ угловыхъ частяхъ *аа'*... четвертей сомкнутаго свода (черт. 27-й), естественно выражало внутреннее расположеніе сводовъ. Далѣе, когда строительное дѣло Новгородской области получило уже нѣкоторое развитіе, то нерѣдко, при постройкѣ малыхъ церквей, общепринятые тогда внутренніе столбы храмовъ стали устраняться и вмѣсто цѣлой системы сводовъ, церкви покрывали однимъ сомкнутымъ сводомъ (уничтоженная церковь великомученика Димитрія въ Домонтовой крѣпости, церковь Спаса-Преображенія Надолбина монастыря, существующая церковь Ново-Вознесенская и др. въ г. Псковѣ).

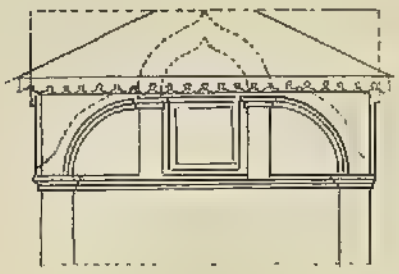
*) Мое сочиненіе «*Матеріалы къ исторіи древней Новгородско-Псковской архитектуры*», изданіе Императорской Академіи Художествъ и въ запискахъ С.-Петербургскаго Русскаго Археологическаго Общества за 1888 годъ.

Таблица II-я

Черт. 21.



Черт. 22-е.

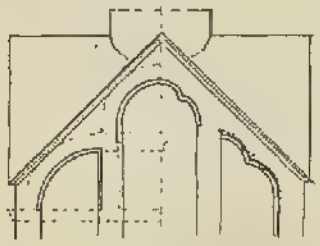


Черт. 23-е.

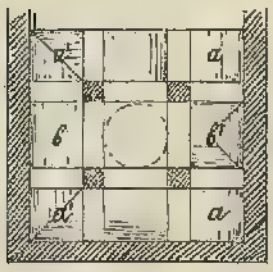
27'

27"

Черт. 26-е.

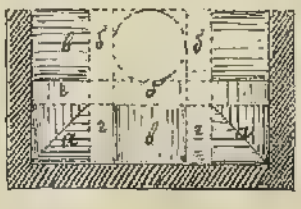


Черт. 25-е.



Черт. 24-е.

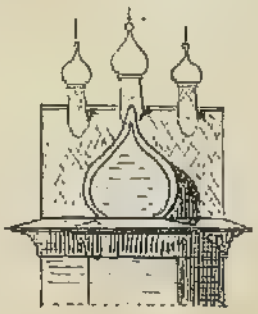
Черт. 27.



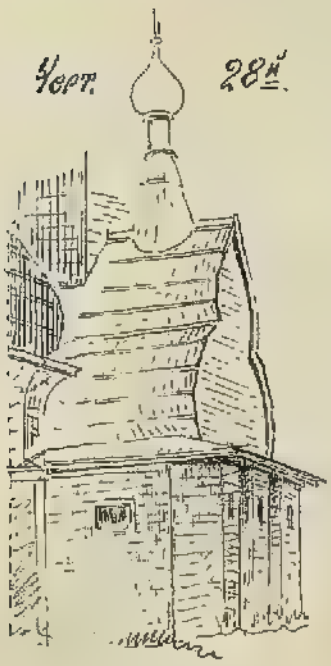
Черт. 29.

Черт. 31-е.

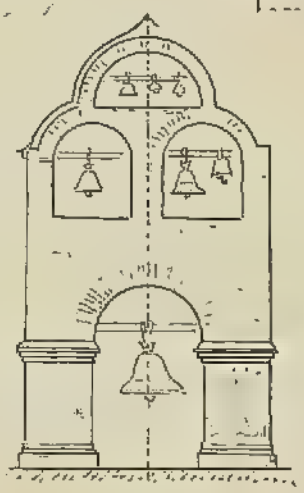
Черт. 30-е.



Черт. 28-е.



32.



Звонница в 4 г.

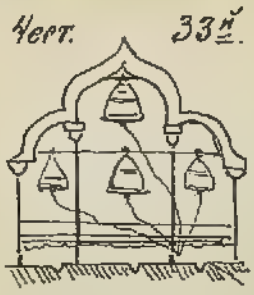
35.

Звенигородск.

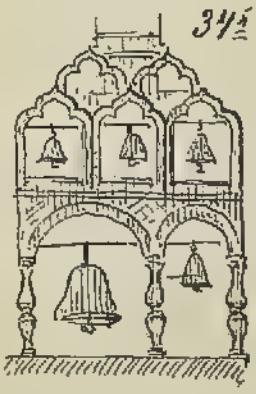
38 а.

б

Черт. 33-е.



Черт. 34-е.

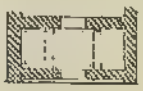


Черт. 40

39-е

36.

Черт. 38



а

Черт. 37.

В. Суслов. 1888 г.

Въ сомкнутыхъ сводахъ такихъ церквей дѣлали для верхнихъ оконъ распалубки. Обдѣлка же фасадовъ продолжалась по принятому образцу, т. е. съ закругленіями и фронтончатыми покрытіями.

Такимъ же путемъ могли образоваться подобныя церкви и въ Московскій періодъ. Для этого стоило принять въ образецъ одну изъ Новгородскихъ церквей съ такимъ расположеніемъ сводовъ, какъ показано на черт. 27-мъ и, не выводя столбовъ, сдѣлать только вмѣсто полукруглыхъ арокъ *бб*.., потерявшихъ устои, болѣе плоскія арки такъ, чтобы послѣднія своимъ распоромъ удерживали бы полу-арки *гг*, т. е. чтобы составныя части *бб* и *гг* представляли какъ бы одну арку (черт. 15′-й). Продолжая затѣмъ расширять арки *бб*.. (черт. 27-й) до наружныхъ стѣнъ, мы такимъ образомъ получимъ совершенно такое же устройство сводовъ, какъ видѣли въ церквахъ Исидора Блаженнаго въ г. Ростовѣ, Св. Трифона въ Москвѣ, въ Бѣлогостицкомъ монастырѣ близъ Ростова и въ другихъ. Конечно если сомкнутый сводъ въ нашихъ церквахъ предшествовалъ такому устройству свода, то его конструкція могла образоваться и изъ сомкнутаго свода съ четырьмя распалубками. Для этого нужно было только поднять распалубки до вершины сомкнутаго свода (черт. 14-й и 15-й) и сдѣлать въ пересѣченіи ихъ квадратное отверстіе для барабана.

Въ очертаніяхъ сводовъ измѣнилось бы только то, что среднія части получились бы вмѣсто полукруглыхъ сводовъ плоскія, — такъ что наружное убранство стѣнъ могло сохраниться по прежнему мотиву.

Что касается придѣловъ, о которыхъ я уже упоминалъ, то они по внутреннему и наружному устройству, въ общихъ чертахъ совершенно сходны съ маленькими церквами и съ нѣкоторыми придѣлами Псковскихъ церквей. Разница сначала выразилась только въ томъ, что фасады такихъ церквей въ Московскій періодъ пріобрѣтали болѣе богатую обработку, чѣмъ въ Новгородско-Псковской архитектурѣ, т. е. пилястры въ пятахъ среднихъ полуокружій обдѣлывались въ видѣ капителей, у пятъ боковыхъ закругленій протягивался карнизъ вокругъ церкви, закругленія обдѣлывались въ видѣ арочекъ и т. п. Съ теченіемъ времени трехлопастное очертаніе церкви

видимо настолько получило самостоятельную форму вслѣдствіе убранства ея, что фронтончатый карнизъ надъ нею казался излишнимъ наслоеніемъ; тогда прямые скаты при одномъ устройствѣ сводовъ замѣнились скатами по фасаднымъ очертаніямъ, а при другомъ, какъ показано на черт. 9-мъ *).

Форма троечастнаго закругленія фасадовъ встрѣчается также и въ деревянныхъ церквахъ, напр. надъ алтаремъ церкви въ селѣ Подпорожьѣ, Архангельской губ. и уѣзда (черт. 28-й). Здѣсь эта форма обусловливаетъ тройное дѣленіе алтаря. Такія крыши въ деревянныхъ церквахъ не оправдывались внутреннею конструкціею храмовъ; а потому дѣлались довольно рѣдко и скорѣе принадлежали къ числу украшеній.

Здѣсь кстати сказать, что троечастное закругленіе крышъ едва-ли представлялось нашимъ строителямъ особенно новымъ. Этому мотиву несомнѣнно предшествовало въ древнихъ деревянныхъ сооруженіяхъ бочечное покрытіе сначала въ видѣ одной бочки, какъ видимъ напр. (черт. 29-й) на церкви въ Ямецкой пустыни, Архангельской губ., въ Черевковѣ, Вологодской губ., въ миніатюрахъ и въ др. мѣстахъ. Затѣмъ въ видѣ двухъ перпендикулярно-пересѣкающихся бочекъ, какъ напр. въ Пермогорской церкви Вологодской губ. (черт. 30-й), на древнемъ рисункѣ Тихвинскаго монастыря (черт. 31-й) и проч.

Возвращаясь къ предыдущей формѣ, укажемъ еще на то, что она нерѣдко примѣнялась въ нашемъ зодчествѣ къ церковнымъ звонницамъ. Такъ напр. при Звенигородскомъ соборѣ, Московской губ., понынѣ существуетъ звонница такой формы, какъ изображено на черт. 32-мъ. Совершенно такого же образца попадаются изображенія звонницъ въ миніатюрахъ (черт. 33-й—

---

*) Это вѣроятно зависѣло отъ того, какой предполагался фасадъ церкви; если желали дать трехлопастному очертанію полную господствующую роль, то при такихъ сводахъ, какъ въ церкви Спаса на Сѣняхъ, дѣлали по фасаду надъ средними сводами полукруглую надкладку (черт. 27-й'), такъ что внѣшнее очертаніе угловыхъ сводовъ приходилось на высотѣ фасадныхъ угловыхъ закругленій. Если же фасадъ церкви предполагался такого мотива, какъ на черт. 10-мъ, то плоское очертаніе среднихъ сводовъ при соединеніи съ наружными стѣнами получало полукруглую или стрѣльчатую форму (черт. 27-й''), а выступающія внѣшнія очертанія угловыхъ сводиковъ прикрывались особыми кровельными скатами.

изъ житія Алексѣя Митрополита, XV столѣтія). Кромѣ того, судя по одному изображенію (черт. 34-й) на древнемъ образѣ церкви Воздвиженія въ гор. Ярославлѣ, эти формы очевидно примѣнялись и въ колокольняхъ.

Чтобы покончить съ разборомъ описываемой нами формы, упомянемъ еще о томъ, что если эта форма не имѣла господствующаго значенія въ храмовой архитектурѣ Московскаго періода, то съ успѣхомъ появлялась въ видѣ детальныхъ украшеній въ строительномъ и художественно-промышленномъ дѣлѣ, напр.: украшенія, показанныя на черт. 35-мъ, встрѣчаются при основаніи главокъ (церковь Николы Мокраго въ Ярославлѣ). Въ Тихвинскомъ монастырѣ, какъ видно изъ древняго рисунка, хранящагося въ главномъ Московскомъ архивѣ, эти формы увѣнчивали фасады надвратнаго храма. Въ Соловецкомъ монастырѣ таковыми же формами оканчивались четыре верхніе угловые придѣла Преображенскаго собора. Кромѣ того, подобныя же украшенія были излюбленнымъ мотивомъ въ обработкѣ царскихъ дверей, складней, каменныхъ и деревянныхъ оконъ XVII вѣка и т. п. На черт. 36-мъ представлено окно изъ миніатюрныхъ изображеній житія Св. Сергія. Совершенно такого же характера существуютъ окна въ деревянной церкви, въ селѣ Черевковѣ, Вологодской губ. Не говоря о многочисленныхъ примѣрахъ подобныхъ формъ въ деревянной рѣзьбѣ, укажемъ на одинъ примѣръ обработки такой формы въ металлической церковной утвари (черт. 37-й): часть кадила XVII столѣтія, хранящагося въ Благовѣщенскомъ соборѣ, въ Москвѣ.

Такимъ образомъ, разсмотрѣнная нами форма видимо имѣла въ русскомъ зодчествѣ свое естественное происхожденіе и довольно продолжительную жизнь. Сначала она появилась въ видѣ простыхъ очертаній, выражавшихъ внутреннее устройство церковныхъ сводовъ, затѣмъ усложнялась нѣкоторымъ украшеніемъ, далѣе получала иногда преобладающую роль въ постройкахъ и наконецъ, когда въ устройствѣ церквей опять установился обычай примѣнять внутренніе столбы, то форма троечастныхъ закругленій, хотя и устранялась съ первенствующей роли, но въ силу того, что наши мастера сроднились съ нею, она не замерла а перешла въ область детальныхъ украшеній.

Что касается того вопроса, гдѣ впервые зародилась трехлопастная форма и явилась ли она въ нашемъ искусствѣ самостоятельно или заимствована, то мнѣ кажется, что этотъ вопросъ кромѣ необычайной трудности не имѣетъ важнаго значенія въ исторіи развитія русскаго искусства. Мы видѣли, что эта форма иногда получалась въ нашей строительной практикѣ сама собою, напр., при устройствѣ нѣкоторыхъ папертей въ Псковскихъ церквахъ, своды имѣли такое расположеніе, какъ показано на черт. 38-мъ *а*, *в* и *д* (церковь Св. Николая Соусохи). Это очертаніе сводовъ переносилось какъ украшеніе въ видѣ впадинки и на наружныя стѣны, такъ что внѣшняя форма вполнѣ оправдывалась и внутреннимъ ея назначеніемъ. Далѣе видимъ также, что подобныя формы нерѣдко встрѣчаются на Западѣ и на дальнемъ Востокѣ *); словомъ, какъ и всякая другая простая форма попадаются въ искусствѣ многихъ народовъ. Это обстоятельство скорѣе отклоняетъ предположеніе о взаимныхъ вліяніяхъ и даетъ поводъ думать, что разсмотрѣнная нами форма свойственна фантазіи каждаго народа. Она могла явиться въ разныхъ искусствахъ самостоятельно и нѣтъ возможности установить то или другое научное рѣшеніе подобнаго вопроса.

Вл. Сусловъ.

*) Не утомляя читателя примѣрами такихъ формъ изъ деталей византійскаго, магометанскаго и западнаго искусствъ, укажемъ только на одну весьма любопытную форму храма, представленнаго на древнемъ планѣ Іерусалима (1308 г.), черт. 40-й.

ПАМЯТНИКИ
ДРЕВНЕЙ ДЕРЕВЯННОЙ АРХИТЕКТУРЫ
ВЪ
ЮЖНОЙ РОССІИ.

Будучи призванъ Императорскою Академіею Художествъ къ изученію памятниковъ нашего древняго искусства, я при самомъ началѣ моихъ археологическихъ путешествій, обратилъ особенное вниманіе на деревянную церковную архитектуру сѣверной Россіи. Эти памятники, хранящіе въ себѣ непосредственное выраженіе народнаго генія, къ сожалѣнію, съ каждымъ годомъ разрушаются и тѣмъ навсегда уносятъ съ собою слѣды нашей старой, національной жизни. Имѣя въ виду со временемъ представить полный обзоръ нашихъ древнихъ деревянныхъ построекъ, я счелъ долгомъ ознакомиться и съ характеромъ старинныхъ деревянныхъ сооруженій въ южной полосѣ Россіи. Съ этой цѣлью я занялся преимущественно изслѣдованіемъ церковной архитектуры въ Землѣ Войска Донскаго и такъ какъ въ послѣдней мнѣ мало довелось встрѣтить вполнѣ сохранившихся памятниковъ, то, только благодаря рисункамъ инспектора мѣстныхъ народныхъ училищъ Г. А. Ознобишина *), я могъ сдѣлать болѣе подробныя наблюденія надъ древнею архитектурою Донскаго края.

Первыя извѣстія собственно о русскихъ донскихъ казакахъ встрѣчаются въ началѣ XVI ст. Первоначальная строительная

*) Альбомъ его рисунковъ съ древнихъ церквей и старинныхъ костюмовъ Донской области хранится въ Академіи Художествъ. Многія изъ церквей Земли Войска Донскаго зачерченныхъ г. Ознобишинымъ мнѣ не довелось видѣть, и не знаю, существуютъ ли онѣ въ настоящее время и находятся-ли въ томъ видѣ, какъ показано на чертежахъ: судя же по тѣмъ рисункамъ, которые мнѣ пришлось провѣрить въ натурѣ, можно отнестись съ довѣріемъ ко всѣмъ чертежамъ.

дѣятельность ихъ состояла въ постройкѣ маленькихъ городковъ на древнихъ развалинахъ, обнесенныхъ кругомъ стѣною изъ двойнаго плетня или полисадника, набитаго внутри землею. Самыя жилища имѣли видъ землянокъ. Городки были малолюдны, такъ какъ казаки, долго не занимаясь земледѣліемъ, рѣдко жили дома, а ходили промышлять на Волгу и въ татарскіе улусы. Въ XVII ст. населеніе Донской области значительно увеличилось запорожцами, бѣглыми попами, раскольниками и др. людомъ. До XVIII ст. жизнь казаковъ была военная и никакихъ ремеслъ видимо не развивалось, но съ Петра вводятся различные обряды, правленія, строится множество часовень, церквей и словомъ весь край получилъ надлежащій ходъ общественной жизни. Что касается церковныхъ дѣлъ, то они, по извѣстнымъ даннымъ, представляются въ слѣдующемъ видѣ.

При первыхъ заселеніяхъ русскихъ выселенцевъ въ Донской области, за отсутствіемъ церквей, сложились своеобразныя христіанскія чинопослѣдованія. Бѣглые попы сливались съ казаками и зависѣли отъ среды, въ которой они уживались, а также и отъ общаго казачьяго начальства, которое судило ихъ и даже назначало имъ смертные приговоры. Казаки по среднему и южному теченію Дона причислялись къ Сарайской эпархіи, а сѣверная часть Донской области входила въ составъ рязанской эпархіи. Эта зависимость, вслѣдствіе отдаленности и своеобразнаго склада казачества, была лишь номинальною и не признавалась ни казачествомъ, ни священно-служителями. Со времени учрежденія патріаршества и закрѣпленія казаковъ за Московскою Русью, они признаются въ зависимости отъ московскаго патріарха. Съ этого времени началась правильная церковная жизнь казаковъ и на построеніе церквей присылаются особыя грамоты *). Церковные вопросы Донской области патріархи иногда поручали и ближайшимъ епископамъ (Рязанскому а затѣмъ Воронежскому). Всѣ дѣла однако шли сначала на усмотрѣніе гражданской власти и уже потомъ посылались къ епископамъ, такъ напр. въ одной гра-

*) Напримѣръ въ 1662 г., по благословенію патріарха Никона, построенъ Преображенскій соборъ въ Усть-Медвѣдицкомъ юрту.

мотѣ говорится: „...церкви у нихъ въ той пустынѣ нѣту, а построить-де безъ благословенія Святѣйшаго Патріарха и безъ войсковаго вѣдома не смѣютъ...“

О построеніи церквей въ Землѣ Войска Донскаго до XVII ст. почти нѣтъ никакихъ указаній, хотя о присутствіи поповъ есть различныя свидѣтельства. При образованіи Донскаго казачества, большихъ церквей, видимо, и не было, а ограничивались „молитвенными домами“ и кладбищенскими часовенками, въ родѣ бесѣдокъ (голубцы)—съ тѣхъ же поръ, когда началась правильная гражданская и церковная жизнь, упоминается о многихъ церквахъ, въ томъ числѣ и о Черкасскомъ соборѣ.

Просматривая затѣмъ въ частности исторію заселенія Донской области, видно, что здѣсь долго не было нормальной общинной жизни, вслѣдствіе чего и правильнаго развитія искусства у казаковъ быть не могло. Въ XVII ст., когда у нихъ явилась потребность въ храмовой архитектурѣ, они очевидно обратились къ готовымъ образцамъ, а утварь и другія художественныя вещи прямо получали изъ Москвы, куда отправляли и чинить ихъ, говоря, что „у нихъ на Дону мастеровъ такихъ нѣтъ“.

Судя по тому, что казаки получали грамоты на постройки церквей изъ Москвы, казалось бы, что и самый характеръ ихъ долженъ носить отпечатокъ древнихъ сѣверныхъ церквей, но оказывается, что по всей Донской области былъ принятъ особый типъ, сходный вообще съ древне-деревянными церквами всей южной Россіи. Причины этого укажемъ далѣе, а теперь приступимъ къ описанію самихъ памятниковъ Донской области, причемъ отмѣтимъ характерныя черты церковныхъ построекъ, проведемъ нѣкоторую параллель ихъ съ церквами Малороссіи и Галиціи, а затѣмъ сдѣлаемъ нѣкоторое сравненіе всей древней южно-русской деревянной архитектуры съ архитектурою древнихъ церквей сѣверной Россіи.

Церкви Земли Войска Донскаго можно раздѣлить, по ихъ планамъ, на три типа: первый состоитъ изъ трехъ или четырехъ восьми-угольныхъ срубовъ, соединенныхъ по направленію отъ востока къ западу; второй—изъ трехъ рядовъ такихъ срубовъ, соединенныхъ вмѣстѣ; и третій представляетъ собою форму креста.

По внѣшнему же виду донскія церкви могутъ быть разграничены на одноглавыя, трехглавыя и многоглавыя *).

Первый типъ плана древнихъ донскихъ церквей имѣетъ слѣдующее расположеніе (черт. 1-й). Съ западной стороны находится небольшое помѣщеніе *а*—притворъ или паперть (по преимуществу прямоугольной формы) **); эта часть иногда замѣнялась открытымъ крылечкомъ (въ ц. Архангела Михаила въ ст. Бузулуцкой 1678 г. и въ церкви Успенія въ ст. Сиротинской). Изъ притвора входятъ въ восьмиугольный срубъ *б* (зрубъ, струбъ) называемый „бабникомъ“ или „женочникомъ“, гдѣ дѣйствительно во время богослуженія помѣщались однѣ женщины; такой обычай поддерживается и теперь. Въ этомъ же помѣщеніи ставили покойниковъ для отпѣванія и устраивали поминки по нимъ, въ виду чего разставляли въ этомъ помѣщеніи столы (*і*) и скамейки. Позднѣе для этой цѣли иногда дѣлали особыя пристройки къ „бабнику“. Надъ папертью или надъ „бабникомъ“ нерѣдко устраивались колоколенки, о которыхъ скажемъ ниже. Изъ женочника вела широкая арка въ восьмиугольное помѣщеніе *в*, назыв. „мужичникомъ“, въ которомъ помѣщались исключительно мужчины, входившіе сюда съ сѣвернаго и южнаго крылецъ или съ притворовъ *г.г.* Въ помѣщеніи этомъ иногда ставили столбы (черт. 2-й) *д. д. д.*, которые поддерживали потолокъ и верхніе, меньшіе восьмиугольные срубы, возвышающіеся надъ церковью.

Къ главному помѣщенію *в* примыкалъ третій восьмиугольный срубъ *и*, предназначаемый для алтаря (пресвитеріи).

При соединеніи западнаго и восточнаго срубовъ съ главнымъ, стѣны *л.л.* закрывались съ внѣшней стороны особыми стѣнками *к.к.*, въ видѣ продолженія стѣнъ *м.м.* (церковь въ

*) Года построенія нѣкоторыхъ церквей, разсматриваемыхъ въ настоящемъ сочиненіи, хотя означены не по документальнымъ записямъ, тѣмъ не менѣе характеръ ихъ совершенно одинаковъ съ болѣе древними церквами, и слѣдовательно онѣ могутъ быть разсматриваемы, какъ типы южной деревянной архитектуры одной эпохи.

**) Притворы въ существующихъ нынѣ церквахъ сдѣланы большею частью въ позднѣйшее время.

станицѣ Урюпинской) *). Съ восточной стороны средняго сруба ставился высокій иконостасъ съ „намѣстными образами“, царскими и діаконскими вратами. Солея и амвонъ возвышались на одну или на двѣ ступени, а иногда дѣлались наравнѣ съ поломъ всей церкви. Клиросы въ древности ставились вдалекѣ отъ иконостаса, въ мѣстахъ *е*, *ж* и *з*. По внутреннимъ стѣнамъ бабника, мужичника и паперти, какъ показано на черт. 3, 5 и 6-мъ, обходили лавки для отдыха молящихся. Галлерейки кругомъ западнаго сруба въ донскихъ церквахъ дѣлались видимо очень рѣдко (въ церкви Рожд. Христова въ ст. Нижне-Кундрюческой, черт. 7-й) **). Въ формахъ самыхъ срубовъ встрѣчаются слѣдующіе варіанты: главный иногда дѣлался вытянутымъ по направленію отъ востока къ западу (черт. 3-й, ц. Михаила Архангела на рѣкѣ Бузулукѣ, основанная въ 1678 г. и возобновленная въ 1793 г.) ***), или удлинялся по сѣверо-южному направленію (черт. 1-й, въ ст. Перекопской, Усть-Бѣлокалитвенской и др).

Алтарный срубъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣлался закругленнымъ съ одной стороны (черт. 4-й, въ ст. Петровской XVII ст.), затѣмъ въ видѣ сплюснутаго по восточно-западному направленію восьмиугольника (черт. 7-й) или шестиугольника (черт. 6-й). Кромѣ того, иногда всѣ три сруба дѣлались многоугольными; изъ нихъ западный и восточный имѣли сплюснутую форму (черт. 5-й, церковь въ ст. Клецкой, построенная, по преданію, въ началѣ XVII вѣка).

Наконецъ трехъ-срубныя церкви иногда имѣли между крыльцомъ и бабникомъ еще четвертый срубъ 6-ти угольный (черт. 6-й, ц. Св. Николая въ ст. Голубинской, построенная по преданію въ 1665 г. и возобновленная въ 1781 г.) или восьмиугольный (церк. въ ст. Урюпинской). При усложненіи разсмотрѣннаго нами типа церквей, т. е., по мѣрѣ пристроекъ, то къ глав-

---

*) Она упоминается подъ 1695 г. въ челобитной Великимъ Государямъ попа этой церкви.

**) Объ этой церкви упоминается подъ 1702 г. въ памятной о посвященіи сюда въ чины дьячка, присланнаго казаками. Она основана по преданію въ 1670 г. и возобновлена въ 1752 г.

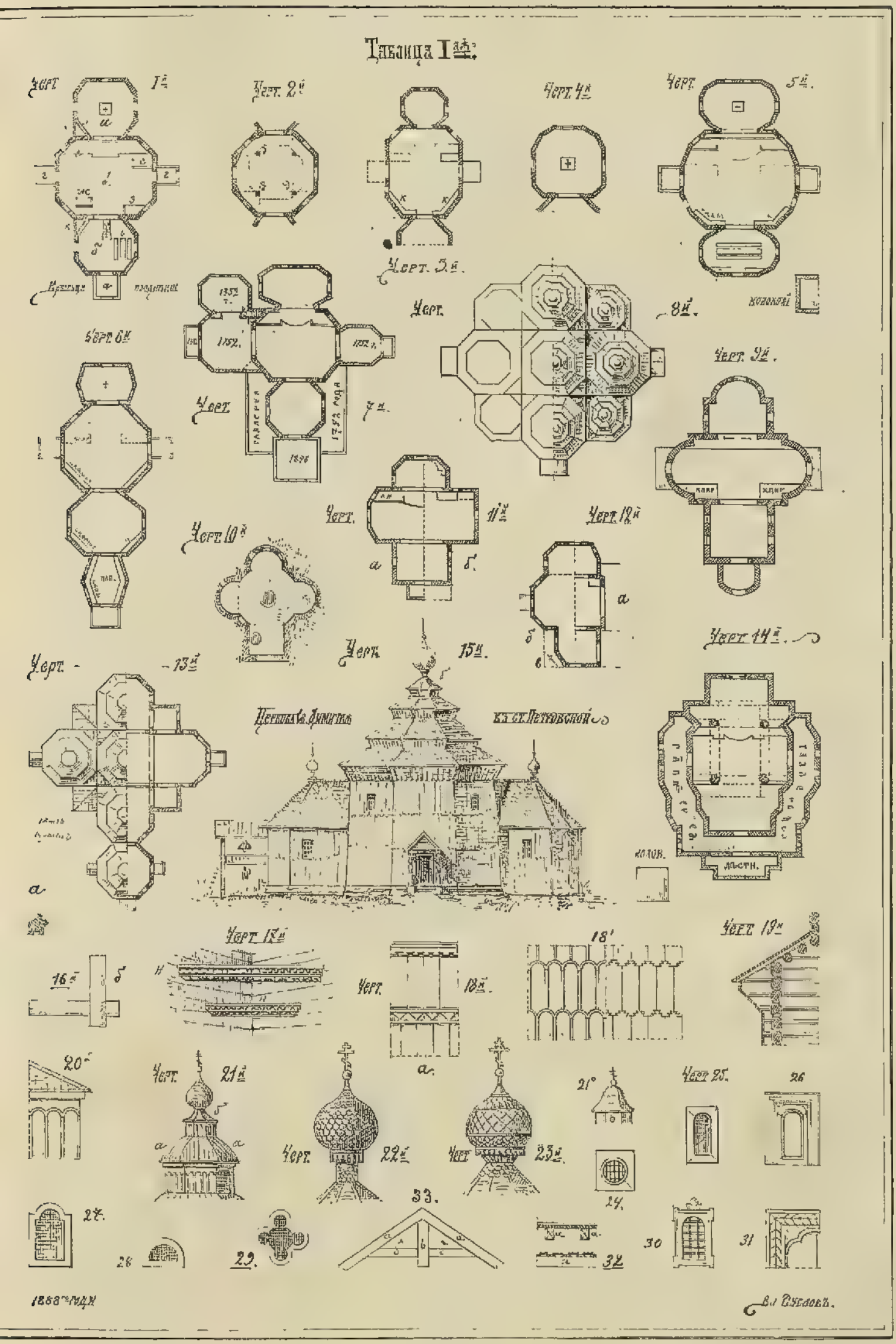
***) По клировымъ вѣдомостямъ.

ному восьмиугольнику, то къ алтарю, получались цѣлые ряды срубовъ (черт. 7-й). Вслѣдствіе такого усложненія плановъ образовался болѣе сложный типъ церквей, представляющій собою какъ бы три церкви вышеописаннаго характера, соединенныхъ вмѣстѣ; такія церкви, хотя не имѣются въ моемъ матеріалѣ по Донской архитектурѣ, но совершенно такого же характера видимъ соборъ Св. Троицы въ городѣ Ново-Московскѣ, Екатеринославской губ. (черт. 8-й и 39-й).

Третій типъ Донскихъ церквей—вѣроятно болѣе древній—крестообразный и, видимо, въ XVII ст. былъ менѣе распространенъ чѣмъ первый. Въ рисункахъ г. Ознобишина представленъ планъ церкви Іоанна Предтечи въ гор. Азовѣ *) (черт. 9-й), возобновленный, какъ у него указано, по фундаменту такой же церкви X-го вѣка. Конечно трудно сказать что-либо вполнѣ опредѣленное за вѣроятность такого преданія, но тѣмъ не менѣе возможность этого до нѣкоторой степени оправдывается слѣдующими соображеніями: Хазары, населяя въ IX вѣкѣ ближайшія къ этому мѣсту пространства и имѣя уже нѣкоторую образованность, принимали христіанство отъ проповѣдника св. Кирилла, присланнаго, по ихъ желанію, греческимъ императоромъ Михаиломъ III-мъ. Есть также указанія, что къ нимъ приходили и зодчіе изъ Греціи, для постройки крѣпостей противъ Россіянъ. Естественно, что съ появленіемъ здѣсь христіанства, внеслись и извѣстныя формы тогдашнихъ греческихъ церковныхъ построекъ. Въ виду же того, что планъ Азовской церкви имѣетъ сходство съ нѣкоторыми греческими церквами **) и даже съ одною церковью, находящеюся въ развалинахъ Херсонеса, близъ Севастополя (черт. 10-й), можно предположить, что типъ такихъ церквей, хотя бы и по преданіямъ, велся на югѣ съ давнихъ временъ. Послѣ же нашествія Печенѣговъ и послѣдующихъ движеній въ этомъ краѣ, такой типъ церквей сталъ практиковаться и казаками, но уже не

*) Нынѣ посадъ Екатеринославской губерніи.

**) Въ сочиненіи архимандрита Антонина «Поѣздка въ Румелію» приведено нѣсколько плановъ такой же формы.



Фототипія Евг. Гофферсъ. С.-Петербургъ. Мѣщанская 19.

изъ камня, а изъ дерева *). Но такъ какъ полукруглыя формы построекъ не свойственны дереву, то въ донскихъ церквахъ онѣ принимали видъ граней, т. е. главный срубъ имѣлъ видъ восьмиугольника, вытянутаго отъ сѣвера къ югу, алтарь въ формѣ половины восьмиугольнаго сруба, а бабникъ строился прямоугольнымъ (черт. 11-й, ц. въ слободѣ Маяки, основанная, по преданію, въ 1649-мъ г.), но иногда дѣлался также о пяти стѣнахъ (черт 12-й *в*, ц. въ станицѣ Старо-Григорьевской и въ ст. Александровской XVIII-го вѣка). Сѣверный и южный выступы главнаго сруба встрѣчаются и прямоугольной формы (черт. 11-й *б*, ц. св. Николая въ станицѣ Павловской XVIII ст.). Эти выступы, вѣроятно во время уніи, укорачивались и тогда являлась такая форма плана, какъ показано на черт. 12-мъ *а* (церковь въ ст. Сиротинской XVII-го вѣка). При развитіи и усложненіи крестоваго плана церквей, получался болѣе сложный видъ постройки. Къ такому типу можетъ быть отнесена церковь въ ст. Манычской на Дону, построенная въ XVIII ст., и совершенно одинаковаго характера съ донскими церквами соборъ въ г. Екатеринодарѣ, Кубанской области, черт. 13-й (Манычская церковь имѣетъ такія же формы, но только безъ пристроекъ *а*, *а*...).

Чтобы покончить съ разборомъ плановъ донскихъ церквей, упомянемъ о весьма любопытной формѣ Старо-Черкасскаго собора. Первоначальная деревянная постройка его относится къ 1650 г., но соборъ этотъ два раза горѣлъ и въ 1709 году былъ построенъ каменный при участіи Петра Великаго, который прислалъ въ Черкассы мастеровъ, два колокола, утварь и проч. Планъ собора (черт. 14-й), довѣряясь рисунку Г. Озонбишина, представляется настолько страннымъ, что подводить его къ какому-нибудь типу христіанскихъ церковныхъ построекъ нѣтъ никакой возможности. Была-ли его форма результатомъ какихъ-нибудь особыхъ воззрѣній на формы церковныхъ по-

*) Надо думать, что на Югѣ собственно столкнулись и практиковались элементы архитектуры съ трехъ сторонъ: изъ Греціи, по преданію, какъ видно по плану, черт. 9-й; съ Запада, по характеру башенныхъ срубовъ, и съ нашего Сѣвера, какъ это увидимъ изъ нѣкоторыхъ деталей.

строекъ, или она создалась безотчетно въ фантазіи строителей—рѣшить трудно. Во всякомъ случаѣ, если отбросить всѣ изгибы и неправильности плана, то не трудно узнать въ немъ обыкновенный типъ нашихъ тогдашнихъ великорусскихъ церквей, состоящихъ изъ главнаго квадратнаго помѣщенія съ четырьмя столбами, галлерейкой и наружнымъ крыльцомъ.

Прежде чѣмъ обратиться къ фасадамъ донскихъ храмовъ, разсмотримъ сначала типъ одноглавыхъ церквей. Планы ихъ состоятъ также изъ трехъ срубовъ, соединенныхъ по одной продольной оси, и только надъ среднимъ срубомъ возвышаются восьмерики, а западный и восточный срубы покрываются пятискатными крышами. Если же одноглавая церковь имѣетъ въ планѣ форму креста (черт. 11-й *б.*), то боковые выступы нерѣдко покрывались двухскатными крышами съ фронтонами. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда средній срубъ съ сѣверной и южной стороны оканчивался пятью стѣнами (черт. 11-й *а.*), то эти выступы покрывались пятискатными крышами, а въ срединѣ подымались два или три восьмигранныхъ срубка, одинъ на другомъ, въ уменьшающемся порядкѣ. Чтобы разсмотрѣть самое устройство такихъ церквей, возьмемъ напримѣръ церковь въ станицѣ Петровской (черт. 15-й). Церковь эта, какъ и многія другія, сдѣлана „изъ колотаго дуба“, т. е. бревенъ обработанныхъ не пилой, а исключительно топоромъ.

У насъ на Сѣверѣ древнія деревянныя церкви строились также часто при помощи только одного топора и назывались „рублеными“. Закладывая срубъ (зрубъ) на каменномъ фундаментѣ, или на толстыхъ дубовыхъ бревнахъ (подвалинахъ), возводили (засновывали) церковь изъ (пленицъ) половинчатыхъ бревенъ, или изъ цѣльныхъ (цѣвки). Углы срубовъ дѣлались, какъ въ настоящее время и у насъ, въ лапу (въ уголъ), черт. 16-й *б*, или же въ „стойку“, черт. 16-й *а*, причемъ съ внутренней стороны бревна скрѣплялись вертикальными деревянными брусковыми скобами, а углы верхнихъ вѣнцовъ церковнаго сруба схватывались горизонтальными брусками *н*, *н.*, украшенными различною рѣзьбою, черт. 2-й и 17-й. Стѣны главнаго сруба въ нѣкоторыхъ церквахъ дѣлались наклонно, и съ внѣшней стороны всегда обшивались „пластинною шелевкою“ тонкимъ те-

сомъ въ вертикальномъ направленіи; эта обшивка украшалась горизонтальными подраздѣленіями въ видѣ поясковъ (ц. въ ст. Клецкой), черт. 18-й, или же перемежающимися обрѣзами самаго теса, черт. 18'-й (ц. въ станицѣ Перекопской и др.).

Наружные откосы карнизовъ и верхніе восьмиугольные нарубы, встрѣчающіеся въ южныхъ церквахъ (черт. 19-й), имѣютъ слѣдующее устройство: бревна верхней части главнаго сруба выпускали изъ-за плоскости стѣнъ „припускали оструб ины“ въ формѣ прямыхъ кронштейновъ, на которые кругомъ сруба нашивались доски, сначала въ горизонтальномъ направленіи, а на нихъ прибивали тонкій тесъ „шелевку“ въ вертикальномъ направленіи. Эти карнизы однако встрѣчаются рѣдко въ донскихъ церквахъ. Большею частію карнизамъ не давалось такого значенія, а дѣлались они въ видѣ узенькаго пояска „полукарниза“, подъ которымъ или въ ширину тесинъ арочки или зубчики, черт. 20-й. Бревна выше карниза (черт. 19-й) снова укорачивались, давая направленіе крышѣ или отливу. На главный восьмиугольный срубъ нарубался другой подобный же срубъ меньшаго размѣра. Затѣмъ въ нѣкоторыхъ церквахъ ставился третій и четвертый восьмерикъ (черт. 21-й и др.). Въ разсмотрѣнномъ примѣрѣ (черт. 15-й) надрубы очень низкіе и скорѣе представляютъ собою рядъ карнизовъ; такой характеръ устройства верхней части церкви встрѣчается рѣдко. Верхній срубикъ заканчивался пирамидальной крышечкой *б*, съ прямыми или вогнутыми плоскостями (черт. 15-й и 21-й), иногда же сводикомъ *а* (банькой), которая, какъ мнѣ передавали мѣстные жители, дѣлалась изъ топкаго лѣса. Баньки эти иногда устраивались и такой формы, какъ показано на черт. 21[b] (онѣ дѣлались въ видѣ отлива и надъ нижними срубами, черт. 21-й *а*). Поверхъ баньки ставилась глава, подъ которою въ нѣкоторыхъ церквахъ дѣлали маленькую шейку или же большіе отливы. Главки обивались гонтомъ въ различные рисунки, черт. 22-й и 23-й. Внутренность церкви возвышалась до втораго, а иногда до третьяго сруба. Древняя наружная обработка оконъ имѣла такой видъ, какъ на рисункахъ 24, 25 и 26; болѣе поздніе формы и украшенія оконъ показаны на черт. 27, 28, 29 и 30-мъ. Двери дѣлались прямыя, съ полукружіемъ (черт. 27) и иногда съ такими наличниками,

какъ показано на черт. 26 и 31-мъ. Потолки состояли изъ балокъ „перерубовъ“ общитыхъ досками *„въ разбѣжку“* (черт. 32 *). Въ помѣщеніи „бабинка“, а иногда и въ другихъ восьмиугольныхъ срубахъ балки шли съ угловъ, поднимаясь къ центру сруба; такъ что по покрытіи балокъ досками, потолокъ представлялся въ видѣ отлогаго свода, шатровой формы. Наружное покрытіе срубовъ церкви состояло изъ стропильныхъ ногъ *а.а...* „кроклъ“ (черт. 33-й), на которыя настилали подрѣшетникъ, а на него клали лубокъ. Самая крыша покрывалась гонтомъ съ зубчиками или въ чешую. Если перекрываемое пространство было большое, то стропильныя ноги связывались горизонтальными брусьями *б* „подлегерями“ и вертикальными *в...* „висляками“. Стѣны рубились въ уголъ и внутри выстрагивались „пуговались“. Такимъ образомъ церкви перваго типа—одноглавыя, состоятъ изъ главнаго сруба въ видѣ башни (съ двумя или тремя уменьшающимися восьмериками) и изъ двухъ боковыхъ восьмиугольныхъ прирубовъ (алтаря и бабника), перекрытыхъ пятискатными крышами, причемъ надъ бабникомъ иногда возвышалась колокольня, а надъ алтаремъ ставилась маленькая главка или небольшой осьмерикъ (черт. 34-й). Открытыя крыльца дѣлались на колонкахъ и накрывались двухскатными крышами. Детальная обработка подобныхъ крылецъ показана на черт. 35. Закрытые входы состояли изъ угловыхъ столбовъ, забранныхъ досками въ вертикальномъ направленіи. Характеръ такой обдѣлки представленъ на черт. 35'. Надъ западнымъ крыльцомъ церкви, за отсутствіемъ колокольни, дѣлали иногда открытую звоничку, черт. 15-й.

Церкви втораго типа—наиболѣе господствующаго на Дону—трехглавыя. Онѣ отличаются отъ первыхъ тѣмъ, что здѣсь каждый изъ трехъ срубовъ обдѣланъ одинаково въ формѣ башенъ и только срубы средней части церкви дѣлались нѣсколько выше и шире срубовъ боковыхъ башенъ, черт. 6-й, табл. I-я и черт. 36, табл. II-я (церковь св. Николая, основанная въ 1665 г. и возобновленная по старому основанію въ 1787 г.). Во всѣхъ подобныхъ церквахъ мы видимъ, что онѣ не только

*) На черт. показанъ продольный и поперечный разрѣзъ.

по планамъ, но и по фасадамъ раздѣляются на три какъ бы самостоятельныя части, и каждая изъ частей представляетъ собою опять-таки цѣлый рядъ поднимающихся восьмиугольныхъ срубиковъ. Такимъ образомъ восьмигранныя формы были излюбленнымъ мотивомъ церковно-строительнаго дѣла въ Донской области. Въ другихъ мѣстахъ такого постояннаго примѣненія въ постройкахъ восьмиугольныхъ срубовъ мнѣ не приходилось встрѣчать. Почему именно такая форма является исключительною въ этихъ мѣстахъ—сказать положительно трудно. Есть-ли это выраженіе чего-либо аллегорическаго, или было слѣпое подражаніе подобнымъ церквамъ въ другихъ краяхъ, гдѣ онѣ оправдывались большею красотою и практичностью, сказать трудно. Вѣроятно это происходило отъ того, что, за неимѣніемъ подъ рукой хорошаго строеваго лѣса, приходилось дѣлать соединенія небольшихъ бревенъ, и такъ какъ въ прямыхъ высокихъ стѣнахъ такія соединенія уменьшаютъ прочность ихъ, то и примѣнилась болѣе подходящая форма срубовъ—восьмиугольная. Во всякомъ случаѣ, оставляя этотъ вопросъ открытымъ, перейдемъ къ описанію третьяго типа построекъ—къ пятиглавымъ церквамъ.

Форма отдѣльныхъ частей такихъ построекъ, и даже самая обработка ихъ, точно такая же, какъ мы видѣли и въ трехглавыхъ церквахъ; общій видъ ихъ представляетъ собою пять башенъ, расположенныхъ по плану въ формѣ равноконечнаго креста. Подобныя церкви видимо рѣдко состояли изъ самостоятельныхъ восьмиугольныхъ срубовъ, идущихъ съ самаго основанія церкви, какъ на черт. 7 и 37-мъ, ибо такая конструкція уже прямо казалась нераціональною, не только по замкнутости и стѣснительности самыхъ помѣщеній храма, но и по трудностямъ сдѣлать сооруженіе долговѣчнымъ. Такимъ образомъ пятиглавыя церкви большею частію состояли по плану изъ двухъ продолговатыхъ срубовъ, пересѣкающихся въ перпендикулярномъ направленіи, причемъ каждый изъ срубовъ дѣлался длиною около трехъ квадратовъ; въ пересѣченіи срубовъ возвышалась центровая башня церкви, а выступающія части срубовъ ограничивались съ основанія полувосьмиугольными стѣнами, поверхъ ко-

торыхъ возвышались четыре башни меньшихъ размѣровъ, чѣмъ средняя башня.

Къ западной части такихъ церквей примыкалъ восьмиугольный или четырехугольный срубъ, также въ видѣ башни, предназначаемый внизу для паперти или бабника, а вверху для колокольни.

Пятиглавыя церкви въ Землѣ Войска Донскаго встрѣчаются довольно рѣдко (ц. въ станицѣ Маныцкой), и для яснаго понятія о ихъ формахъ приводимъ въ образецъ, совершенно однородной архитектуры съ донскими церквами, планъ и фасадъ собора въ г. Екатеринодарѣ, Кубанской области (табл. I-я черт. 13-й и табл. II-я черт. 38-й).

Кромѣ упомянутыхъ церквей встрѣчаются еще многоглавыя церкви; не говоря о той изъ нихъ, которая представлена на черт. 7 и 37-мъ, гдѣ колокольня и боковыя пристройки позднѣйшія, укажемъ на девятиглавый соборъ св. Троицы въ г. Ново-Московскѣ, Екатеринославской губерніи (черт. 8-й табл. I-я и черт. 39-й табл. II-я). Соборъ представляетъ собою какъ бы соединеніе трехъ трехглавыхъ церквей вышеописаннаго характера, изъ которыхъ средняя большихъ размѣровъ, а боковыя меньшихъ. Примѣненіе цѣльныхъ восьмиугольниковъ съ самаго основанія церкви разумѣется не могло быть допущено, такъ какъ въ соединеніи ихъ образовались бы колодцы; поэтому церковь собственно состоитъ изъ двухъ перпендикулярно пересѣкающихся, продолговатыхъ срубовъ и изъ четырехъ пристроекъ.

Чтобы дополнить разборъ о церковныхъ постройкахъ Земли Войска Донскаго, скажемъ нѣсколько словъ о колокольняхъ. Послѣднія, по моимъ наблюденіямъ, сначала ставились отдѣльно отъ церкви (въ ст. Клецкой, Маныцкой и др.), а затѣмъ вошло въ употребленіе строить ихъ надъ папертью или надъ бабникомъ. Колокольни, стоящія отдѣльно отъ церкви (черт. 40), имѣли въ основаніи невысокій квадратный срубъ, на которомъ возвышался высокій восьмиугольный срубъ, иногда расширяющійся кверху. Устройство самихъ стѣнъ состояло изъ вертикальныхъ стоекъ, между которыми горизонтально нарубали бревна, обтесанныя съ двухъ сторонъ; этотъ срубъ покрывался бревенчатою „банькою“ (черт. 41-й) и увѣнчивался небольшою

главкою съ отливомъ и шейкою. На высотѣ звона въ верхней части дѣлались полукруглыя отверстія.

Древнія малороссійскія колокольни, къ сожалѣнію, мало извѣстны намъ и, судя по одному образцу, приведенному г. Далемъ въ журналѣ „Зодчій“ (черт. 42-й табл. II-я), имѣли видимо нѣсколько иной характеръ. Представленная колокольня стоитъ отдѣльно отъ церкви и имѣетъ видъ невысокой четырехугольной башни съ аркатуркою на высотѣ звона. Поверхъ арочекъ идетъ отливъ и крыша, въ видѣ заостреннаго сомкнутаго свода, на которомъ возвышается шейка и луковицеобразная главка. Стѣны колокольни обиты тесомъ (шелевкою) въ видѣ глухихъ арочекъ. Колокольни при самыхъ церквахъ (черт. 43) состояли также изъ восьмиугольнаго сруба, возвышающагося надъ папертью или надъ бабникомъ, не съ наклонными стѣнами, а вертикально. Эти колокольни покрывались шатровою крышечкой и также какъ самыя церкви, обшивались гонтомъ „шелевкою“. Въ позднѣйшихъ колокольняхъ верхняя часть ихъ (самый звонъ) дѣлалась шире остальнаго сруба (черт. 44-й), вслѣдствіе чего получался нѣсколько иной характеръ колокольни, напоминающій древнія деревянныя западныя постройки. Въ каменныхъ русскихъ колокольняхъ такой мотивъ почти не встрѣчается; подобное расширеніе звона мнѣ довелось замѣтить только въ колокольнѣ одной изъ церквей въ г. Вяткѣ (черт. 45-й табл. II-я).

Ограничившись разборомъ церковныхъ построекъ Донской области, упомянемъ вкратцѣ о частныхъ жилищахъ. Мнѣ, къ сожалѣнію, не пришлось встрѣтить особенно любопытныхъ и древнихъ частныхъ построекъ, но такъ какъ типъ ихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видимо поддерживается и до настоящаго времени, то разсмотримъ одинъ старинный домикъ въ станицѣ Ново-Григорьевской (начала настоящаго столѣт.), черт. 46-й и 47-й табл. II-я. Онъ состоитъ изъ прямоугольнаго невысокаго сруба, окруженнаго съ трехъ сторонъ открытымъ балкономъ. Срубъ, въ продольномъ направленіи, раздѣляется бревенчатою стѣною, а въ поперечномъ направленіи тонкими перегородками. Наружная лѣстница *е* идетъ на балконъ *жс*, съ котораго входятъ въ сѣни *а*. Отсюда идутъ двери въ чистую

комнату *б*, въ кухню (стряпуху) *в*, и въ кладовую *г*. Между кухней и чистой комнатой находится спальня *д*. Все помѣщеніе отапливается печкою *з*, „врубкой“ и кухонною печкою *и*, въ сводѣ которой вмазанъ большой горшокъ для горячей воды.

Въ виду того, что хутора и станицы казаковъ обыкновенно располагаются по берегамъ рѣкъ, которыя во время полноводія нерѣдко достигаютъ самыхъ жилищъ, то дома казаковъ по большей части строятся на подвалахъ, а галлерейки на выступныхъ изъ-за сруба бревнахъ, въ видѣ кронштейновъ (черт. 48-й) или на особыхъ стойкахъ (черт. 47-й). Такой же способъ устройства галлерей практиковался въ сѣверныхъ церквахъ. Окна въ казацкихъ избахъ украшались налчниками и всегда дѣлались со ставнями; послѣднія главнымъ образомъ вызваны въ этомъ краѣ сильными жарами. Надъ крыльцомъ и „ступеницами“ обыкновенно дѣлались навѣсы; крыши застилались тесомъ и толстымъ слоемъ соломы; стѣны, съ внѣшней стороны, промазывались глиною и бѣлились, что ведется по всему Югу и въ настоящее время *). Древніе домики преимущественно имѣли крытые балконы (галлерейки), черт. 48-й. Въ настоящее время ихъ почти не дѣлаютъ, вслѣдствіе чего утратился и художественный характеръ казачьихъ избъ **).

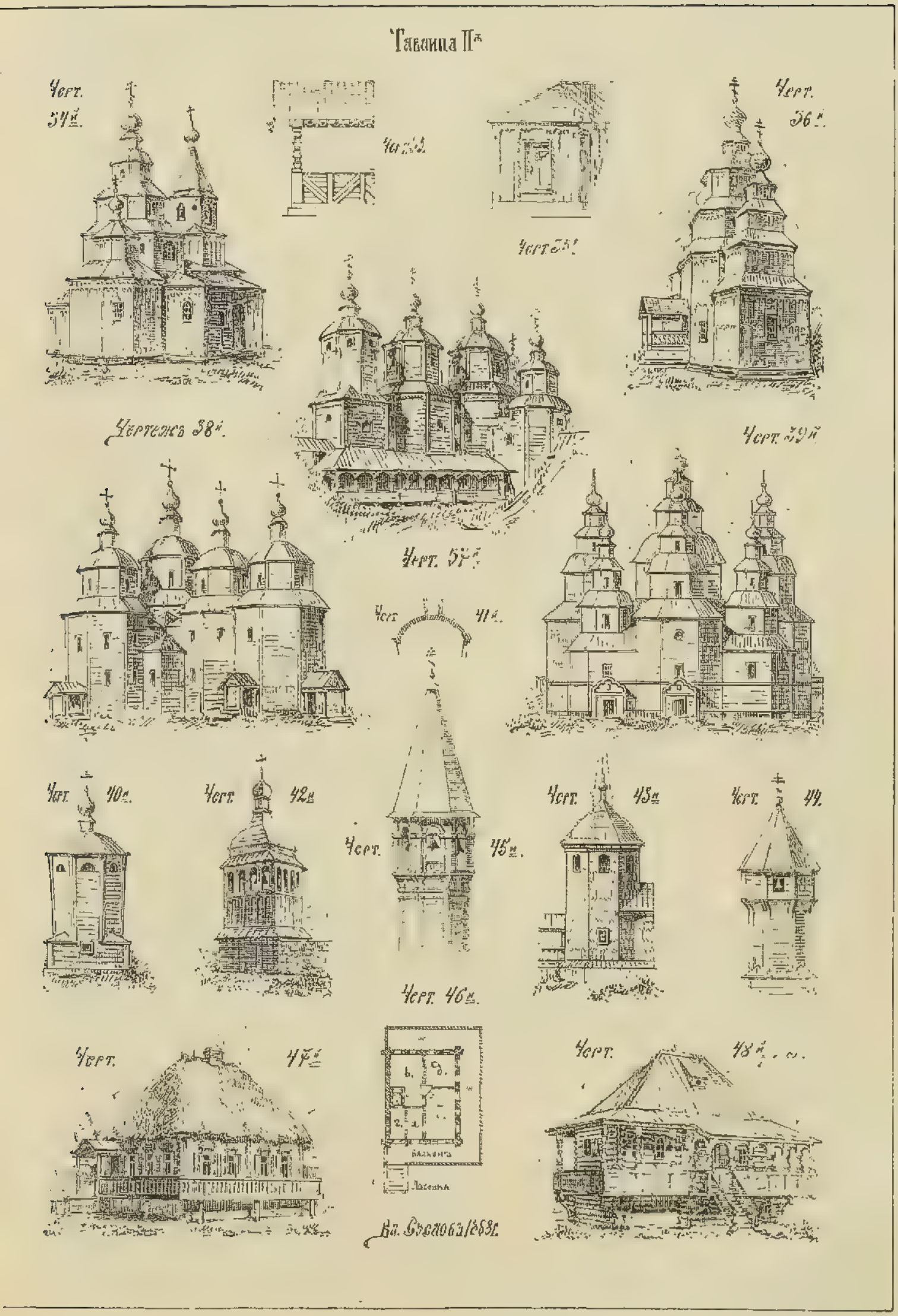
Ознакомившись такимъ образомъ съ характеромъ деревянныхъ церквей Земли Войска Донскаго, мы видѣли, что церкви эти имѣютъ одинаковый характеръ съ приведенными выше церквами Малороссіи и даже Кубанской области (соборы въ городахъ Ново-Московскѣ и въ Екатеринодарѣ).

Сдѣлаемъ теперь еще сравненіе ихъ съ другими южными

---

*) На постройку употребляютъ вербу, вязъ (караучъ), дубъ, кленъ, осину; а для «ступеницъ» тополь.

**) Галлерейки съ арочками на черт. 48-мъ не могутъ причисляться къ общему характеру русской деревянной архитектуры, потому что полукруглыхъ арокъ, и тѣмъ болѣе съ приподнятымъ центромъ, не встрѣчается въ русскихъ сѣверныхъ деревянныхъ галлереяхъ и крыльцахъ. Этотъ характеръ имѣетъ вѣроятно юго-западное происхожденіе, такъ какъ подобныя галлереи мы встрѣчаемъ напр. въ Славоніи (черт. 61-й табл. III—модель сербскаго домика въ московскомъ румянцевскомъ музеѣ); кромѣ того и расположеніе самой галлереи, обходящей домикъ съ трехъ сторонъ, не попадается на нашемъ Сѣверѣ, а встрѣчается также на Западѣ.



Фототипія Евг. Гофферсъ. С.-Петербургъ. Мѣщанская 19.

по болѣе западными церквами. Главный мотивъ донскихъ церквей, какъ мы замѣтили раньше, выражается въ упорномъ примѣненіи восьмигранныхъ срубовъ (въ планахъ и въ фасадахъ), въ формѣ трехъ башень, составленныхъ по одной главной оси церкви. Эти башни по своей конструкціи и детальной обработкѣ совершенно сходны съ верхнею деревянною надстройкою на Антверпенскомъ готическомъ соборѣ (въ Бельгіи), черт. 52-й, и конечно надо думать, что такая форма не была занесена сюда изъ Донской Земли, а господствовала въ строительной практикѣ на Западѣ, какъ извѣстнаго рода типъ, практиковавшійся при деревянныхъ церковныхъ сооруженіяхъ. Вѣроятно этотъ типъ, какъ увидимъ дальше, постепенно перешелъ и въ нашу Донскую область.

Разсматривая теперь другія трехглавыя малороссійскія церкви, напр. показанную на черт. 49-мъ *), мы видимъ, что верхнія части церкви состоятъ, какъ и въ Донской области, изъ восьмиугольныхъ срубовъ и также въ видѣ трехъ башень, обшитыхъ „тесомъ“ въ вертикальномъ направленіи. Разница заключается только въ томъ, что нижняя часть въ западныхъ малороссійскихъ церквахъ преимущественно состояла изъ прямоугольныхъ срубовъ, тогда какъ въ донскихъ церквахъ восьмиугольники шли съ самаго основанія церкви (хотя, положимъ, трехугольныя впадины, черт. 1-й табл. I, иногда зашивались съ внѣшней стороны, и тогда очертаніе нижней части церкви становилось болѣе подходящимъ къ малороссійскимъ церквамъ).

Кромѣ того въ малороссійскихъ церквахъ восьмиугольные срубы большею частію не уменьшались до пирамидальной формы, а оканчивались большимъ граненымъ куполомъ, идущимъ со втораго восьмерика. Церкви эти нѣсколько конструктивнѣе донскихъ и имѣютъ за собой болѣе достоинствъ; общій же характеръ тѣхъ и другихъ трехглавыхъ церквей остается почти одинаковый. Подвигаясь далѣе на западъ, мы опять встрѣчаемъ

*) Малороссійскія церкви, къ сожалѣнію, у насъ мало изслѣдованы; для настоящаго примѣра взятъ рисунокъ изъ журнала «Зодчій» 1874 года, за ноябрь, изъ статьи Л. В. Даля.

трехглавыя церкви подобнаго же типа (черт. 50-й, табл. III, церковь въ мѣстечкѣ Волочискѣ, Волынской губ.). Здѣсь также церковь состоитъ изъ трехъ частей, имѣющихъ самостоятельныя башенныя формы, также (вертикально) обита тесомъ въ арочки, и въ общемъ, кромѣ средняго шатроваго покрытія, вполнѣ тождественна съ церквами, показанными на черт. 49 и 51. Проникая наконецъ въ Галицію, мы и тамъ увидимъ совершенно подобныя же трехглавыя деревянныя церкви.

Для примѣра укажемъ на одну уніатскую церковь въ мѣстечкѣ Раздолѣ (къ югу отъ г. Драгобыча) черт. 51-й, табл. III-я, относящуюся къ XVI—XVII ст. *). Она состоитъ также изъ трехъ прямоугольныхъ срубовъ, переходящихъ въ восьмиугольные, и увѣнчивается большими луковицеобразными гранеными куполами, какъ встрѣчается и въ Малороссіи (черт. 49-й.) Обшивка наружныхъ стѣнъ „шелевкою“ точно такая же, какъ мы видѣли въ донскихъ церквахъ; устройство главокъ, карнизовъ и прочее, все напоминаетъ одну и ту же архитектуру; даже и шатровое покрытіе, какъ видѣли на черт. 50-мъ, мы встрѣчаемъ въ церкви св. Креста въ самомъ городѣ Драгобычѣ. Что же касается галлереекъ, то, правда, въ галицкихъ церквахъ онѣ видимо были болѣе распространены, чѣмъ въ нашихъ южныхъ церквахъ, но за то арочное построеніе ихъ, а также галлерей въ видѣ навѣсовъ, въ тѣхъ и другихъ церквахъ имѣютъ опять-таки одинаковый характеръ по всему Югу.

И такъ, при сравненіи Донскихъ, Малороссійскихъ и Галицкихъ церквей, мы замѣчаемъ, что всѣ онѣ имѣютъ ясный отпечатокъ одного и того же типа церковныхъ построекъ. Хотя донскія церкви представляютъ нѣкоторую разницу по исключительному значенію восьмиугольныхъ срубовъ, тѣмъ не менѣе архитектура указанныхъ церквей, въ южной полосѣ Россіи и Галиціи, принадлежитъ къ одному и тому же стилю. Это сказывается не только въ главныхъ формахъ трехглавыхъ церквей, но и въ детальной обработкѣ фасадовъ. Кромѣ того, изъ описанія памятниковъ старины въ Галиціи и Буковинѣ профессора Я. Головацкаго **) видно, что многія названія отдѣльныхъ частей церков-

*) Изъ статьи В. В. Стасова «Русская деревянная архитектура въ Галиціи».
**) Въ Трудахъ I-го археологическаго съѣзда въ г. Москвѣ.

нихъ сооруженій, способъ ихъ постройки, и самые термины строительнаго дѣла въ Галиціи и по всему нашему Югу въ большинствѣ случаевъ одинаковые, напр.: бабникъ, мужичникъ и проч.; что же касается помѣщенія бабника, то оно встрѣчается даже и въ Моравскихъ церквахъ „babina"; наконецъ, аналогичныя внѣшнія формы разсмотрѣнныхъ нами построекъ мы встрѣчаемъ, какъ увидимъ далѣе, и въ болѣе западныхъ краяхъ. Чтобы сдѣлать какіе-либо выводы о происхожденіи и развитіи типа южныхъ церковныхъ построекъ, укажемъ сначала на то, что древнія церкви сѣверной Россіи не имѣютъ родственнаго сходства съ южными церквами и что самая архитектура того и другаго края несомнѣнно имѣетъ свою исторію. Для сравненія церковныхъ памятниковъ той и другой полосы Россіи, возьмемъ тѣ изъ сѣверныхъ деревянныхъ церквей, которыя кажутся наиболѣе подходящими къ донскимъ и вообще южнымъ церквамъ, такъ напр. (черт. 53-й *a* и черт. 54-й) Нижне-Уфтюгская церковь Вологодской губ., Сольвычегодскаго уѣзда; если главный срубъ *a* устраивали восьмиугольнымъ, то другіе прирубы *в.в.* всегда дѣлались прямоугольные (восьмиугольныхъ совсѣмъ не встрѣчается) и по фасаду никогда не имѣли тождественной формы съ главнымъ срубомъ. Послѣдній всего чаще шелъ безъ подраздѣленій на ярусы, и увѣнчивался высокимъ шатромъ, а прирубы его покрывались, за малымъ исключеніемъ, *бочечными* крышами (съ главками), которыхъ совсѣмъ незамѣтно въ южныхъ церквахъ. Такая церковь съ одною среднею выдающеюся частью и двумя прирубами (какъ бы плечами ея), имѣющими второстепенное значеніе, получала видъ одной цѣльной постройки; между тѣмъ въ южныхъ трехглавыхъ церквахъ всѣ три части церкви имѣли съ фасада одинаковыя формы и давали впечатлѣніе трехъ самостоятельныхъ строеній, соединенныхъ вмѣстѣ *). Если въ сѣверныхъ церквахъ средній срубъ дѣлался прямоугольнымъ и надъ нимъ возвышался восьмиугольный срубъ, то разница во внѣшнихъ формахъ между сѣверными и южными церквами вы-

*) Сѣверныя трехглавыя церкви, попадающіяся сравнительно рѣдко, существенно разнятся отъ южныхъ тѣмъ, что въ первыхъ не было восьмериковъ, а дѣлались главки или шатрики и ставились только на средней части церкви, при томъ не по восточно-западному направленію, а по сѣверо-южному.

ходила почти та же. Наконецъ, если мы возьмемъ еще для сравненія сѣверную трехшатровую церковь *), то увидимъ, что такое покрытіе дѣлалось надъ главнымъ и надъ особыми придѣлами съ сѣверной и южной сторонъ церкви, причемъ придѣлы являлись въ видѣ особыхъ церковокъ съ отдѣльными алтарями и вся церковь нисколько не напоминала южныя трехглавыя церкви. Что касается крестоваго типа сѣверныхъ церквей (черт. 53-й *б* и черт. 55-й — церковь на рѣкѣ Кокшенгѣ, Вологодской губ., Тотемскаго уѣзда), то онъ представляетъ собою простое усложненіе перваго же типа, т. е. къ сѣверной и южной гранямъ главнаго восьмиугольника придѣлывались еще два прямоугольные прируба одинаковаго устройства съ западнымъ и восточнымъ прирубами, отличающіеся въ то же время отъ главнаго сруба **). При томъ же устройствѣ, когда средній срубъ былъ квадратнымъ и переходилъ въ восьмиугольный,—боковые прирубы (концы креста) опять-таки всегда дѣлались прямые и иногда только восточный конецъ—алтарь, дѣлался въ видѣ половины восьмиугольнаго сруба. Грани же въ сѣверномъ, южномъ и западномъ прирубахъ, какъ мы видѣли въ южныхъ храмахъ (рисун. 12-й), никогда не дѣлались въ сѣверныхъ церквахъ.

Наружныя стѣны послѣднихъ въ древности никогда не обшивали тесомъ, а позднѣйшая обшивка дѣлалась всегда въ горизонтальномъ направленіи; между тѣмъ во всѣхъ южныхъ церквахъ обшивка стѣнъ въ вертикальномъ направленіи, „шелевка“ была излюбленнымъ украшеніемъ церковныхъ построекъ. Далѣе при южныхъ храмахъ нѣтъ тѣхъ трапезныхъ, которыя составляли одно изъ важныхъ помѣщеній въ теплыхъ сѣверныхъ церквахъ ***).

---

*) Для примѣра укажемъ на Кемскій соборъ, рисунокъ котораго помѣщенъ въ моемъ сочиненіи «Путевыя замѣтки о Сѣверѣ Россіи и Норвегіи», изданіе Императорской Академіи Художествъ.

**) Какъ исключительный примѣръ пятишатровой церкви съ такимъ планомъ—въ посадѣ «Нёноксѣ»; но она все-таки по своей архитектурѣ совершенно отличается отъ южныхъ церквей. См. «Путевыя замѣтки о Сѣверѣ Россіи и Норвегіи.

***) Въ бабникѣ южныхъ церквей хотя и происходили поминки, но помѣщеніе это было вызвано, главнымъ образомъ, обычаемъ имѣть въ церкви отдѣльное помѣщеніе для женщинъ; между тѣмъ трапезная въ сѣверныхъ церквахъ

Галлерейки въ донскихъ и малороссійскихъ храмахъ встрѣчаются рѣдко и хотя онѣ были приняты въ галицкихъ церквахъ, но имѣютъ большую разницу съ галлереями холодныхъ сѣверныхъ церквей. Въ южныхъ храмахъ онѣ, по большей части, дѣлались двухэтажными, причемъ нижняя устраивалась въ видѣ простаго навѣса (на столбахъ, черт. 51, или на выпускныхъ бревнахъ въ видѣ кронштейна, черт. 50-й). Нижній навѣсъ шелъ иногда вокругъ всей церкви, а верхняя галлерея, обнимая съ трехъ сторонъ западный срубъ, всегда имѣла видъ легкой аркатуры (черт. 57-й и 51-й). Въ сѣверныхъ же церквахъ галлерея устраивалась только въ одинъ этажъ и никогда не обходила вокругъ всей церкви, а самое большее ограничивалась до алтарнаго сруба (черт. 53-й *а*); кромѣ того, въ послѣднихъ не дѣлалось открытыхъ, полукруглыхъ арокъ *), а пространство между стойками обдѣлывалось въ видѣ маленькихъ оконъ, черт. 54-й (часто съ внутренними ставнями). Самое происхожденіе галлерей тамъ и тутъ было вызвано разными причинами; однѣ—отъ разныхъ непогодъ, а другія—отъ сильнаго солнца. Далѣе открытыя лѣстницы (черт. 53-й), рундуки и крыльца, составляющіе одну изъ самыхъ типичныхъ и выдающихся частей въ сѣверныхъ постройкахъ, совсѣмъ незамѣтны въ южныхъ церквахъ. Затѣмъ мы не видимъ въ южныхъ церковныхъ постройкахъ такого главенствующаго шатроваго покрытія, которое повсюду находимъ въ сѣверныхъ храмахъ; также не встрѣчаемъ кокошниковъ, представляющихъ одно изъ важныхъ украшеній сѣверныхъ церквей; не видимъ крестчатой чешуи, досчатыхъ отливовъ подъ шейками главокъ, какъ показано на черт. 54—58 и т. п. Просматривая самую конструкцію тѣхъ и другихъ церквей, напр. въ кажущемся сходствѣ устройства выдающихся карнизовъ галицкихъ и сѣверныхъ русскихъ церквей, мы видимъ ту разницу, что въ первыхъ

образовалась, вслѣдствіе обычая сѣверныхъ жителей устраивать въ большіе праздники складчинные пиры (братчины), для необходимаго отдыха прихожанъ, являющихся изъ далекихъ окраинъ прихода и для бесѣдъ крестьянъ съ священниками о церковныхъ и общественныхъ дѣлахъ.

*) Въ рѣдкихъ случаяхъ (ц. на Бѣлослудскомъ погостѣ, Вологодской губ., Сольвычегодскаго уѣзда) открытыя части галлерей дѣлались только съ южной стороны, и то безъ арокъ

(черт. 19-й) откосы (заломы) получались только при обшивкѣ выступающихъ изъ сруба концовъ верхнихъ бревенъ, а во вторыхъ откосъ карниза получался самымъ расширеніемъ сруба (черт. 56-й). Что касается детальныхъ украшеній (рѣзныхъ наличниковъ, оконъ и наружныхъ порѣзокъ), а также многихъ терминовъ церковно-строительнаго дѣла въ сѣверной и южной деревянной архитектурѣ, то и въ этомъ видимъ большую разницу; на Сѣверѣ нѣтъ ни бабниковъ, ни банекъ, ни шелевки и проч.

Чтобы провести параллель между колокольнями той и другой полосы, укажемъ только на то, что при сѣверныхъ церквахъ онѣ всегда дѣлались отдѣльно *), и почти исключительно восьмиугольный срубъ ихъ никогда не расширялся кверху (какъ видно на черт. 40-мъ), кромѣ того срубъ колокольни выражалъ на Сѣверѣ только одежду, а скелетъ ея представлялъ собою (черт. 59-й и 60-й) рядъ бревенчатыхъ устоевъ, которые поднимались выше сруба и образовывали для колоколовъ открытый навѣсъ, увѣнчивающійся всегда высокимъ шатровымъ покрытіемъ (баньки и отверстія въ видѣ оконъ никогда не дѣлались). Лѣстницы на колокольню довольно часто дѣлались до половины снаружи, что представляло также одну изъ характерныхъ чертъ сѣверныхъ колоколенъ. Такимъ образомъ, чѣмъ детальнѣе мы будемъ всматриваться въ устройство древнихъ сѣверныхъ и южныхъ деревянныхъ церковныхъ построекъ, тѣмъ болѣе убѣдимся, что значительная разница между ними ясно выражаетъ два различныя направленія искусства.

Относительно луковицеобразныхъ южныхъ восьмигранныхъ куполовъ подобной формы, какъ показано на черт. 62-мъ (церковь въ селѣ Ростовскомъ, Вологодской губ., Вельскаго уѣзда), встрѣчающихся, напр., въ церкви св. Юрія въ Драгобычѣ, надо сказать, что они, хотя и встрѣчаются въ сѣверныхъ церквахъ, но сравнительно рѣдко и то больше въ позднѣйшее время. Форма эта, хотя и существовала по всей Руси,

*) Въ донскихъ церквахъ, какъ было упомянуто выше, колокольни въ позднѣйшее время ставились при самой церкви.

но примѣненіе ея*) въ видѣ восьмиграннаго купола, на который ставилась особая главка, было распространено прежде всего, вѣроятно, на Югѣ, такъ какъ на Сѣверѣ, судя по сохранившимся памятникамъ, она примѣнялась только въ извѣстныхъ мѣстахъ (мнѣ довелось встрѣтить только въ Вельскомъ и Шенкурскомъ уѣздахъ)**), куда заносилась случайно; иначе бы она повторялась во всемъ русскомъ искусствѣ. Что же касается церквей, состоящихъ изъ нѣсколькихъ этажей восьмигранниковъ (черт. 63-й—церковь въ г. Торжкѣ, Тверской губ.), то онѣ почти не встрѣчаются въ мѣстахъ, гдѣ болѣе въ чистотѣ сохранился типъ древне-русскихъ деревянныхъ построекъ (Сѣв. Двина и Поморье), а если и попадаются въ Новгородской, Тверской и др. губерніяхъ, то онѣ относятся къ концу XVII ст. ***) и съ перваго же взгляда отличаются отъ болѣе древнихъ и характерныхъ русскихъ деревянныхъ храмовъ. Тѣмъ не менѣе этотъ мотивъ сталъ практиковаться въ средней полосѣ Россіи и въ каменной архитектурѣ, первой половины прошлаго столѣтія, сначала въ колокольняхъ, а потомъ и въ самыхъ церквахъ. Формы этихъ церквей въ видѣ башень, состоящихъ изъ ряда уменьшающихся кверху восьмигранныхъ срубиковъ, присущія только южной архитектурѣ, употреблялись русскимъ народомъ видимо еще съ давнихъ временъ, такъ какъ онѣ встрѣчаются въ нашихъ древнихъ рукописяхъ, напр. въ миніатюрахъ (черт. 64-й) житія Московскаго митрополита св. Алексѣя, половины XV ст., и черт. 65-й — въ Соловецкой іосовой рукописи XVI ст. (Трехглавыя же церкви, въ видѣ отдѣльныхъ восьмиугольниковъ, но съ пирамидальнымъ покрытіемъ, находимъ въ Строгоновскомъ иконописномъ подлинникѣ

*) Такая же форма, но четырехгранная (палатная), нерѣдко практиковалась какъ крыша въ древнихъ деревянныхъ храмахъ по рѣкѣ Онегѣ и по Поморью.

**) Въ нѣкоторыхъ церквахъ этихъ уѣздовъ подобные купола ставились и надъ алтарными срубами.

***) По количеству церквей такого типа, разбросанныхъ въ южной, средней и сѣверной полосахъ Россіи, замѣтно, что на Югѣ онѣ имѣютъ господствующее значеніе, далѣе къ Сѣверу попадаются рѣже и, наконецъ, въ Шенкурскомъ уѣздѣ совершенно исчезаютъ. Это указываетъ на то, что типъ такихъ церквей шелъ съ Юга и постепенно терялся въ болѣе укрѣпившихся формахъ самобытной сѣверной архитектуры.

конца XVI ст.). Эти общія формы (восьмигранные купола и многоэтажные срубы) могли появиться на Сѣверѣ съ Юга, послѣ присоединенія Малороссіи къ Россіи и, во всякомъ случаѣ, онѣ отходятъ отъ главныхъ типовъ сѣверныхъ церквей, а потому не мѣшаютъ сдѣлать слѣдующіе взгляды на развитіе той и другой архитектуры.

Какъ извѣстно по историческимъ указаніямъ, Новгородъ еще очень рано славился своими деревянными постройками, и такъ какъ, при колонизаціи нашихъ сѣверныхъ окраинъ, новгородцы играли главную роль, то, по мѣрѣ развитія христіанства на далекомъ Сѣверѣ, рука объ руку шло и церковно-строительное дѣло. Часовни и храмы, какъ символы новой, истинной вѣры, быстро насаждались по далекимъ окраинамъ и естественно съ каждымъ вѣкомъ возростало и самое искусство. Когда же Новгородъ перешелъ къ Московскому государству, то, какъ извѣстно, весь Сѣверъ пополнился цѣлыми артелями бѣжавшихъ изъ Новгорода мастеровъ. Они разносили и развивали въ народѣ всѣ познанія, какія получили въ тогдашнемъ передовомъ центрѣ общественной жизни — въ Великомъ Новгородѣ.

Теперь, если мы примемъ во вниманіе, что съ Московскаго періода всѣ невзгоды, проносившіяся надъ среднею и южною полосой Россіи, иногда не достигали Сѣвера или же касались его значительно менѣе, чѣмъ остальной Россіи, то становится яснымъ, что искусству на нашемъ обширномъ Сѣверѣ отводился сравнительно нѣкоторый покой и свобода религіозныхъ воззрѣній иночества. Тутъ оно зарождалось и воспитывалось народными силами. Отсюда выходили церкви „18-ти-главыя“ „о 20-ти стѣнахъ“, „шатровыя“ и др. Словомъ искусство жило здѣсь, хотя и не богато по сравненію съ другими искусствами, но во всякомъ случаѣ самостоятельно и правдиво. Почти въ каждомъ памятникѣ сѣверной архитектуры мы видимъ простоту, раціональность и художественную красоту. Не то мы встрѣчаемъ въ Донской области; тамъ искусство не жило, а только примѣнялось въ готовыхъ образцахъ къ извѣстнымъ духовнымъ нуждамъ народа. Явились какія-то восьмиугольныя формы и составлялись цѣлыми рядами (горизонтально

Таблица III-я.

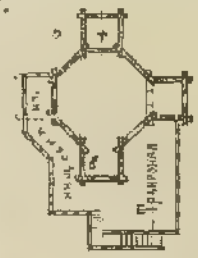
Черт. 49-й

Черт. 50-й.

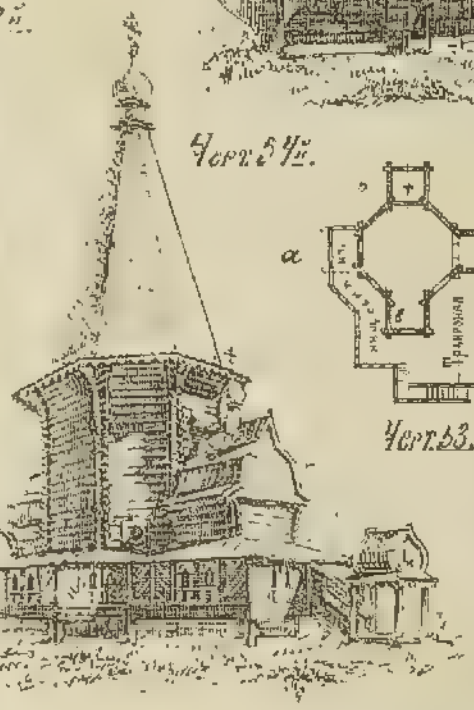
Черт. 51-й.

Черт. 52-й.

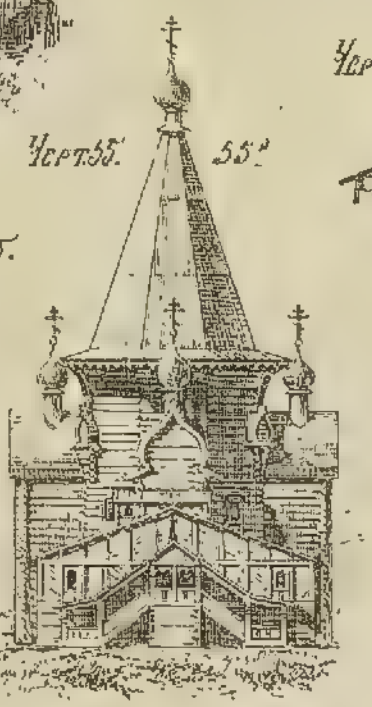
Черт. 53.



Черт. 54-й.

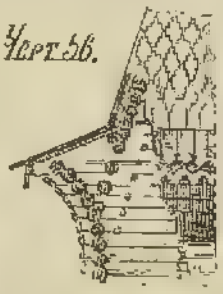


Черт. 55.

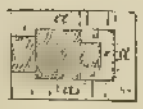


Черт. 55-й

Черт. 56.

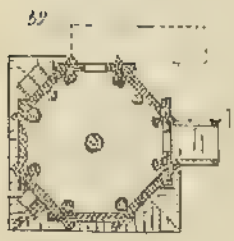


Черт. 57.



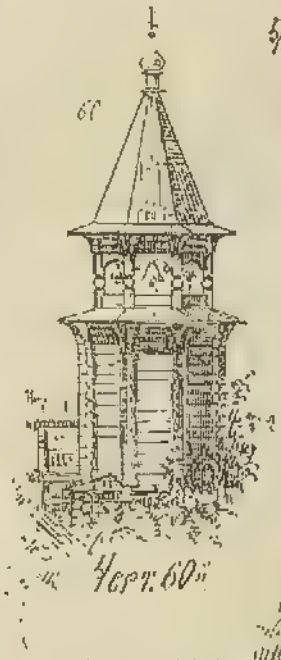
Черт. 58-й

Черт. 59-й

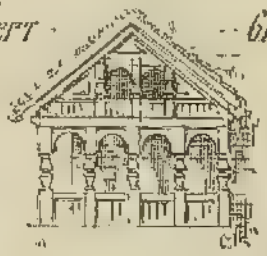


Черт. 64-й

Черт. 60-й



Черт. 61-й.



Черт. 66-й.

Черт. 62-й.

Черт. 63-й.

Черт. 65-й.

1888-го года.

Вл. Суслов.

Фототипія Евг. Гоффероя. С.-Петербургъ. Мѣщанская 19.

и вертикально), безъ малѣйшаго отчета въ конструктивности и съ весьма малымъ художественнымъ чутьемъ. Да и могла ли самая жизнь казаковъ создать свое какое-либо искусство, когда они сами долго находились въ постоянномъ разладѣ съ духовными началами христіанской религіи. Въ то же время, когда жизнь ихъ получила болѣе нормальный ходъ, самостоятельному искусству развиваться было поздно, такъ какъ искусство наше очутилось въ опалѣ и сильный натискъ западничества скоро сдавилъ разцвѣтавшее тогда русское искусство, не только въ центрахъ общественной жизни, но и въ самомъ народѣ. Возвращаясь къ общему взгляду на церковную архитектуру Земли Войска Донскаго, мы, хотя и находимъ въ разныхъ документахъ, что казаки обращались за благословеніемъ на постройку церквей къ московскому патріарху и къ ближайшимъ епископамъ, но тѣмъ не менѣе, судя по существующимъ памятникамъ, въ характерѣ церковныхъ построекъ Донской области, за исключеніемъ нѣкоторыхъ деталей, нисколько не проявилось вліянія московскаго зодчества.

Дѣйствительно, мы не видимъ ни одного указанія, чтобы Москва, разрѣшая постройки церквей на Дону, вмѣстѣ съ тѣмъ посылала и строителей; въ то же время въ челобитныхъ на постройку церквей не встрѣчается ни одного запроса на строителей и со стороны казаковъ. Такимъ образомъ церковно-строительное дѣло въ Донской области очевидно не имѣло прямой связи и общаго хода съ сѣверной архитектурой. Оно, конечно, не имѣло и самостоятельнаго развитія, такъ какъ, во-первыхъ, самая жизнь казаковъ не давала нормальной почвы для искусства, а во-вторыхъ, есть существенныя доказательства, что казаки не занимались ни ремеслами, ни какимъ-либо художественно-промышленнымъ дѣломъ. Такъ, въ ряду всевозможныхъ записей по церковному дѣлу на Дону нѣсколько разъ упоминается, что пріѣхавшіе въ Москву казаки отдали такому-то мастеру такіе-то церковные заказы, и такія-то починки („зарукавья“, „оклады образовъ“, „серьги“ и т. п.). Кромѣ того, нерѣдко указывается въ записяхъ о посылкѣ съ Москвы на Донъ разной утвари, книгъ и др. церковныхъ предметовъ. Наконецъ, по просьбѣ самихъ казаковъ, въ 1682 г. съ Москвы прочи-

лись серебряные мастера для промысла на Донъ, такъ какъ у нихъ „мастеровъ такихъ нѣтъ“. Всѣ эти записи касаются собственно тѣхъ ремесленниковъ, которыхъ по достоинству трудно было достать помимо Москвы, и такъ какъ церковныя вещи повсюду между русскими имѣли одинаковое назначеніе и носили на себѣ тождественный характеръ, то казакамъ и не было нужды избѣгать Москвы. Между тѣмъ самыя постройки на Югѣ, какъ и въ сѣверной Россіи, допускались различнаго характера (по крайней мѣрѣ до Алексѣя Михайловича) *) и дѣлались по преимуществу мѣстными строителями.

Теперь, если мы примемъ къ свѣдѣнію, что, во-первыхъ, въ записяхъ объ участіи московскихъ мастеровъ въ церковномъ производствѣ на Дону, совсѣмъ не упоминается о строителяхъ, во-вторыхъ, постановленіе московскаго собора о запрещеніи постройки трехглавыхъ церквей, касалось главнымъ образомъ Малороссіи (такъ какъ на Сѣверѣ ихъ очень мало) и, что, въ третьихъ, на Дону былъ распространенъ именно типъ трехглавыхъ церквей; то ясно, что церковно-строительное дѣло Малороссіи и Земли Войска Донскаго имѣло непосредственную связь, и что, слѣдовательно, прототипомъ донскихъ церквей послужили сосѣднія церкви Малороссіи. Это оправдывается не только сходствомъ тѣхъ и другихъ храмовъ, но и тѣмъ, что малороссы, играя большую роль въ образованіи казачества, по своей сравнительной развитости (особенно между священниками) имѣли первенствующее значеніе, и все казачество такъ сказать нравственнымъ образомъ подчинялось традиціямъ малороссійскаго народа, который, въ свою очередь, по церковнымъ дѣламъ, незамѣтно подчинялся вліянію Запада. Наконецъ, принимая во вниманіе, что между Малороссіею и Москвою всегда сказывалась извѣстная борьба, то и эти обстоятельства указываютъ на возможность постояннаго вліянія Малороссіи на донскихъ казаковъ, и тѣмъ болѣе въ цер-

---

*) Съ этого времени, какъ извѣстно, трехглавыя и шатровыя церкви были наконецъ запрещены, хотя запрещеніе это на самомъ дѣлѣ выполнялось только въ городахъ и ближайшихъ мѣстахъ къ Москвѣ; въ глухихъ же частяхъ, какъ-то на сѣверныхъ и южныхъ окраинахъ Россіи, это постановленіе собора, въ силу извѣстныхъ привычекъ народа и отдаленности контроля, исполнялось рѣдко.

ковномъ дѣлѣ. Нельзя, конечно, отвергать и того, что между казаками могли быть и сѣверные плотники, что подтверждается историческими указаніями *) и нѣкоторыми деталями рѣзнаго производства въ наружныхъ украшеніяхъ, какъ напр. въ главкахъ, черт. 22-й и 23, въ наличникахъ, черт. 31-й, въ крыльцахъ, черт. 35-й и т. п.

Кромѣ того, надо думать, что здѣсь сохранялись остатки церковныхъ памятниковъ раняго христіанства, т. е. формы греческихъ храмовъ и между прочимъ церкви крестоваго типа (черт. 9-й и 10), о которыхъ мы говорили раньше. Во всякомъ случаѣ крестовыя церкви, если и не имѣли господствующаго значенія на Югѣ, тѣмъ не менѣе онѣ не забывались и въ чисто русскомъ народѣ получали вѣроятно преобладающее значеніе. Что касается общаго южнаго типа трехглавыхъ церквей, то онѣ видимо имѣли прямое отношеніе къ западнымъ церквамъ. Существуютъ указанія Гакстгаузена, путешествовавшаго по Россіи, что всѣ уніатскія церкви — трехглавыя съ отдѣльною колокольнею. Этотъ типъ ничего не имѣетъ общаго съ русскими сѣверными церквами и очевидно былъ распространенъ прежде всего не въ Россіи. Покойный Л. В. Даль указывалъ слѣды такого типа церквей на изображеніи бронзовой двери въ Гнѣзно (въ Польшѣ) и затѣмъ говоритъ, что подобныя же формы замѣтны въ постройкахъ францускихъ крестоносцевъ на Неаполитанскомъ берегу; кромѣ того, онъ приводитъ двѣ весьма любопытныя древнія церкви: одна Св. Франциска въ Трани, а другая церковь въ Молфеттѣ. Всѣ онѣ имѣютъ базиличную форму съ тремя поперечными раздѣленіями. Раздѣленія эти отмѣчены въ фасадѣ среднимъ высокимъ восьмигранным барабаномъ, съ одного бока всегда невысокимъ четырехгранникомъ, а съ другаго бока, видимо надъ алтарною частью, восьмигранникомъ. Эти выдающіеся купола въ Транинской и Молфетской церквахъ покрыты невысокими пирамидальными крышечками. По отношенію же детальныхъ формъ мы видѣли поразительное сходство башни Антверпенскаго собора (черт. 52-й) съ отдѣльными частями трехглавыхъ донскихъ церквей (черт. 34-й

*) Извѣстно, что еще при Іоаннѣ III не мало народу бѣжало на Волгу, а потомъ и на Донъ.

и 36-й). Всѣ эти данныя даютъ полный поводъ предположить, что на Западѣ еще въ довольно раннюю эпоху одинъ изъ типовъ церквей былъ именно такого же мотива, какъ и наши южныя трехглавыя церкви. Во всякомъ случаѣ извѣстно то, что шотландцы и бенедиктинцы, еще въ VIII ст., славились своими деревянными церквами, и во время проповѣдей естественно мало-по-малу насаждали свое искусство въ Германіи, Моравіи и въ другихъ болѣе близкихъ къ намъ мѣстностяхъ.

Конечно теперь трудно сказать, какого характера были эти церкви, но надо думать, что онѣ были сходны съ нѣкоторыми нынѣ существующими древними церквами Моравіи, Познани, Польши и Галиціи. Относительно первыхъ намъ очень мало извѣстно, хотя напр. въ Моравскихъ церквахъ *) замѣтно, что галлереи также какъ и въ Галицкихъ церквахъ обходили вокругъ храма; наружныя стѣны, какъ и въ донскихъ церквахъ, обшивались гонтомъ въ вертикальномъ направленіи. Что же касается Польши и Галиціи, то, благодаря начавшемуся изданію львовской политехнической школы „Памятники искусства въ Польшѣ“, мы видимъ, что церкви этого края трехглавыя (черт. 51-й) и вполнѣ сходны съ малороссійскими церквами (черт. 49-й).

Въ объясненіи вышеупомянутаго изданія нынѣ существующія древнія церкви Галиціи признаются церквами отцевъ-доминиканцевъ и упоминается, что точно такихъ же (трехглавыхъ) церквей и костеловъ очень много въ Галиціи. Эти указанія говорятъ за то, что у католиковъ, уніатовъ и русскихъ извѣстные храмы существовали одного типа.

Посмотримъ теперь при какихъ обстоятельствахъ могъ выразиться этотъ фактъ. Съ распространеніемъ у насъ христіанской вѣры, была одна нераздѣльная русская церковь; но съ тѣхъ поръ какъ великіе князья и съ ними первосвятители перенесли свою резиденцію на Сѣверъ Россіи, южно-русскія области стали обособляться и проявлять нѣкоторую самостоятельность. Югъ какъ бы раздѣлился съ Сѣверомъ и сталъ Малою Русью. Скоро затѣмъ пошли споры и о самостоятельномъ церковномъ

*) Статья графа Уварова въ Трудахъ II-го Археологическаго съѣзда.

управленіи, которые черезъ полтора вѣка окончились отдѣленіемъ южно-русской митрополіи отъ сѣверной. Самыя же владѣнія подчинились сначала князьямъ литовскимъ, затѣмъ литовско-польскому владычеству и наконецъ одной Польшѣ. Вмѣстѣ съ этимъ владычествомъ понеслись и всѣ невзгоды на южно-русскую церковь. Начались вліянія римско-католическаго исповѣданія *); наши церкви подпали подъ управленіе католическихъ властей, а затѣмъ, со времени уніи, подъ управленіе іерархіи, признавшей надъ собой власть римскаго первосвященника. Польское духовенство не дѣлало никакихъ уступокъ русской церкви и вмѣстѣ съ папой не преслѣдовало другихъ цѣлей, какъ только подавленіе всѣхъ вѣроисповѣданій кромѣ латинскаго. Они повсюду посылали монаховъ-доминиканцевъ распространять латинство и всѣми путями добивались своего господства повсюду.

Эти попытки и усилія римской куріи подчинить себѣ западно-русскую церковь оставались часто безуспѣшны до XVI ст., ибо простой народъ всегда крѣпко держался родной вѣры; но съ Люблинской уніи цѣли римскаго двора опять подвинулись впередъ.

Послы отъ западно-русскаго дворянства прямо заявляли на избирательномъ сеймѣ 1632 г., что „права наши нарушены и вольность попрана; святые храмы, издавна сооруженные, иные запустѣли, иные и донынѣ запечатаны...“ **).

Далѣе, когда распространился слухъ, что Петръ Могила отпалъ отъ православія, то предшественникъ его, Исаія Копинскій писалъ въ малороссійскіе монастыри: „всю службу, по повелѣнію папы, въ христіанскихъ церквахъ, въ польскихъ и литовскихъ городахъ, превратить въ костелы... и быть де въ Михайловскомъ (Кіевскомъ) монастырѣ Доминиканамъ...“ ***).

---

*) Этому способствовали и самыя сношенія Владиміро-Галицкаго княжества съ Венгріей и Польшей (особенно браками). Когда же Галиціею овладѣли Венгры, то папа прямо писалъ, чтобы здѣсь насадили вѣру латинскую, и православные храмы обращались въ латинскіе.

**) Польское общество, содѣйствуя уніи и разсылая чиновниковъ для казачества и Малороссіи, вмѣстѣ съ ними направляло іезуитовъ и уніатовъ, которые, гдѣ имъ нужно было, всегда утверждались довольно прочно.

***) Подъ вліяніемъ этого извѣстія малороссійскіе монахи массою пересе-

Наконецъ, въ 1718 г. литовскіе и бѣлорусскіе монастыри обратились къ Петру Великому съ жалобой, что они терпятъ гоненія, и что поляки хотятъ истребить св. благочестіе. — Въ 1739 г. пишутъ, что „кромѣ насильно отнятыхъ церквей, еще отняты, и новыхъ строить не позволяютъ“. Такимъ образомъ, приведенныя указанія о положеніи южно-русской церкви ясно свидѣтельствуютъ, что характеръ нашихъ церковныхъ построекъ на Югѣ сначала не игралъ особенной роли въ достиженіи главной цѣли латинскаго духовенства.

Мы видимъ, что они переносили свои службы въ русскія церкви, посылали въ нихъ доминиканцевъ, словомъ, прежде всего стремились насадить латинскую вѣру; вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ мы и понынѣ находимъ, какъ сказано въ изданіи „Памятники искусства въ Польшѣ“, что церкви и костелы въ Галиціи имѣютъ одинаковый типъ постройки, т. е. въ видѣ базиличныхъ трехглавыхъ церквей. Конечно, тѣ постройки, которыя примѣнялись прямо къ костелу, вѣроятно нѣсколько отличались отъ этого типа.

Въ статьѣ проф. Я. Головацкаго „Объ изслѣдованіи памятников русской старины въ Галичинѣ и Буковинѣ“ *), находимъ, что въ этихъ краяхъ существуютъ также и пятиглавыя (крестообразныя) церкви, и что тѣ и другія строились совершенно одинаково.

Я не берусь рѣшать, откуда появился типъ трехглавыхъ церквей, которыя составляютъ такое обычное явленіе по всему нашему Югу и Галиціи, но думаю провести слѣдующіе взгляды.

Оставляя въ сторонѣ предположеніе объ аллегорическомъ происхожденіи трехглавыхъ церквей (во имя тройственности Божества — Отца, Сына и Святаго Духа), мы обратимся къ тому, какого типа существовали церкви, подходящія къ крестообразнымъ и трехглавымъ церквамъ на христіанскомъ Западѣ и Востокѣ (приблизительно, около X вѣка), въ то

лились въ сѣверную Россію «со всѣмъ монастырскимъ строеніемъ и животами». Этому выселенію нужно приписать и появленіе въ сѣверной Россіи такихъ церквей, какъ изображено на черт. 62-мъ и 63-мъ.

*) Въ Трудахъ I-го Археологическаго съѣзда.

время, когда въ юго-западной Россіи стали появляться русскіе православные храмы.

На Западѣ, въ эту эпоху базилика считалась каноническою формою религіозной архитектуры. Она состояла изъ небольшой паперти, между боковыми колокольнями; затѣмъ шло продолговатое помѣщеніе, раздѣленное столбами, въ продольномъ направленіи, на три или на пять частей. Далѣе шло поперечное дѣленіе, въ пересѣченіи котораго съ главной средней частью базилики иногда дѣлался возвышающійся сводъ. За поперечнымъ дѣленіемъ базилики шло такое же помѣщеніе, какъ и спереди (съ подраздѣленіемъ на корабли), и оканчивалось иногда тройными полукружіями, какъ и въ алтаряхъ греческихъ храмовъ. Боковые корабли базилики были значительно ниже главнаго и поперечнаго отдѣленія (трансепта), такъ что базилики по верхней части имѣли видъ латинскаго креста. Кромѣ того примемъ въ соображеніе, что въ базиличныхъ церквахъ въ Трани и въ Молфеттѣ, а также на изображеніи церкви въ Гнѣзненской двери, помимо средняго выдающагося барабана, существуютъ еще двѣ выдающіяся части, по бокамъ центроваго свода.

Припомнимъ теперь греческій храмъ, гдѣ различныя части его группируются вокругъ центральнаго купола. Одна изъ обыкновенныхъ формъ такихъ церквей представляетъ собою квадратное помѣщеніе, раздѣленное четырьмя столбами. Угловыя помѣщенія ниже среднихъ частей, такъ что планъ по верхней части выражаетъ собою правильный крестъ, восточная часть котораго оканчивается полукругомъ и назначалась для алтаря (два угловыхъ восточныхъ дѣленія алтаря также ограничивались полукругами и дѣлались ниже средней абсиды). Сѣверная и южная части среднихъ дѣленій храма иногда оканчивались формою половинъ восьмигранниковъ. Въ центрѣ храма, обыкновенно, возвышался главный куполъ, а по бокамъ, крестообразно иногда группировались еще четыре купола; такъ что планъ подобной церкви походилъ на черт. 13-й, причемъ только угловыя части должны бы быть нѣсколько больше и восточныя изъ нихъ оканчиваться полукругами (случается также, что въ греческихъ церквахъ угловыхъ частей совсѣмъ

не дѣлали; черт. 10-й). Припомнимъ теперь, что еще до окончательнаго принятія нами христіанства, деревянныя церкви на Руси уже существовали (напр., церковь Св. Ильи въ Кіевѣ) и строились по всѣмъ вѣроятіямъ не греческими мастерами, такъ какъ послѣдніе появились у насъ только по принятіи христіанства (да и едва ли греки могли строить деревянные храмы, которыхъ у нихъ почти совсѣмъ не дѣлалось), то надо думать, что типъ первыхъ деревянныхъ церквей на Руси былъ похожъ на сосѣдніе католическіе храмы. Затѣмъ, когда на русскую почву оффиціально внеслись формы греческой архитектуры, то, конечно, деревянныя церкви могли получить нѣкоторое измѣненіе,—хотя детали по всѣмъ вѣроятіямъ остались прежнія, такъ какъ съ приходомъ къ намъ грековъ, на Югъ вошла каменная архитектура во многомъ не примѣнимая къ деревяннымъ постройкамъ. Во всякомъ случаѣ церкви этой эпохи стали носить характеръ греческихъ храмовъ, т. е. имѣли очертаніе плановъ въ большинствѣ случаевъ крестовое, а съ фасада увѣнчивались однимъ или пятью куполами. (Къ подобному типу, но только поздней постройки, можетъ быть отнесена церковь въ Переяславлѣ-Полтавскомъ XVII ст., черт. 66-й) *).

Этотъ основной мотивъ церковныхъ построекъ былъ присущъ всей русской архитектурѣ, но только на Сѣверѣ, судя по существующимъ памятникамъ, онъ выражался въ иныхъ формахъ и деталяхъ, чѣмъ на Югѣ, а потому обратимся къ южнымъ деревяннымъ, крестовымъ церквамъ. За недостаткомъ данныхъ относительно точнаго опредѣленія такихъ церквей въ ранній періодъ, мы ничего не можемъ сказать опредѣленно.

Можно думать, что по плану и расположенію куполовъ, онѣ были такого же мотива, какъ на черт. 13-мъ, но только самые барабаны, конечно, были въ одинъ рядъ, а купола могли имѣть такія очертанія, какъ показано на черт. 21°-мъ, 51-мъ и 65-мъ (безъ особыхъ главокъ). Обращаясь къ подобнымъ

---

*) Эта церковь имѣетъ оттѣнокъ сѣверной архитектуры, которая выразилась въ шатровомъ покрытіи средней части и въ луковичныхъ формахъ главокъ (рисунокъ съ наброска А. М. Павлинова). Другой подобный-же типъ церкви находится въ Якобштадтѣ, Курляндской губ. Въ этой церкви купола имѣютъ такую форму, какую мы видимъ теперь въ Софійскомъ соборѣ въ Кіевѣ.

же, по существующимъ южнымъ памятникамъ XVI—XVII ст., мы видимъ, что пятиглавыя церкви Галиціи такія, какъ если бы къ трехглавой церкви (черт. 51-й) прибавили съ сѣверной и южной сторонъ средняго помѣщенія еще двѣ пристройки, одинаковыхъ съ западною и восточною пристройками. Подобныя церкви, вѣроятно, не дѣлались для костеловъ, такъ какъ нарушалась бы общепринятая латинскимъ духовенствомъ форма базилики и поэтому онѣ принадлежали исключительно русскому народу; однако эти церкви носили на себѣ всѣ детали тѣхъ построекъ, какія были въ ходу на Западѣ *).

При настоятельныхъ же усиліяхъ папы обратить русскихъ (данныхъ областей) въ латинскую вѣру, ихъ духовенство, конечно, старалось ввести и свои формы, но такъ какъ прямое примѣненіе базиличныхъ построекъ къ русскимъ церквамъ вызвало бы всеобщій ропотъ нашего народа, то латинское духовенство рѣшило этотъ вопросъ, вѣроятно, такъ: раньше они уже достигли того, что детальныя формы русскихъ церквей походили на ихъ деревянные костелы и при общемъ расположеніи крестовыхъ церквей, устраняли только сѣверныя и южныя пристройки, съ отсутствіемъ которыхъ, во-первыхъ, не терялись необходимыя помѣщенія для русскихъ церквей а, во-вторыхъ, устраненіе этихъ пристроекъ вызывалось извѣстными притѣсненіями католиковъ и происходило, вѣроятно, незамѣтно отъ русскихъ священниковъ. Такимъ образомъ церковь до нѣкоторой степени являлась въ формѣ базилики, причемъ продолговатыя галлереи играли роль боковыхъ кораблей **). Разъ такой типъ постройки былъ принятъ русскими, то и католики могли отправлять свои службы въ такихъ же церквахъ (уже

*) То-есть съ такими башнями, какъ на черт. 52-мъ. Купольныя покрытія, какъ на черт. 51-мъ, надо думать, были удержаны отъ греческихъ куполовъ русскими строителями и только по отношенію къ климатическимъ условіямъ, нѣсколько обострились и получили подгибъ въ основаніи.

**) Кромѣ того встрѣчается, что на восточныхъ и западныхъ пристройкахъ нѣкоторыхъ галицкихъ церквей не находится такихъ же куполовъ, какъ надъ среднею частью (видъ Креховскаго монастыря съ гравюры Дениса Сенкевича 1699 г.), а находятся маленькія главки, и этому обязаны, вѣроятно, опять-таки католическому духовенству, стремившемуся незамѣтнымъ образомъ подвести русскія церкви къ базилическому виду и въ фасадахъ.

сходныхъ напр. съ Молфетской и Транинской церквами) и это для ихъ цѣлей было очень сподручно, такъ какъ здѣсь они какъ бы сближались съ русскими. Такимъ образомъ, если въ древности южно-русскія деревянныя церкви и носили нѣкоторый греческій характеръ, то онъ совсѣмъ затерялся, и церкви, представленныя на черт. 49-мъ, 50-мъ и 51-мъ, а также всѣ донскіе храмы могутъ считаться прямымъ подражаніемъ, дѣйствительно, церквамъ „отцевъ-доминиканцевъ“, какъ это и сказано въ изданіи „древняго искусства Польши“. Понятно, если бы эти церкви были народнаго русскаго искусства, то, во-первыхъ, такой типъ повторялся бы во всей Россіи (тогда какъ ихъ почти не встрѣчается въ сѣверной полосѣ), а во-вторыхъ, онѣ едва ли бы могли быть приняты католическою церковью, такъ какъ послѣдняя не мирилась съ нашимъ исповѣданіемъ и уже давно имѣла свой опредѣленный характеръ церковныхъ построекъ; между тѣмъ въ подобныхъ церквахъ и до сихъ поръ допускаются католическія богослуженія.

И такъ, сравнивая церковныя постройки, можно сказать, классической для насъ мѣстности Двины и Поморья съ южными церквами, мы видимъ существенную разницу самыхъ стилей и, мнѣ кажется, было большимъ заблужденіемъ нѣкоторыхъ ученыхъ, говорить о старинныхъ галицкихъ и малороссійскихъ церквахъ, какъ объ одномъ общемъ характерѣ древне-русской деревянной архитектуры, не вникая въ самобытныя черты древнихъ сѣверныхъ построекъ. Во всякомъ случаѣ разсмотрѣнные мотивы южныхъ храмовъ (въ особенности трехглавыя церкви) не имѣютъ въ себѣ чисто-русскаго, самостоятельнаго направленія и, на мой взглядъ, въ южно-русскихъ древнихъ церковныхъ сооруженіяхъ (напр. въ восьмиугольныхъ башняхъ, какъ мы указывали на надстройку Антверпенскаго собора, черт. 52-й) сказалось непосредственное вліяніе Запада. Это подтверждается отчасти и тѣмъ, что между казаками были литовцы и нѣмцы, какъ видно изъ одной отписи крымскому хану; „съ ними же (съ русскими казаками) живутъ разныхъ вѣръ люди — литва и нѣмцы, горскіе и запорожскіе черкесы, крымцы, ногайцы и азовцы и не одни они, донскіе казаки, царскаго повелѣнья не слушаютъ“...).

Заканчивая обзоръ южной деревянной архитектуры, мы должны оговориться, что всѣ сдѣланныя выше предположенія еще нуждаются въ нѣкоторыхъ подтвержденіяхъ. Главная цѣль настоящаго сочиненія заключалась въ ознакомленіи съ памятниками южной деревянной церковной архитектуры (преимущественно въ Землѣ Войска Донскаго), кромѣ того, мы старались указать на то, что наша сѣверная архитектура представляетъ существенное различіе отъ южной. Первая росла среди чисто русскаго народа, не подчиняясь политическимъ и религіознымъ волненіямъ; а вторая, хотя вѣроятно и была передаточнаго типа отъ Греціи къ нашему Сѣверу, тѣмъ не менѣе въ нее были внесены чуждые элементы западнаго искусства и, потерявши свой первоначальный характеръ, она не развивалась, а просто примѣнялась къ извѣстнымъ потребностямъ.

Примѣчаніе. Нѣкоторыя выше приведенныя указанія по церковному дѣлу на Дону любезно сообщены мнѣ В. Г. Дружининымъ.

Вл. Сусловъ.

ЗАМѢТКИ

О

КАЛМЫЦКИХЪ И ДРЕВНЕ-РУССКИХЪ ПОСТРОЙКАХЪ.

Изъ древнихъ построекъ г. Астрахани заслуживаютъ особеннаго вниманія главный соборъ и Кремль. Послѣдній былъ построенъ въ концѣ XVII ст. и представляетъ собою довольно капитальное сооруженіе, въ видѣ высокихъ стѣнъ съ башнями. Длина Кремля простирается до 225 саж., а ширина 175 саж. Характеръ обдѣлки зубчатыхъ стѣнъ и башенъ довольно обыкновенный, а потому мы остановимся только на главномъ кремлевскомъ Успенскомъ соборѣ. Это огромное сооруженіе царитъ надъ всѣмъ городомъ и видно съ нѣкоторыхъ пунктовъ за 30 верстъ отъ Астрахани. Храмъ строился съ 1699 до 1760 года подъ наблюденіемъ астраханскаго митрополита Самсона и его помощника Дороѳея Мякишева. Соборъ этотъ двухъ-этажный и состоитъ, по каждому этажу, изъ главнаго квадратнаго помѣщенія съ четырьмя внутренними столбами, и трехъ-абсиднаго алтаря (черт. 1-й, табл. II-я). Нижній этажъ церкви окаймляется галлерейкой *a*, состоящей изъ нѣсколькихъ, довольно красивыхъ двойныхъ арочекъ съ сережками. Съ западной стороны собора весьма живописно раскинута открытая лѣстница во второй этажъ храма. Средняя площадка лѣстницы *в* для водосвятія и молебновъ выступаетъ полукружіемъ впередъ. Надъ галлереей нижняго этажа идетъ полъ съ парапетомъ приходящимся надъ самыми арками, такъ что верхній этажъ окаймляется собственно открытымъ балкономъ.

Фасадъ Успенскаго собора имѣетъ съ каждой стороны троечастное дѣленіе и увѣнчивается пятью главами. Стиль его въ общихъ формахъ и въ отдѣлкѣ галлерей—русскій, но въ нѣкоторыхъ деталяхъ, какъ напримѣръ, въ окнахъ, замѣчается Елизаветинскій ренесансъ. Детальныя украшенія храма исполнены довольно хорошо—особенно интересна главная дверь собора, сдѣланная изъ кованаго желѣза съ различными орнаментами. Внутреннія стѣны искусно росписаны подъ мраморъ. Громадную восточную внутреннюю стѣну верхней церкви закрываетъ восьмиярусный иконостасъ, состоящій изъ 130-ти иконъ позднѣйшаго московскаго мастерства. Онъ выражаетъ собою наглядное представленіе чуть-ли не всего Ветхаго и Новаго Завѣтовъ. Нижній этажъ храма сравнительно низенькій и служитъ усыпальницею нѣкоторыхъ извѣстныхъ историческихъ лицъ. Въ со-

борѣ находится много старинныхъ интересныхъ серебряныхъ лампадъ, сосудовъ и т. п. Кромѣ того, въ архіерейской ризницѣ хранится прекрасная коллекція древнихъ церковныхъ и другихъ весьма художественныхъ предметовъ. Внѣшній величественный видъ Успенскаго Астраханскаго собора съ его кремлевскими стѣнами обращаетъ вниманіе каждаго путешественника и даже самъ царь Петръ, увидѣвши этотъ соборъ, сказалъ, что такого лѣпотнаго храма нѣтъ во всемъ его государствѣ *).

Другія старинныя церкви въ городѣ мало интересны, такъ какъ многія изъ нихъ передѣланы, или-же мало имѣютъ въ себѣ русскихъ формъ. Къ болѣе интереснымъ памятникамъ принадлежитъ церковь Св. Троицы и Іоанна Предтечи. Кромѣ этихъ церквей, въ Астрахани любопытна колокольня Ивановскаго монастыря (черт. 20-й, табл. I-я). Она останавливаетъ вниманіе изслѣдователей русскаго искусства тѣмъ, что надъ арками самаго звона колокольни идутъ еще два ряда украшеній, состоящихъ изъ полукружій. Такой мотивъ встрѣчается довольно рѣдко при шатровомъ покрытіи.

Возвращаясь изъ г. Астрахани, — крайняго пункта моего путешествія, я направился вверхъ по р. Волгѣ до гор. Казани. Чудные берега рѣки, усѣянные цѣлыми рядами отвѣсныхъ скалъ, пещеръ и утесовъ, связанныхъ съ фантастическими разсказами о разныхъ событіяхъ, невольно напоминаютъ путешественнику о всей жизни поволжскаго края. Здѣсь вы видите знаменитые бугры Стеньки Разина, горы Жигули, всевозможные овраги и дикіе утесы, связанные съ воспоминаніями о былой, беззавѣтной удали русскаго народа. Тутъ сложились поэтическія легенды и пѣсни о разныхъ мѣстахъ, отмѣченныхъ народною памятью, и теперь широко разносятся по всей матушкѣ великой Волгѣ.

Минуя мѣста бывшаго Булгарскаго царства, гдѣ еще и до сихъ поръ сохраняются остатки каменныхъ сооруженій X—XV в., я прибылъ въ городъ Казань.

Здѣсь также невольно вспоминается вѣковая борьба Мо-

*) Въ гор. Астрахани находится домикъ Петра Великаго, гдѣ между древними вещами хранится плезиръ-яхта и верейка, на которой государь съ государыней Екатериной I-й осматривали окрестности Астрахани.

сковскаго и Казанскаго царствъ, невольно поднимается въ воображеніи и величественный образъ царя Ивана Васильевича Грознаго, подъ рѣшительнымъ ударомъ котораго на-вѣки замерло Казанское царство.

Обращаясь къ памятникамъ русскаго искусства въ г. Казани, мы упомянемъ только о тѣхъ изъ нихъ, которые были мною обмѣрены и зачерчены. Къ такимъ памятникамъ относится весьма интересная Спасская башня (черт. 2-й, 3-й и 5-й, табл. II-я). Она состоитъ изъ четырехъ ярусовъ и по своимъ крупнымъ размѣрамъ довольно величественно паритъ надъ всѣмъ Кремлемъ. Въ первомъ этажѣ этой башни находился проѣздъ въ Кремль (черт. 5-й); причемъ внѣшнія ворота были съ боку башни съ восточной стороны, а внутреннія — надъ срединой башни съ сѣверной стороны. Этотъ, обычный въ древности, угловой проѣздъ нынѣ задѣланъ и ворота устроены рядомъ съ башней въ самой стѣнѣ Кремля. Южную часть втораго этажа башни нынѣ занимаетъ часовня, въ которую входятъ по открытой лѣстницѣ съ южной стороны. Въ остальномъ помѣщеніи втораго этажа устроены сторожка и лѣстница, ведущая на самый верхъ башни.

Третій ярусъ составляетъ высокое восьмиугольное помѣщеніе (до 17-ти арш. ширины и 13 арш. высоты), перекрытое массивнымъ сомкнутымъ сводомъ. При переходѣ квадратнаго помѣщенія втораго этажа въ восьмиугольное, устроено четыре паруса, состоящихъ изъ перемычечныхъ арочекъ (черт. 3-й и 4-й, табл. II-я). На сводѣ третьяго яруса или этажа башни возвышается второй восьмиугольникъ, въ видѣ сквозной башенки съ шатровымъ верхомъ. Ширина этой башенки со стѣнами доходитъ однако до 11 аршинъ, а высота до 18 арш.; въ ней помѣщается набатный колоколъ. Массивный пирамидальный сводъ ея украшенъ однимъ рядомъ маленькихъ слуховыхъ оконъ и увѣнчивается красивымъ двуглавымъ орломъ. Открытая лѣстница и крыльцо съ южной стороны башни позднѣйшія. Общее устройство, главныя формы, украшенія оконъ третьяго этажа и карнизикъ прямоугольной части башни еще довольно чистаго русскаго стиля, между тѣмъ украшенія надъ арочками верхней открытой башенки и разрывные фронтончики

съ шариками относятся къ упадку древне-русскаго зодчества. Вообще надо думать, что если не вся башня, то наружная обработка ея относится къ послѣднимъ годамъ XVII ст.

Изъ другихъ, наиболѣе интересныхъ древнихъ зданій города Казани могъ бы считаться Кремлевскій соборъ *), но онъ, къ сожалѣнію, не сохранился въ первоначальномъ видѣ. Западная пристройка его представляетъ собою продолженіе самаго храма съ поарочнымъ же покрытіемъ, такъ что весь храмъ принадлежитъ какъ будто одной эпохѣ; но такъ какъ подобнаго типа построекъ у насъ не встрѣчается, то надо думать, что эта часть храма позднѣйшая. Съ южной стороны возвышается небольшая отдѣльная стѣна, предназначавшаяся, вѣроятно, для звонницы. Внѣшній видъ собора по своимъ деталямъ указываетъ, что строители его были дѣйствительно псковскіе мастера. Во всякомъ случаѣ, соборъ нынѣ не представляетъ особеннаго интереса, а потому перейдемъ къ весьма любопытной башнѣ Сумбеки (черт. 6-й и 7-й) **).

Она выложена изъ кирпича и раздѣляется на шесть ярусовъ, достигающихъ съ верхнимъ шатрикомъ до 35 саж. Въ сѣверо-восточномъ углу башни находится входъ въ нее и по прочнымъ каменнымъ лѣстницамъ можно достигнуть самаго верхняго яруса. Въ первомъ этажѣ башни устроенъ проѣздъ, перекрытый коробовымъ сводомъ. Помѣщеніе втораго яруса башни покрыто такимъ же сводомъ, но только въ обратномъ направленіи. Внутренность третьяго этажа башни перекрыта прямоугольнымъ сомкнутымъ сводомъ, на которомъ стоятъ послѣдующіе восьмиугольные ярусы, перекрытые сомкнутыми сводами. Въ царствованіе Анны Іоанновны башня Сумбеки была увѣнчана государственнымъ гербомъ, выше котораго

---

*) Онъ построенъ при Іоаннѣ Грозномъ псковскимъ каменьщикомъ Ив. Ширяемъ съ братіею, подъ руководствомъ епископа Гурія.

**) Башня эта получила свое названіе въ память послѣдней казанской царицы Сююнбеки, имя которой сдѣлалось легендарно-поэтичнымъ. Она представляется народною молвою несчастною женщиною, которая, при своей очаровательной наружности и блестящей царской обстановкѣ, испытала въ своей жизни много тяжелыхъ страданій и наконецъ была безмолвной свидѣтельницею окончательнаго паденія своего отечества.

на длинномъ и тонкомъ шпилѣ укрѣпленъ ярко вызолоченый шаръ *).

Башня Сумбеки прекрасно сохранилась до настоящаго времени и весьма интересна какъ по своей конструкціи и силуэту, такъ и по своей громадной величинѣ. Она признается современными учеными за минаретъ главной мечети, находившейся по сосѣдству съ ханскимъ дворцомъ, разрушеннымъ русскими при взятіи Казани. Допускаютъ при этомъ, что самая верхняя часть башни была передѣлана. Между тѣмъ, судя по обработкѣ парапетовъ, состоящихъ изъ квадратныхъ впадинокъ и продолговатыхъ вертикальныхъ отверстій (черт. 9-й), а также по обдѣлкѣ пятаго яруса арочками и пилястрами, башня Сумбеки можетъ считаться одинаковаго характера съ только что описанною Спасскою башнею. Кромѣ того, устройство поясковъ, пилястръ, оконъ и наличниковъ (черт. 8-й) въ башнѣ Сумбеки, совершенно сходно съ таковыми же частями Моралеевскихъ воротъ и Спасской башни **), построенныхъ несомнѣнно русскими мастерами. И такъ какъ всѣ эти детали встрѣчаются въ другихъ древне-русскихъ постройкахъ XVII-го столѣтія и составляютъ даже типичную сторону нашего стиля, то нѣтъ сомнѣнія, что башня Сумбеки принадлежитъ къ русской архитектурѣ и не къ XVI-му столѣтію, а къ XVII-му. Самое большое можно допустить въ пользу существующихъ мнѣній о башнѣ Сумбеки то, что она построена на остаткахъ древняго татарскаго минарета и можетъ быть съ такимъ же числомъ ярусовъ. Во всякомъ случаѣ не только детали ея, но и самая конструкція не принадлежатъ къ татарскимъ постройкамъ, и если что-нибудь есть не отвѣчающаго чисто русскому стилю, такъ это только обработка нижняго этажа башни.

Изъ церковныхъ памятниковъ г. Казани наибольшаго вниманія заслуживаетъ церковь Іоанно-Предтеченскаго монастыря, находящаяся противъ Кремлевской Спасской башни, построенная въ XVII ст. Церковь стоитъ на высокихъ подвалахъ. Лѣстница находится въ позднѣйшей пристройкѣ на сѣверо-западномъ

*) Въ немъ, по разсказамъ татаръ, хранятся какія-то важныя для нихъ бумаги.

**) Здѣсь только прибавлены фронтончики надъ окнами.

углу храма и ведетъ въ галлерейку, обходящую церковь только съ двухъ сторонъ (черт. 10-й). Галлерейка эта внизу и въ вверху состоитъ изъ ряда очень красивенькихъ арочекъ. Въ западной части ея находится входъ въ квадратное помѣщеніе (трапезную), изъ котораго ведутъ три арки въ самую церковь. Съ восточной стороны, къ продолговатому помѣщенію примыкаетъ полукруглый алтарь недавней постройки *). Галлерея покрыта коробовыми сводами съ распалубками надъ наружными арками. Трапезная перекрыта половиною сомкнутаго свода, а самая церковь—полнымъ сомкнутымъ сводомъ; приэтомъ помѣщеніе церкви значительно выше свода трапезной. Судя по сохранившимся слѣдамъ позднѣйшей передѣлки въ восточной части галлерей, первоначальная лѣстница въ церковь вела именно съ этой стороны (черт. 10-й). Трапезная и галлерея снаружи покрыты общею крышею, самая же церковь поднимается цѣлымъ этажемъ выше и перекрыта двухскатною крышею съ фронтонами на узкихъ сторолахъ. Надъ церковью возвышаются три высокихъ глухихъ шатра съ красивою обработкою деталей.

На юго-западной сторонѣ храма находится прекрасная восьмиугольная колоколенка (черт. 11-й) **). Верхняя часть ея не представляетъ собою обычной формы шатра, а имѣетъ красивый своеобразный мотивъ получившійся отъ внутренняго покрытія колокольни сомкнутымъ сводомъ (черт. 12-й). Наружные ряды кокошниковъ, представляя собою украшеніе, въ то же время играютъ роль отдѣльныхъ крышечекъ, замѣняющихъ одну сплошную посводную крышу. Слухи или оконца, которые мы встрѣчаемъ въ шатровыхъ колокольняхъ, въ данномъ случаѣ замѣнены узенькими отверстіями въ маленькомъ барабанѣ, поставленномъ на сомкнутомъ сводѣ колокольни. Подобное же устройство верхней части мы видимъ въ колокольнѣ при церкви Воздвиженія; но кромѣ г. Казани такой обработки колоколенъ мнѣ нигдѣ не приходилось встрѣчать. Описанная Іоанно-Предтеченская церковь вообще заслуживаетъ большаго

*) Древній алтарь вѣроятно состоялъ изъ трехъ полукружій и вслѣдствіе тѣсноты или ветхости былъ сломанъ и выстроенъ новый.

**) Строеніе, примыкающее къ колокольнѣ и къ церкви (черт. 10-й), позднѣйшее.

вниманія, какъ по деталямъ, такъ и по общимъ формамъ (напр. трехшатровыя церкви у насъ довольно рѣдки), но, къ крайнему сожалѣнію, она теперь, кажется, сломана и далеко не по ветхости ея, а прямо по невѣжеству причастныхъ къ этому дѣлу людей. Это явленіе тѣмъ болѣе печально, что оно произошло такъ сказать на глазахъ мѣстнаго археологическаго общества, которому конечно должно быть извѣстно значеніе и утрата дорогихъ намъ памятниковъ русскаго искусства.

Кончая свои замѣтки о древнихъ памятникахъ русскаго искусства въ г. Казани, нельзя не упомянуть, что здѣсь довольно быстро развивается и современная архитектура, такъ напр. Александровскій пассажъ мѣстные жители считаютъ своею гордостью и монументомъ тщеславія мѣстнаго Креза, который, какъ говорятъ, положилъ на него болѣе восьмисотъ тысячъ *).

Изъ Казани я направился для осмотра русскихъ древностей въ Нижній-Новгородъ. Подъѣзжая къ этому пункту, путешественнику открывается колоссальнѣйшая картина повседневной жизни Волги; днемъ вы видите ее громаднѣйшей работницей, а съ отблесками зари она чаруетъ васъ своими тихими, обширными водами и спокойными очертаніями береговъ. Тутъ невольно проносятся въ воспоминаніи былыя времена, былые народы и былая жизнь Волги. Обращаясь къ самому городу, первое вниманіе путешественника невольно останавливается на древнихъ кремлевскихъ стѣнахъ, раскинутыхъ чрезвычайно живописно по вершинамъ и скатамъ знаменитыхъ Дятловыхъ горъ. Онѣ были построены итальянскимъ архитекторомъ Франческо, извѣстнымъ у насъ подъ именемъ Фрязина. Прежде существовавшій ровъ онъ обложилъ кирпичемъ, а къ старинным укрѣпленіямъ поставилъ одиннадцать башень и соединилъ ихъ толстыми стѣнами. Во избѣжаніе же сырости отъ родниковъ и ключей, Фрязинъ проложилъ подъ стѣнами огромныя трубы для стока водъ. Многочисленныя исправленія кремлевскихъ стѣнъ не мало измѣнили ихъ первоначальный видъ; зубцы во многихъ мѣстахъ окорочены, нѣко-

*) Проектъ этого зданія былъ заданъ г. Александровымъ на конкурсъ въ Петербургѣ и первая премія была присуждена проекту, составленному мною совмѣстно съ архитекторомъ Н. И. Поздѣевымъ.

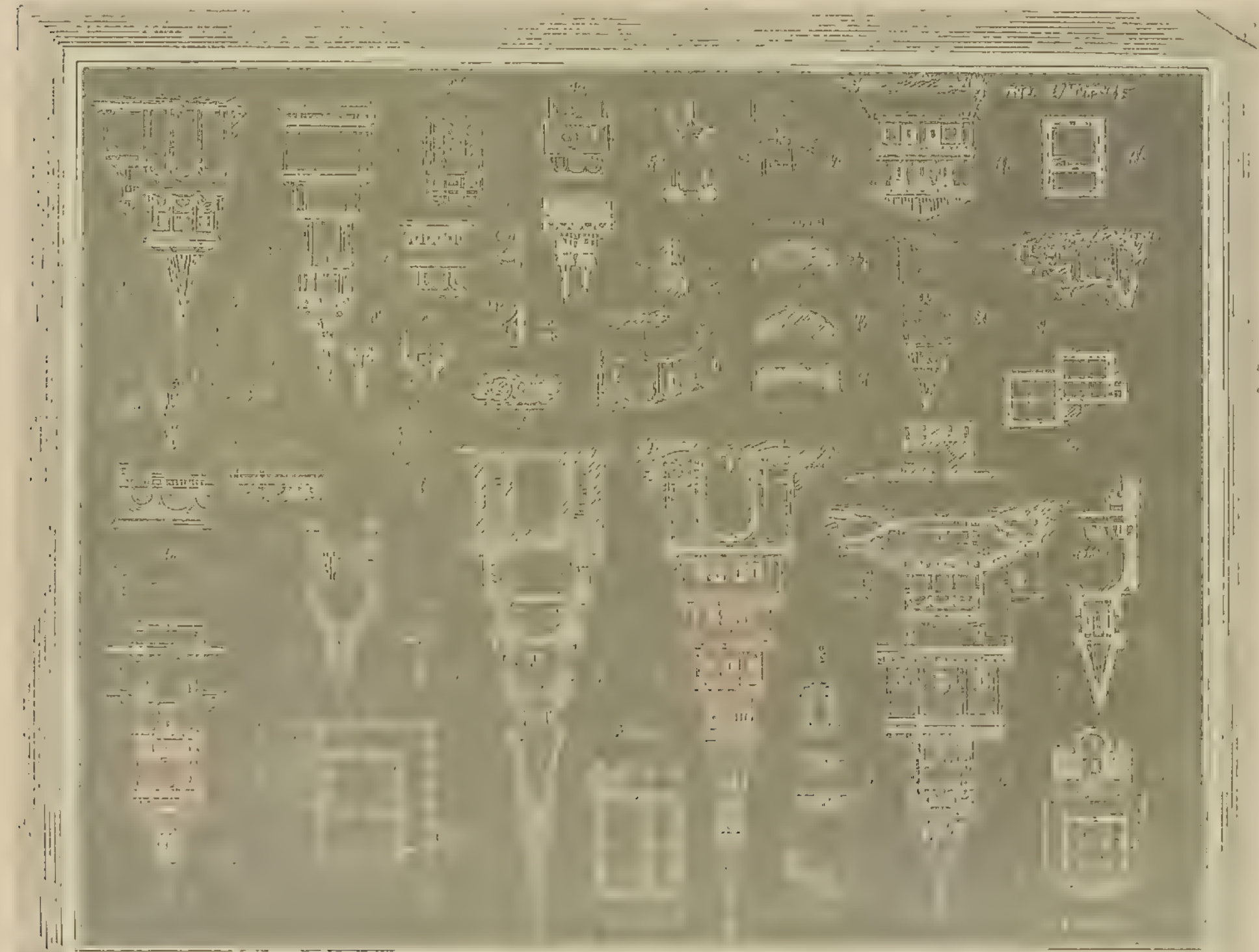
торыя стѣны и башни понижены, трубы въ разныхъ мѣстахъ засыпаны и т. п.

Въ виду того, что болѣе интересные памятники русской старины въ Нижнемъ-Новгородѣ уже описаны *), то я коснусь только тѣхъ построекъ, о которыхъ еще или не было говорено, или же въ которыхъ не были подмѣчены нѣкоторыя особенности. Изъ числа памятниковъ гражданской архитектуры разсмотримъ два каменные домика. Одинъ изъ нихъ принадлежитъ Сергіевской церкви и состоитъ изъ двухъ квадратныхъ помѣщеній, раздѣленныхъ деревянными перегородками на восемь комнатъ, причемъ правая часть домика устроена въ два этажа, а лѣвая —въ одинъ (черт. 14-й и 15-й, табл. II). Къ лѣвой сторонѣ выдающейся части дома примыкаетъ маленькая пристройка—баня, а сзади—кладовая. Подъ всѣмъ домомъ находятся глубокіе каменные подвалы, перекрытые массивными сводами. Въ одной изъ комнатъ сохранилась довольно интересная изразцовая печь. Наружныя украшенія дома главнымъ образомъ составляютъ наличники оконъ, которые, къ сожалѣнію, сохранились не вездѣ. Перспективный видъ этого домика, на черт. 15-мъ, зарисованъ со двора, гдѣ фасады не обдѣланы никакими украшеніями.

Другой весьма любопытный домикъ находится въ Почаевской улицѣ (черт. 16-й и 17-й, табл. II-я). Онъ состоитъ изъ двухъ этажей съ высокими сводчатыми подвалами. Въ каждомъ изъ этажей устроено только два помѣщенія—сѣни и жилая комната. Узкая сторона дома (черт. 17-й) выходитъ на улицу и обдѣлана хотя просто, но весьма симпатично; углы зданія обработаны пилястрами, окна нижняго этажа украшены двумя простенькими наличниками, а между оконъ и угловыми пилястрами сдѣланы двѣ большія квадратныя впадины. Верхній этажъ имѣетъ по три окна съ каждой стороны, украшенныя весьма характерными наличниками. Все зданіе кирпичное и покрыто деревянною крышею.

Просматривая церковные памятники Нижняго-Новгорода, я

*) Наиболѣе обстоятельныя изслѣдованія были сдѣланы покойнымъ академикомъ Л. В. Далемъ; статьи и рисунки его помѣщены въ разныхъ годахъ изданія журнала «Зодчій».



обратилъ между прочимъ вниманіе на колокольню Печерскаго монастыря (черт. 18-й). Она представляетъ собою высокую, квадратную въ основаніи башню съ восьмиугольною надстройкою увѣнчивающеюся шатровымъ покрытіемъ. Первые два этажа этой башни несомнѣнно древнѣйшаго періода и можетъ быть даже принадлежатъ къ постройкамъ Юрія II, основателя Нижняго-Новгорода. Двойныя окна колокольни чисто романскаго стиля и совершенно подходятъ къ характеру обдѣлки башни Андрея Боголюбскаго, во Владимірѣ. Весьма вѣроятно, что первоначальный характеръ церковныхъ построекъ въ Нижнемъ-Новгородѣ былъ одинаковый съ характеромъ Владиміро-Суздальскихъ церквей, такъ какъ и самый Нижній-Новгородъ считался сначала пригородомъ Суздаля, а затѣмъ даже резиденціею Суздальскаго князя Константина Васильевича. Въ виду этого надо полагать, что нижняя часть колокольни Печерскаго монастыря была построена суздальскими мастерами, но затѣмъ, очевидно, была передѣлана, такъ что третій этажъ и восьмиугольный верхъ колокольни должно считать позднѣйшими надстройками XVI-го или XVII-го ст. Изъ другихъ особенностей церковныхъ построекъ Печерскаго монастыря надо отмѣтить устройство алтаря (черт. 22, табл. II-я). Онъ состоитъ изъ двухъ этажей, причемъ верхній алтарь имѣетъ общее закругленное трехцентровое очертаніе, а нижній раздѣляется на три закругленія, между которыми поставлены полуколонки. Такимъ образомъ верхній этажъ накрываетъ троечастное дѣленіе нижняго алтаря и по разрѣзу AB, около полуколонокъ, имѣетъ такой напускъ, какъ показано на черт. 23-мъ.

Остальныя мои замѣтки о памятникахъ древне-русскаго зодчества въ Нижнемъ-Новгородѣ (за исключеніемъ разнаго матеріала въ фотографіяхъ) относятся къ церквамъ Благовѣщенскаго монастыря. Главный соборъ этого монастыря уже былъ обслѣдованъ и опубликованъ покойнымъ Л. В. Далемъ и я только упомяну объ устройствѣ главъ его. Средній барабанъ церкви (черт. 24-й и 25-й) поставленъ на парусномъ сводѣ и въ этомъ чувствуется нѣкоторая особенность, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ барабанъ ставился прямо на подпружныя арки и только надъ углами ихъ возводились отдѣльные па-

руса, составлявшіе болѣе простой переходъ отъ квадрата къ кругу. Малые барабаны этого собора поставлены на угловыхъ частяхъ сомкнутыхъ сводовъ, причемъ сначала вынуты квадратныя отверстія, а затѣмъ, при посредствѣ маленькихъ парусовъ, надъ ними выведены круглые, полые барабаны. Если мы сдѣлаемъ разрѣзъ по линіи АВ, черт. 24-й, то устройство барабана, по отношенію къ сомкнутому своду, выразится въ такомъ видѣ, какъ показано на черт. 25 (внизу).

Въ этомъ же монастырѣ находится весьма интересная двухшатровая церковь XVII-го ст. (черт. 26-й). Съ западной стороны ея находится трапезная, перекрытая коробовыми сводами, опирающимися съ однѣхъ сторонъ на стѣны, граничащія самое помѣщеніе, а съ другихъ—на столбъ, поставленный въ серединѣ этого помѣщенія. Въ сѣверо-западномъ углу трапезной находится довольно красивенькая колокольня. Самая церковь имѣетъ продолговатую форму отъ сѣвера къ югу и покрыта сомкнутымъ сводомъ, какъ это дѣлалось и при трехглавыхъ церквахъ. Съ фасада эта часть увѣнчивается двумя шатриками, очень красивыхъ пропорцій и деталей. Церкви съ двумя шатрами и вообще двухглавыя встрѣчаются чрезвычайно рѣдко, и въ этомъ надо признать большую особенность разсматриваемаго нами храма. Трехабсидный алтарь, покрытый общею крышею (черт. 19-й и 20-й), на высотѣ пола переходитъ въ прямоугольную форму съ небольшими срѣзами на углахъ. Для свѣдѣнія о различныхъ устройствахъ двухъэтажныхъ алтарей приведемъ еще примѣръ обработки алтарной части въ церкви села Маркова, Московской губ., Бронницкаго уѣзда (черт. 21-й). Здѣсь нижній этажъ алтаря представляетъ общую закругленную трехцентровую форму, а наверху выражено трехчастное дѣленіе съ полуколонками.

Припоминая здѣсь различныя устройства алтарей, мы видимъ, что въ двухъэтажныхъ церквахъ XVII ст. они дѣлались троякимъ образомъ: во-первыхъ, оба этажа приходились одинъ надъ другимъ и имѣли одинаковыя наружныя формы, во-вторыхъ, оба этажа, хотя и приходились одинъ надъ другимъ, но имѣли различныя формы (какъ это мы видѣли въ рисункахъ 19, 20, 21 и 22-мъ), и въ-третьихъ, нижній алтарь совершенно

выступалъ изъ-за верхняго. Послѣднее устройство мы встрѣчаемъ довольно часто и оно, видимо, примѣнялось, въ зависимости отъ каноническихъ правилъ, всегда, когда преднамѣренно устраивали въ обоихъ этажахъ особые придѣлы. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда стѣны алтарной части приходились по обоимъ этажамъ однѣ надъ другими, то, вѣроятно, нижній этажъ считался сначала какъ подклѣть (гдѣ иногда хоронили чтимыхъ особъ) и только впослѣдствіи стали устраивать въ нихъ теплые придѣлы и освѣщать алтари.

Въ заключеніе сдѣланныхъ замѣтокъ о церковныхъ памятникахъ Нижняго-Новгорода упомянемъ о весьма любопытной церкви Рождества Богородицы, извѣстной подъ именемъ Строгановской *). Церковь эта была построена несомнѣнно опытными итальянскими мастерами и, конечно, не можетъ считаться памятникомъ русской архитектуры, хотя въ планѣ и въ общихъ наружныхъ формахъ сохранены общепринятые мотивы русскихъ церквей конца XVII ст. Во всякомъ случаѣ памятникъ этотъ имѣетъ за собой такъ много достоинствъ (въ особенности по украшеніямъ, прекрасно высѣченнымъ изъ камня), что положительно заслуживаетъ полнаго вниманія не только русскихъ и итальянскихъ художниковъ, но вообще всего образованнаго общества.

Слѣдующіе пункты моего путешествія были города Владиміръ и Суздаль. Здѣсь я ознакомился съ интереснѣйшими образцами блестящей эпохи искусства Владиміро-Суздальскаго періода. Всѣ наиболѣе выдающіеся памятники XII—XIV вѣковъ этого края уже изслѣдованы и опубликованы, но, къ сожалѣнію, во всѣхъ трудахъ по этому вопросу, кромѣ еще г. Артлебена, чувствуется недостатокъ детальнаго разбора и вообще изученія процесса развитія Византійско-Романской архитектуры на нашей почвѣ. Кромѣ того, даже въ изданіяхъ и рисункахъ по этому вопросу встрѣчаются различныя невѣрности, напр. въ Трудахъ 1-го археологическаго съѣзда устройство парусовъ главнаго купола Владимірскаго Успен-

*) Она построена въ 1719 году на счетъ именитаго солепромышленника Строганова.

ского собора показано непонятно (черт. 28-й).*) — устройство ихъ состоитъ изъ двухъ рядовъ перемычечныхъ арочекъ (черт. 29-й).

Говоря объ этомъ соборѣ, нельзя не упомянуть, что произведенная въ немъ реставрація стѣнописи заслуживаетъ большой похвалы и самый фактъ реставраціи далъ богатый матеріалъ къ лѣтописи русскаго искусства **).

Изъ церквей XVII ст. въ г. Владимірѣ заслуживаютъ вниманія семинарская церковь, Спасская, колокольня Рождественскаго монастыря и др. менѣе значительныя постройки. Рождественская колокольня интересна въ томъ отношеніи, что всѣ наружныя стѣны ея одинаково богато отдѣланы колонками, поясками, впадинками и др. украшеніями; между тѣмъ болѣе характерная черта русскихъ колоколенъ выражалась въ гладкихъ стѣнахъ корпуса и въ богато убранномъ верхѣ (шатра и звона).

Суздальскія церкви древняго періода, хотя до нѣкоторой степени извѣстны, но требуютъ болѣе обширныхъ изслѣдованій. Для этихъ работъ я, къ сожалѣнію, не имѣлъ достаточно времени, и ограничившись краткимъ обзоромъ ихъ, сдѣлалъ нѣкоторыя замѣтки объ архитектурѣ другаго, болѣе позднѣйшаго періода (XVI—XVII ст.). Къ подобнымъ памятникамъ относится весьма любопытная трехглавая церковь въ Ризъ-Положенскомъ монастырѣ (черт. 30-й). Она состоитъ, по плану, изъ квадратнаго помѣщенія самой церкви и придаточной части, къ которой примыкаетъ трехабсидный алтарь. Церковь съ трехъ сторонъ окружаетъ галлерея. Главное помѣщеніе храма покрыто сомкнутымъ сводомъ съ распалубками, въ центрѣ котораго надъ квадратнымъ отверстіемъ устроенъ барабанъ. Въ придаточной же восточной части церкви устроены два барабана. Такимъ образомъ церковь является трехгла-

---

*) На приведенномъ черт. пропущены вертикальныя линіи надъ верхнею перемычечкою.

**) Между прочимъ, характеръ орнамента, показанный на черт. 27, часто встрѣчающійся въ украшеніяхъ внутреннихъ стѣнъ Успенскаго собора, совершенно подходитъ къ орнаментамъ матерій, найденныхъ при раскопкѣ Мерянскихъ кургановъ (Труды перваго археологическаго съѣзда). Этотъ фактъ и самый характеръ рисунка возбуждаетъ нѣкоторые вопросы въ области изученія нашей древней орнаментики.

вою *). Судя по устройству и наружнымъ украшеніямъ храма (двойнымъ и одиночнымъ впадинкамъ, черт. 30), а также и по другимъ деталямъ, постройка его принадлежитъ псковскимъ мастерамъ; галлерейка же была построена видимо позднѣе, такъ какъ украшенія ея имѣютъ характеръ архитектуры XVII ст. средней полосы Россіи.

Псковское вліяніе въ Суздалѣ замѣчается и въ устройствѣ нѣкоторыхъ сводовъ, такъ напр., придѣлъ собора въ Спасо-Ефиміевскомъ монастырѣ (черт. 31-й и 32-й) имѣетъ такое же покрытіе, какъ и во многихъ придѣлахъ псковскихъ церквей.

Обращаясь теперь къ другимъ памятникамъ Суздальской архитектуры XVII ст., отмѣтимъ слѣдующія мѣстныя особенности ея.

Во многихъ церквахъ этого края замѣчается отсутствіе обычныхъ въ русскомъ зодчествѣ троечастныхъ дѣленій съ тремя большими закаморами. Этотъ мотивъ украшенія фасадовъ замѣняется здѣсь или прибавленіемъ числа закаморъ (черт. 35-й,—надвратная церковь Петра и Павла въ Суздалѣ) или, безъ раздѣленія пилястрами, сплошнымъ рядомъ мелкихъ закаморъ, оканчивающихся въ карнизахъ распрофилеванными прямыми подвѣсками (черт. 36-й—въ церкви во имя Входа въ Іерусалимъ, въ Троицкой церкви Ризъ-Положенскаго монастыря, въ Никольской у вала, въ церкви Спаса-Преображенія во Владимірѣ и въ др.). Такое устройство карнизовъ, затрудняя покрытіе крышъ по закаморамъ, усложнялось нѣсколькими горизонтальными тягами (карнизомъ) и вся церковь покрывалась четырехскатною крышею.

Что касается суздальскихъ колоколенъ, то о нихъ можно сказать слѣдующее: многія изъ нихъ расположены отдѣльно отъ церкви и раздѣляются на нѣсколько ярусовъ. Для наглядняго поясненія приводимъ рисунокъ колокольни при церкви во имя Входа Іисуса Христа въ Іерусалимъ (черт. 33). Первый этажъ этой колокольни представляетъ собою, по плану,

*) Подобныя пристройки съ двумя главами дѣлались видимо всегда двухъэтажныя, причемъ верхняя часть занималась ризницею, для освѣщенія которой и служили особыя главки. Разборъ подобныхъ церквей находится въ моемъ сочиненіи: «Матеріалы къ исторіи Новгородско-Псковской архитектуры», изданіе Императорской Академіи Художествъ.

прямоугольное помѣщеніе, надъ которымъ возвышается квадратный постаментъ. Выдающіяся части нижняго этажа покрыты маленькими крышечками. Надъ углами квадратнаго постамента идутъ (изнутри) напускные ряды кирпичной кладки, образующіе переходъ колокольни отъ квадрата къ восьмиугольнику. Послѣдній поднимается довольно высоко и разыгрывается сквозными арками, въ которыхъ развѣшены колокола. Главная особенность нѣкоторыхъ суздальскихъ колоколенъ состоитъ въ томъ, что восьмигранные верхи ихъ имѣютъ вогнутую форму вродѣ шпиля. Онѣ сложены изъ кирпича въ видѣ сводовъ (черт. 34-й), причемъ трехъярусные слухи (отверстія въ шатрѣ) и обработка ихъ сдѣланы въ зависимости отъ уклона. Чѣмъ было вызвано такое устройство—сказать трудно, но во всякомъ случаѣ оно странно и даже противорѣчитъ устойчивости верхней части колокольни. Шейки и главки при прямыхъ шатровыхъ покрытіяхъ суздальскихъ колоколенъ сдѣланы очень маленькія, такъ что издали онѣ сливаются съ общимъ покрытіемъ (черт. 34-й *); между тѣмъ во всѣхъ другихъ русскихъ колокольняхъ главки дѣлались значительно крупнѣе.

Продолжая путешествіе по Владимірской губерніи, мнѣ довелось встрѣтить любопытную церковь въ селѣ Подолицахъ, Юрьевскаго уѣзда (планъ ея изображенъ на табл. II, между чертежами 6-мъ и 7-мъ). Она построена въ два этажа и состоитъ какъ бы изъ двухъ церквей. Лѣстница во второй этажъ занимаетъ южную часть галлереи, которая въ этомъ мѣстѣ обдѣлана въ видѣ ползучей арки. Изъ галлерей втораго этажа ведутъ двѣ двери въ невысокія помѣщенія (трапезныя), перекрытыя одно сомкнутымъ сводомъ, а другое—коробовымъ. За этими помѣщеніями идутъ еще продолговатыя отдѣленія, предназначенныя для самой церкви. Главный придѣлъ заканчивается алтаремъ съ тремя закругленіями, а боковой—одною полукруглою абсидою. Нижній этажъ церкви состоитъ: 1) изъ двухъ большихъ помѣщеній, приходящихся подъ трапезными

*) Къ числу разновидности типа колоколенъ принадлежитъ колоколенка при Покровскомъ монастырѣ. Она состоитъ изъ квадратнаго основанія съ наклонно-срѣзанными углами, откуда переходитъ въ шестиугольную башню, покрытую невысокимъ шатромъ.

и подъ слѣдующими за ними дѣленіями, 2) изъ продолговатыхъ помѣщеній (собственно церкви) подъ верхними алтарями и 3) изъ выступныхъ алтарей, имѣющихъ такія же формы, какъ и верхній алтарь. Надъ среднею частью галлереи поставлена восьмигранная шатровая колокольня. Трапезныя покрыты общею трехскатною крышею. Главный и боковой придѣлы выше остальныхъ помѣщеній и первый изъ нихъ увѣнчивается пятью главами, а второй одною главкой. Всѣ детали церкви довольно красивы и только арки западной галлереи слишкомъ крупны предъ остальными частями.

Въ г. Юрьевѣ-Польскомъ мое вниманіе обратила на себя другая болѣе древняя церковь въ селѣ Елизаровѣ, Переяславскаго уѣзда (черт. 37-й и 38-й). Она состоитъ изъ одного квадратнаго помѣщенія, собственно церкви, и трехабсиднаго алтаря (къ западной части ея нынѣ примыкаетъ позднѣйшая колокольня). Сѣверный и южный фасады церкви украшены пилястрами и арочками, поверхъ которыхъ подымается восьмиугольный барабанъ, увѣнчанный шатровымъ покрытіемъ. У основанія барабана идутъ восемь закаморъ. Алтарные выступы покрыты по сводчатымъ очертаніямъ, причемъ надъ южною абсидою возвышается маленькая главка. Судя по общему характеру и по всѣмъ деталямъ, церковь эта несомнѣнно была построена въ XVI ст. Внутреннее устройство храма мнѣ не удалось видѣть, а потому, не вдаваясь въ детальный разборъ его, я ограничусь сказаннымъ и въ заключеніе упомяну объ одномъ самомъ замѣчательнѣйшемъ памятникѣ Владиміро-Суздальской эпохи XIII ст.—о церкви Св. Георгія въ г. Юрьевѣ-Польскомъ.

Я конечно не стану здѣсь входить въ подробный разборъ этого храма, такъ какъ онъ по истинѣ заслуживаетъ цѣлаго трактата, скажу только объ общемъ устройствѣ и главнымъ образомъ объ его крайне печальномъ положеніи въ данное время. Планъ церкви Св. Георгія въ главныхъ чертахъ такой-же, какъ напр. Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ и др. храмы этого періода *), но тутъ впервые встрѣчаются три при-

*) т. е. состоитъ изъ квадратнаго помѣщенія, раздѣленнаго четырьмя столбами, между которыми въ центрѣ возвышается барабанъ съ куполомъ, а по бокамъ идутъ своды; съ восточной же стороны примыкаетъ трехабсидный атларь.

стройки въ видѣ папертей (съ западной, сѣверной и южной сторонъ). Формы и украшенія этихъ пристроекъ почти сохранились до нашего времени, но алтарная часть и весь верхъ храма, самымъ варварскимъ образомъ, передѣланъ. Есть предположеніе, что соборъ этотъ былъ разрушенъ еще татарами. Главнѣйшее достоинство церкви Св. Георгія — это неисчерпаемое богатство орнаментики, высѣченной изъ камня и покрывающей всѣ внѣшнія стѣны ея. По нижнему этажу сплошь идутъ крупные орнаменты растительнаго характера съ различными изображеніями птицъ, грифоновъ и др. фантастическихъ животныхъ. Порталы, въ видѣ выступающихъ полуколонокъ, покрыты самымъ изящнымъ орнаментомъ. Поясокъ по серединѣ церкви состоитъ изъ ряда колонокъ и арочекъ; тѣ и другія унизаны прекраснѣйшею мелкою рѣзьбою. Кромѣ того, какъ въ поясахъ, такъ и по другимъ частямъ церкви во множествѣ красуются чудныя изваянія различныхъ святыхъ,—о нихъ даже не умолчала и лѣтопись, говоря: „по каменю рѣзаны святые чудны вельми, иже есть и до сего дня“. Словомъ, храмъ этотъ въ свое время кажется не имѣлъ себѣ подобнаго не только въ Русской землѣ, но и вообще среди всѣхъ памятниковъ византійско-ломбардской архитектуры. Кто были строители Георгіевскаго храма — неизвѣстно, но, судя по тому, что здѣсь введена нѣкоторая новизна въ планѣ, въ убранствѣ стѣнъ *) и въ наружныхъ формахъ пристроекъ, надо думать, что русскіе мастера если не производили всю постройку, то принимали въ ней большое участіе **).

Въ настоящее время Георгіевскій соборъ хранитъ въ себѣ слѣды полнаго искаженія его мѣстными жителями. Къ самой стѣнѣ западной части храма поставлена громадная колокольня, съ постройкой которой уничтожена форма и многія украшенія паперти. Къ юго-западной части храма пристроена ризница; къ

*) Украшенія Дмитровскаго собора видимо дѣлались на отдѣльныхъ камняхъ, до кладки ихъ въ стѣну, между тѣмъ въ Юрьевской и Георгіевской церкви орнаментика высѣкалась по готовымъ стѣнамъ.

**) Изъ лѣтописей о холмской церкви въ Галиціи замѣтно, что она была похожа на Юрьевскую; такъ какъ строителемъ первой церкви былъ нѣкій хитрецъ Авдѣй, то можетъ быть онъ же строилъ и Юрьевскій храмъ.

южному порталу придѣланъ тамбуръ, а самый порталъ растесанъ; сѣверо-восточный уголъ церкви застроенъ новыми пристройками; орнаменты въ притыкахъ новыхъ стѣнъ самымъ варварскимъ образомъ, выбиты и т. п. Кромѣ того, памятникъ этотъ свидѣтельствуетъ и о давно прошедшемъ грубомъ непониманіи его достоинствъ. При возстановленіи верхней части церкви, алтарей и купола, всѣ украшенія вставлены въ стѣны безъ всякаго порядка, въ сводахъ встрѣчается масса камней съ различными масками и другими украшеніями, бывшими очевидно на фасадныхъ стѣнахъ церкви; алтарныя стѣны выложены изъ гладкихъ перетесанныхъ камней. Словомъ, весь храмъ, полный славы прошлаго, находится въ жалкомъ, искаженномъ видѣ и производитъ весьма удручающее впечатлѣніе. Вопросъ о его положеніи хотя и возбуждался въ спеціальныхъ обществахъ, но какъ-то у всѣхъ отходилъ въ область однихъ сожалѣній; между тѣмъ памятникъ этотъ выражаетъ собою послѣднее высокое слово искусства Владиміро-Суздальской эпохи и крайне дорогъ для насъ потому, что здѣсь видимо закипало народное творчество, нарождались собственныя русскія силы мастеровъ. И если мы чествуемъ плоды искусства одного человѣка, то было бы грустно предать забвенію памятникъ, выражающій собою цѣлую эпоху. Нужно стряхнуть позднѣйшіе наросты на немъ и открыть для науки всѣ его достоинства, такъ жестоко попранныя современною провинціальною жизнью *).

*) Нынѣ со стороны Императорской Академіи Художествъ и Императорской Археологической коммиссіи предприняты ходатайства объ его сохраненіи. Всѣ соприкасающіяся къ нему позднѣйшія пристройки предполагается отломать, а самые орнаменты тщательнѣйшимъ образомъ отчистить отъ всевозможныхъ наслоеній. Для этой цѣли мною составлены подробные чертежи, пояснительная записка и снята масса фотографій.

О ДРЕВНИХЪ

ДЕРЕВЯННЫХЪ ПОСТРОЙКАХЪ

СѢВЕРНЫХЪ ОКРАИНЪ РОССІИ.

До настоящаго времени всѣ труды нашихъ ученыхъ и художниковъ по изслѣдованію древняго русскаго зодчества были направлены только на изученіе каменныхъ образцовъ его, изслѣдованіе же деревянной архитектуры, если и не совсѣмъ, то замѣтно игнорировали. Академикъ Даль, въ этомъ случаѣ, былъ выдающимся исключеніемъ, положивъ починъ серьезному, спеціальному изслѣдованію деревянныхъ памятниковъ роднаго зодчества; но по смерти его никто не продолжилъ начатаго имъ труда. Между тѣмъ изученіе этой вѣтви русской архитектуры весьма важно для насъ не только въ смыслѣ уясненія вліянія деревянныхъ построекъ на каменныя—лучшаго періода, но и потому, что здѣсь наиболѣе сказались естественныя потребности самобытной народной жизни. Въ виду того, что деревянные памятники нашего зодчества съ каждымъ годомъ безслѣдно исчезаютъ—я получилъ предложеніе отъ Императорской Академіи Художествъ осмотрѣть и сдѣлать съ нѣкоторыхъ изъ нихъ тщательные обмѣры и рисунки. Мое вниманіе по этому вопросу, конечно, прежде всего было обращено на Архангельскую и Вологодскую губерніи, какъ на самый лѣсной край, въ которомъ по преимуществу развивалась деревянная архитектура. Въ настоящее время, окончивъ обработку собраннаго мною матеріала по этому предмету, имѣю честь въ краткомъ рефератѣ ознакомить собраніе съ тѣми данными, которыя добылъ я за время моего путешествія. Трудъ мой заключается спеціально въ изслѣдованіи развитія нашего зодчества въ сѣверныхъ краяхъ, и такъ какъ первымъ импульсомъ этому развитію

послужило здѣсь насажденіе христіанства, то и считаю не лишнимъ хотя бы въ общихъ чертахъ намѣтить исторію распространенія его.

Почти съ достовѣрностью можно сказать, что поселенцы Сухоны (чудь) еще въ княженіе св. Владиміра были подвластны Новгороду, ибо въ лѣтописяхъ упоминается, что жители Печоры платили въ это время дань Новгороду, а такъ какъ на Печору не было другаго пути какъ черезъ Сухону, то и трудно остановиться на томъ, что Новгородъ управлялъ бы этимъ краемъ, не подчинивъ себѣ предварительно „чудь бѣлоглазую“. Вообще извѣстно, что жители сѣверныхъ окраинъ всегда производили большую торговлю (пушными и др. товарами) съ Новгородомъ и Ростовомъ, слѣдовательно были знакомы съ христіанствомъ, если не въ X, то въ XI стол. Въ 1147 г. уже прямо упоминается въ лѣтописяхъ, что преподобный Герасимъ, насаждая на Сѣверѣ христіанскую вѣру, встрѣтилъ въ Вологдѣ церковь Воскресенія Христова. Остановившись въ этомъ пунктѣ, онъ воздвигаетъ Троицкій Кайсаровскій монастырь, постепенно совершаетъ побѣду надъ язычествомъ, и вологодскій край скоро привлекаетъ уже серьезное вниманіе Новгородцевъ. Они заводятъ здѣсь колоніи, „рубятъ города“ для защиты отъ непріятелей, посылаютъ священниковъ крестить корелъ, ставятъ церкви, часовни — словомъ Сѣверъ начинаетъ быстро культивироваться и народъ проникается идеями новой религіи. При этомъ, конечно, столкновеніе столь различныхъ элементовъ нравственной жизни христіанъ и язычниковъ порождаетъ полное броженіе умовъ, такъ что въ то время, когда народъ уже началъ жить идеями христіанской религіи, онъ не вполнѣ отрѣшается отъ своихъ дикихъ, языческихъ забавъ. Но наконецъ духовная борьба иноковъ-обличителей окончательно сдавила и заглушила всѣ проявленія грубой жизни народа: смолкаютъ пѣсни баяновъ, игры, пляски и появляется назидательнаго характера символика въ связи съ аллегорическимъ олицетвореніемъ разныхъ поучительныхъ событій. Вслѣдствіе такого стремленія къ нравственному совершенству строится множество монастырей, куда приходятъ, начиная отъ простаго селянина до владѣтельнаго князя. Напр., Глѣбъ Васильевичъ основалъ знаменитый

Каменный монастырь, который былъ свѣточемъ духовной жизни не только для прибрежныхъ жителей, но и для отдаленнаго Сѣверо-востока. Въ эти дикія мѣста также потомъ появляются монастырскіе иноки, и ревностно проповѣдуютъ вѣру Христа, строятъ церкви и часовни, какъ болѣе понятные символы новой религіи.

Такимъ образомъ съ развитіемъ христіанской религіозной жизни и всеобщаго уваженія къ инокамъ, особенно во время междоусобицъ и смутъ, въ народѣ порождается стремленіе къ нравственному совершенству и желаніе уйти въ монастырь, чтобы покойно углубиться тамъ въ духовную созерцательную жизнь. Такое состояніе народа, безспорно, должно было вызвать массу церковныхъ построекъ, и дѣйствительно, въ два столѣтія монгольскаго ига было построено монастырей вдвое больше, чѣмъ въ предъидущія два съ половиною столѣтія. Эта внутренняя потребность народа къ постройкѣ храмовъ и дала прямую возможность развиться строительному дѣлу, особенно въ вѣчевой періодъ, до замѣчательныхъ образцовъ. Этому развитію весьма благопріятнымъ обстоятельствомъ, конечно, былъ и свободный доступъ иноземнымъ мастерамъ (изъ Византіи, а потомъ „отъ всѣхъ земель“), которые не только вносили къ намъ свои познанія, но даже строили иногда и по своимъ рисункамъ. Въ силу этихъ свободныхъ принциповъ русской жизни, въ Новгородѣ даже существовала цѣлая улица мастеровъ.

При первыхъ значительныхъ постройкахъ, у насъ русскіе мастера, конечно, присматривались къ дѣлу своихъ иноземныхъ товарищей, но вскорѣ (1194 г.) по городамъ и селамъ появляются русскіе зодчіе, которые уже не шли въ иноземныя артели, гдѣ нужно было пройти степени ученика, подмастерья и мастера, но составили свои собственныя артели, могущія успѣшно конкурировать съ пришлецами. Тѣ же подряды, въ которыхъ что либо не могла сдѣлать русская артель одна, она брала заказы вмѣстѣ съ иностранцами. Этимъ путемъ наше искусство продолжало развиваться и во время монгольскаго ига; хотя, казалось-бы, что подъ такимъ гнетомъ оно должно было заглохнуть. Оказалось, что монголы, въ силу своихъ религіозныхъ воззрѣній, смотрѣли на строителей,

какъ на лицъ, свыше осѣненныхъ, т. е. причисляли ихъ къ людямъ церковнымъ и въ мирное время даже оберегали ихъ, напр., въ одномъ изъ ярлыковъ хана упоминается: „а что будутъ церковные люди, ремесленники или писцы, или каменны здатели, или дровяные или иные мастера, каковы ни буди, а въ наши никто не вступаются и на наше дѣло да не емлютъ ихъ“. Отсюда видимъ, что мастера пользовались особой привилегіей, вслѣдствіе чего для нашихъ и иноземныхъ мастеровъ дорога къ дальнѣйшему усовершенствованію была всегда открыта. Разореніе же церквей, поруганіе святыни, при наказаніи монголами князей и областей, оправдывались ихъ понятіями о войнѣ, согласно съ законами Чингизъ-Хана, и не противорѣчили ихъ вѣротерпимости въ мирное время.

Къ концу XIV вѣка христіанская вѣра на Сѣверѣ устанавливается и проникаетъ далѣе въ глубь Сѣверо-востока. Дмитрій Прилуцкій основываетъ первый общежительскій монастырь; прокладываетъ дорогу въ Комельскій лѣсъ, строитъ келіи и дѣлаетъ эти непроходимыя мѣста новою колыбелью проповѣдниковъ имени Христа. Нѣсколько позже св. Стефанъ вноситъ христіанство въ древнюю Бсармію (Пермь) къ зырянамъ, переводитъ на ихъ языкъ церковныя книги и воздвигаетъ первую церковь въ Усть-Вымѣ; далѣе, проходя деревни, непоколебимо проповѣдуя ученіе Христа, ставитъ дорогой кресты, часовни, церкви и въ короткое время обращаетъ въ христіанство язычниковъ на протяженіи до 200 верстъ.

Около половины XV стол. новгородецъ Зосима, достигнувъ острововъ Бѣлаго моря, положилъ начало знаменитому Соловецкому монастырю, снискалъ расположеніе посадницы Марѳы Борецкой и при ея помощи украсилъ острова церквами и часовнями. Послѣ него здѣсь-же появляется новое свѣтило церкви, св. Филиппъ; онъ строитъ трапезную церковь, соборъ, мельницу и др. уже каменныя постройки. Кромѣ этихъ иноковъ-строителей, нельзя не замѣтить, что при благоустройствѣ церквей всегда принимали большое участіе сосѣдніе князья и промысловые люди. Такъ, напримѣръ, Вятка, благодаря своей цвѣтущей промышленности, всегда помогала зырянамъ въ постройкѣ церквей; князья же при этомъ охотно уступали

обширные участки земли людямъ, бравшимся населить ихъ, и давали имъ при томъ большія льготы. Въ такихъ условіяхъ, напр., Строгановы настолько развили свою дѣятельность въ области Камы, что воздвигали цѣлые города (Конкура, Кергеданъ и др.) съ крѣпостями, башнями, церквами и пр. Такое оживленіе края естественно вызвало большой запросъ на мастеровъ и когда рушился вѣчевой строй, политическія силы стянулись къ Москвѣ, болѣе опытные новгородскіе мастера разбѣжались по окраинамъ Сѣвера и продолжали тамъ свое завѣтное мастерство. Они свыклись съ свободой и не шли въ Москву, не смотря на то, что она уже неоднократно требовала ихъ, не шли во-первыхъ потому, что на Сѣверѣ, среди цвѣтущей промышленности, они получали такую цѣну, какую Москва не могла дать имъ, а во-вторыхъ, по своему превосходству они прямо избѣгали столкновеній съ московскими мастерами. Эта цвѣтущая пора плотничнаго искусства на Сѣверѣ была послѣдней. Москва не на шутку взялась за мастеровъ; она требовала, чтобы намѣченныя ею артели стали на казенныя работы и при этомъ, для обезпеченія, брала заложниковъ. И вотъ, потянулись со всѣхъ сторонъ артели къ Москвѣ съ тѣмъ запасомъ свѣдѣній по строительной части, которыя выросли вѣками на свободныхъ принципахъ богатаго Сѣвера и которыя имъ пришлось нерѣдко примѣнять уже къ каменнымъ постройкамъ. Въ болѣе же сѣверныхъ губерніяхъ строительное дѣло становилось традиціоннымъ и до нѣкоторой степени тормозилось воеводами, смутнымъ временемъ самозванцевъ, расколомъ и т. п. Хотя эти событія и не оставили большихъ слѣдовъ на развитіи нашего искусства, но всетаки стѣсняли его. Судя по обстоятельствамъ, при которыхъ развивалось наше строительное искусство, видимъ, что главное мѣсто въ постройкахъ принадлежитъ церквамъ. Развитію гражданской архитектуры у насъ не посчастливилось, ему препятствовало даже само правительство, которое всегда увеличивало налоги на владѣльцевъ богатыхъ построекъ; по поводу этого обстоятельства замѣтилъ даже тогдашній публицистъ Котошихинъ, „кто построитъ хорошій домъ, тотъ непремѣнно разорится“.

Намѣтивъ такимъ образомъ историческій ходъ распростра-

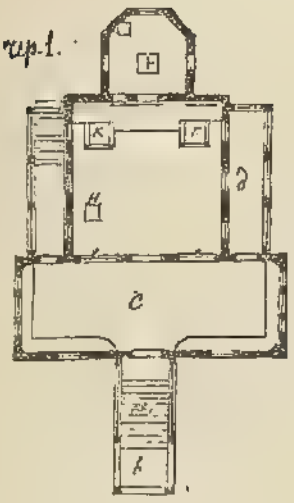
ненія христіанства и народонаселенія въ соединеніи съ развитіемъ зодчества въ этихъ отдаленныхъ отъ центра Россіи мѣстахъ, разсмотримъ теперь нѣкоторые сохранившіеся памятники церковной архитектуры.

Самый простой типъ деревянныхъ сѣверныхъ церквей состоитъ изъ прямоугольнаго сруба, „клѣти“, маленькаго прируба съ восточной стороны для алтаря и открытой галлерейки съ западной стороны. Церковь покрывалась двухскатной крышей съ главкой, а галлерейка—односкатной. Болѣе развитой типъ подобныхъ церквей имѣетъ слѣдующее расположеніе: 1) обыкновенно открытая лѣстница съ западной стороны ведетъ въ церковь двумя маршами и покрыта двухскатной крышей съ переламываніемъ (черт. 4-й, табл. I-я и II-я—церковь въ Шеговарской волости), или же открытая лѣстница шла въ одинъ маршъ *(а)* по направленію продольной оси церкви (черт. 1-й, табл. I-я, церковь въ селѣ Ростовскомъ). Лѣстницы оперилпвались и имѣли двѣ площадки; входная *(в)* покрывалась односкатной, двухскатной и четырехскатной крышами, а иногда и бочкой. Такой входъ называется „рундукомъ“. Верхняя площадка лѣстницы иногда закрывалась съ боковъ досками (черт. 2-й), „забиралась въ столбы“ съ маленькими оконцами и покрывалась особой двухскатной крышею или бочкою. Эта часть лѣстницы, называемая крыльцомъ, ставилась обыкновенно на выпускныхъ бревнахъ въ видѣ кронштейновъ или на особыхъ стульяхъ.

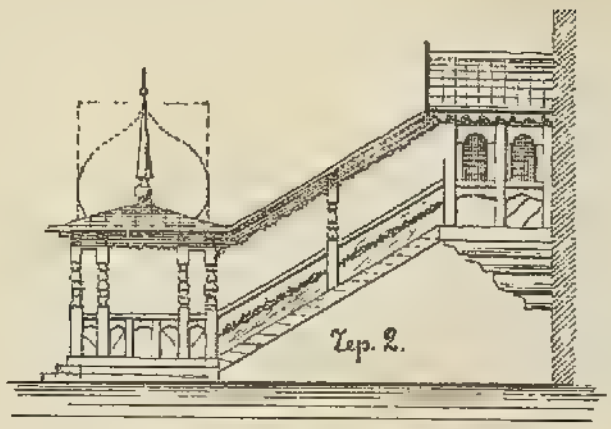
По лѣстницѣ входятъ въ большое помѣщеніе, называемое „трапезной“ (*с*, черт. 1-й), въ которой потолокъ иногда подпирался столбами, обдѣланными въ видѣ колонокъ *). Вдоль трехъ стѣнъ трапезной дѣлали „опушенныя“ лавки, а посрединѣ помѣщенія ставили еще иногда двѣ скамьи. Для образовъ на стѣнахъ трапезной дѣлались полки и все помѣщеніе освѣщалось небольшими окнами съ сѣверной и южной сторонъ, причемъ, если съ каждой стороны было по три окна, то въ большинствѣ случаевъ, среднее дѣлалось большое узорчатое—

*) «Зодчій» за 1883 годъ, статья «Древнее зодчество сѣверныхъ окраинъ Россіи», листы 31, 32, 59 и 60.

Чер. 1.

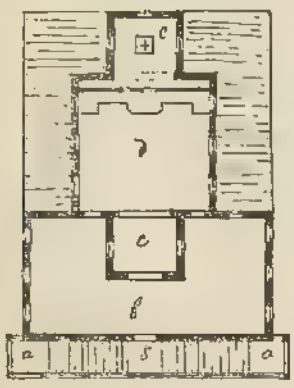


Чер. 2.

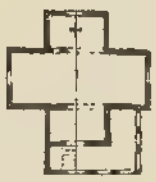


Чер 3

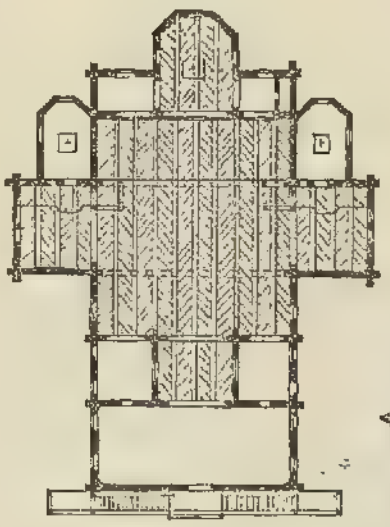
Чер. 4.



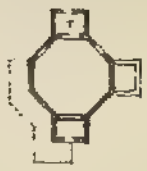
Чер. 5



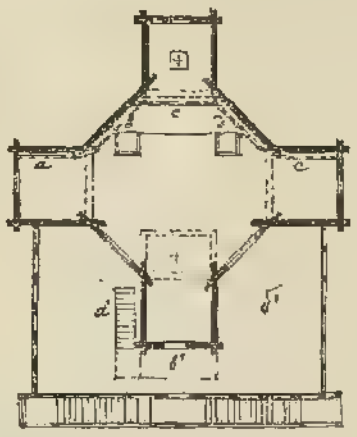
Чер 6



Чер. 7



Чер 8

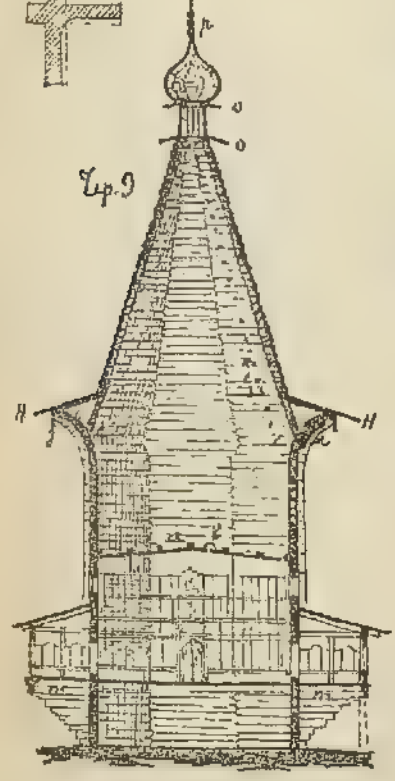


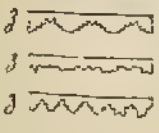
7'

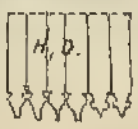
7'

Чер. 10

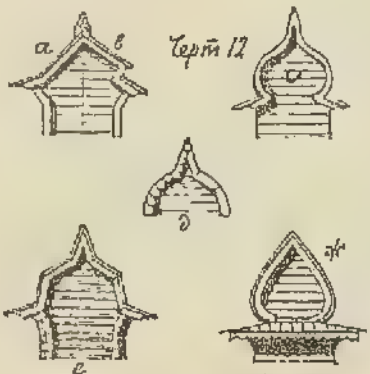
Чер. 9



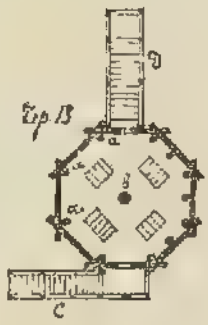




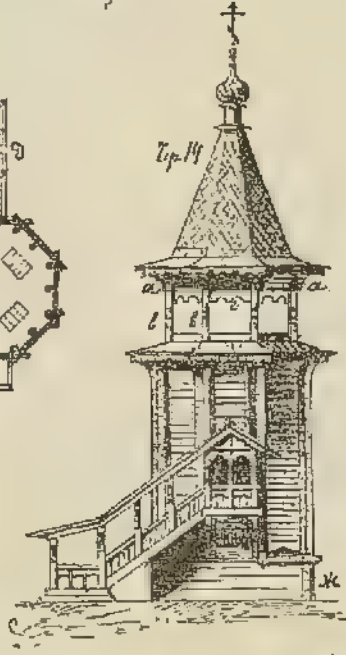
Чер. 12



Чер 13



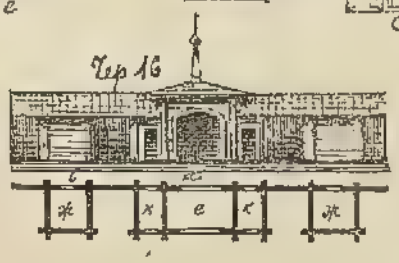
Чер 14



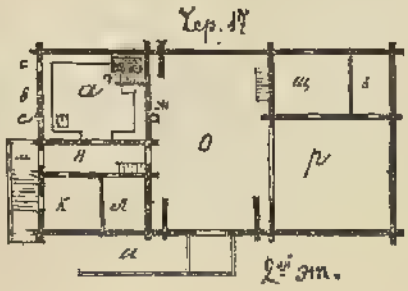
Чер. 11

Чер. 15

Чер 16



Чер. 17



Чер 18

Табл. I.

„красное“, а по бокамъ „волоковыя“, называвшіяся такъ потому, что они не затворялись, а задвигались, — „заволакивались“. Потолки состоятъ изъ балокъ — „матицъ“, забранныхъ досками „прямью“ или „въ косякъ“. Изъ трапезной иногда былъ выходъ на особую галлерейку (черт. 1-й), съ которой во время молебновъ священникъ кропилъ святой водой скотъ, приводимый крестьянами въ день св. Георгія.

Назначеніе самой трапезной было слѣдующее: во время большихъ и въ особенности престольныхъ праздниковъ, болѣе зажиточные поселяне дѣлали складчину на пиръ, и народъ, съ различныхъ концовъ далеко раскинувшагося прихода, являлся сюда, такъ сказать, на общій праздникъ, называемый въ нѣкоторыхъ мѣстахъ „канономъ“. Обычай этотъ — „братчина“ былъ, какъ извѣстно, распространенъ въ Россіи съ незапамятныхъ временъ и перешелъ сюда отъ новгородцевъ; о братчинѣ говорятъ наши лѣтописи, о ней поетъ и старая русская пѣсня. — Въ простые воскресные дни, между заутреней и обѣдней, пришедшіе изъ далекихъ деревень богомольцы завтракали въ трапезной, и въ присутствіи священника, какъ болѣе свѣдущаго и духовнаго человѣка, бесѣдовали о разныхъ церковныхъ и общественныхъ дѣлахъ. Изъ трапезной входятъ обыкновенно въ квадратное помѣщеніе, служившее мѣстомъ для молящихся. При большомъ стеченіи народа, нѣкоторые прихожане становились въ трапезной и черезъ продолговатыя отверстія (*е*, черт. 1), находившіяся по бокамъ входа, слѣдили за отправленіемъ богослуженія. Отверстія эти (*е*, *е*), вышиною въ 10 вершк. и отъ 2-хъ до $2^1/_2$ арш. длиною, располагались на высотѣ 2-хъ арш. отъ полу и всегда имѣли рѣшетку или слюдяную узорчатую раму, поднимающуюся вверхъ. Потолокъ самой церкви дѣлался хотя и выше, чѣмъ въ трапезной, но рѣдко достигалъ 6 арш. Въ церкви около солеи по обыкновенію ставились два клироса (*к*, черт. 1-й), украшенные узорчатыми досками. Тутъ же на полу иногда помѣщалась церковная казна (*н*, черт. 1-й), т. е. сундукъ съ деньгами и др. цѣнными вещами. Церковь освѣщалась большею частью съ южной стороны, вѣроятно, для того, чтобы дать меньше доступа холоду при сѣверныхъ вѣтрахъ. Солея воз-

вышалась преимущественно на одну ступень, а иногда шла въ уровень съ церковнымъ поломъ. Алтарь, нерѣдко о трехъ и больше стѣнахъ, освѣщался однимъ большимъ окномъ и волоковымъ около жертвенника, или же только двумя волоковыми. Наружный видъ подобныхъ церквей, называемыхъ теплыми или „клецки", былъ незатѣйливъ: обыкновенно все строеніе покрывалось двухскатной кровлей и только надъ самой церковью дѣлалась одна главка или бочка съ главкой. Такимъ образомъ, зная наиболѣе простой типъ нашихъ деревянныхъ церквей въ сѣверномъ краѣ, мы просмотримъ по памятникамъ какое могло быть развитіе его и вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣтимъ нѣкоторыя мѣстныя черты древняго зодчества.

Въ Вельскомъ уѣздѣ мнѣ пришлось видѣть храмы большею частію вышеописаннаго типа, и разница встрѣчалась только въ наружномъ ихъ устройствѣ, т. е. на прямоугольномъ срубѣ попадаются одинъ, два или три осьмиугольныхъ срубика, постепенно уменьшающихся въ діаметрѣ и высотѣ, причемъ послѣдній изъ нихъ иногда завершается восьмиграннымъ куполомъ съ главкою (черт. 3-й, церковь въ селѣ Ростовскомъ). Покрытіе это по всѣмъ вѣроятіямъ позднѣйшее, хотя абрисъ купола даетъ впечатлѣніе бочечныхъ формъ. Фасады этихъ церквей нерѣдко росписаны прямо по бревнамъ въ шахматы.

Подъѣзжая къ г. Шенкурску, замѣчается нѣсколько иной типъ церквей, т. е. планъ ихъ имѣетъ форму латинскаго креста (черт. 4-й), а по фасаду главный прямоугольный срубъ церкви переходитъ въ высокій осьмерикъ, увѣнчанный восьмиграннымъ шатромъ или конусообразнымъ, закругленнымъ у его основанія. Надъ алтаремъ часто встрѣчается куполъ такой формы, какъ мы видѣли въ церкви села Ростовскаго. Въ постройкахъ этого типа размѣры трапезной уменьшаются (черт. 4-й, церковь въ Шеговарской волости) и весь храмъ получаетъ довольно красивый видъ. Далѣе къ сѣверу, церкви принимаютъ бо́льшіе размѣры и нѣсколько другія формы; — чаще всего встрѣчается форма равносторонняго греческаго креста (черт. 5). Затѣмъ, видимо при дальнѣйшемъ развитіи плана подобныхъ церквей, т. е. при увеличеніи размѣровъ, усложненіи формъ и богатствѣ деталей появляются уже такіе образцы мѣстнаго

Церковь Св. Троицы

Архангельской губерніи, Шенкурскаго уѣзда, въ Шеговарской волости постр. въ 1666 г.

В. Сусловъ. 1884 г.

Табл. II.

зодчества, какъ напр. соборъ въ г. Шенкурскѣ (черт. 6-й); главный квадратный срубъ его увѣнчивается пятью главами, четыре боковые прируба покрыты „бочками“ и завершаются главками, причемъ сѣверный и южный изъ нихъ имѣютъ назначеніе особыхъ придѣловъ съ самостоятельными алтарными прирубами.

Приближаясь къ р. Двинѣ, типъ подобныхъ церквей смѣшивается съ новымъ пріемомъ плана: повсюду замѣчается форма восьмиугольная, которая, какъ видно изъ лѣтописи Устюжской церкви, также весьма древняя на Сѣверѣ. Съ восточной стороны главнаго восьмиугольника церкви дѣлаютъ прирубъ для алтаря, а съ западной для паперти (черт. 7-й). Въ нѣкоторыхъ церквахъ встрѣчается еще третій прирубъ съ сѣверной стороны, предназначаемый для особаго придѣла (черт. 7′ — церковь въ Сійскомъ приходѣ). При усложненіи такихъ плановъ оставалось затѣмъ сдѣлать четвертый прирубъ и тогда получался уже совершенно новый типъ креста. Такой характеръ плана замѣтно господствуетъ по всей Двинѣ. Какъ весьма интересный памятникъ подобнаго образца приводимъ церковь на рѣкѣ Кокшенгѣ (черт. 8-й) *). Иногда въ такихъ церквахъ надъ западнымъ прирубомъ помѣщался особый придѣлъ, въ который вела лѣстница изъ „нищевника“, т. е. галлереи, окружающей церковь. Рядомъ съ этими типами церквей, называемыхъ холодными, на Двинѣ попадаются теплыя церкви или, какъ выше было сказано, „клецки“. Устройство послѣднихъ вполнѣ аналогично съ общимъ типомъ, описаннымъ въ началѣ сообщенія, и разнится только по верхушкѣ надъ самою церковью, т. е. поверхъ двухскатной крыши ставилась бочка съ одной главкой или двѣ пересѣкающіяся бочки съ тремя главками, или же одна главка, увѣнчивающая церковь, ставилась на низенькихъ восьмерикахъ. По наружному устройству обращаютъ на себя вниманіе еще церкви Новгородско-псковскаго мотива. Ихъ покрытіе состоитъ изъ двухъ пересѣкающихся двухскатныхъ крышъ, вслѣдствіе чего получается

*) Фасадъ этой церкви см. въ статьѣ «Памятники древней деревянной архитектуры въ Южной Россіи», табл. III-я.

восемь скатовъ (черт. 11-й, *а*—церковь въ Уемскомъ приходѣ, близъ г. Архангельска).

Говоря объ общей формѣ храмовъ на берегахъ Двины, нельзя не упомянуть, что большинство изъ нихъ представляетъ большую особенность, по своему силуэту, весьма напоминающему видъ корабля. Вѣроятно, въ періодъ развитія у насъ символики такою формою выражалось народное представленіе о значеніи церкви въ жизни человѣка. Церковь уподоблялась кораблю, который одинъ только можетъ привести черезъ море житейское въ вѣчное пристанище. Въ формѣ этой нельзя не подмѣтить также и практической стороны, такъ какъ, помѣщая церковь на высокихъ подклѣтяхъ, устраняли во время разлива рѣкъ опасность порчи церковныхъ вещей, образовъ и т. п. Ограничившись общимъ разборомъ древнихъ деревянныхъ храмовъ, скажемъ нѣсколько словъ о ихъ деталяхъ.

Галлереи, обходящія церковь съ трехъ сторонъ, дѣлались по Двинѣ исключительно при холодныхъ шатровыхъ церквахъ и называются иногда „нищевниками“. Въ существующихъ церквахъ онѣ помѣщены на высотѣ 3—4 арш. отъ поверхности земли и покоятся на выпускныхъ бревнахъ въ видѣ кронштейновъ (черт. 9, *т*); иногда-же на особомъ срубѣ или просто на столбахъ (табл. III-я, церк. на Бѣлослудскомъ погостѣ). Галлереи дѣлались изъ брусковаго скелета, забраннаго досками „прямью“ или „въ косякъ“, причемъ въ доскахъ вырѣзались маленькія отверстія (оконца), иногда довольно причудливаго очертанія, затворяющіяся съ внутренней стороны особыми затворами. Снизу каждое оконце ограничивалось горизонтальнымъ брускомъ, называемымъ „подлокотникомъ“, ниже котораго пространство между стойками разбивалось на двѣ или на три части дощечками, имѣющими видъ вырѣзнаго фронтончика (табл. III-я, ц. на Бѣлослудскомъ погостѣ). Съ южной стороны церкви, куда менѣе проникаетъ рѣзкій вѣтеръ, галлерея въ исключительныхъ случаяхъ дѣлалась совсѣмъ открытою и тогда стойки обдѣлывались въ видѣ колоннокъ (табл. III-я). Внутри нищевника, около стѣнъ тянулись скамьи для отдыха молящихся. Лѣстницы имѣли такой же характеръ, какой уже былъ описанъ; прибавлю только, что на Двинѣ онѣ гораздо богаче,

Фототипія Евг. Гоффересъ. С.-Петербургъ. Мѣщанская 19.

т. е. украшены бочечными покрытіями на столбахъ, обдѣланныхъ въ видѣ колоннокъ, а самыя ступени „оперилены“ двумя досками вдоль, причемъ шовъ между ними обыкновенно разыгранъ въ видѣ орнамента.

Алтари Вельскаго уѣзда по большей части о пяти стѣнахъ, перекрытые прямыми скатами или восьмигранными куполами такой формы, какъ показано на черт. 3-мъ, табл. I-я. Въ Шенкурскомъ уѣздѣ форма алтарей встрѣчается чаще всего прямоугольная съ бочечнымъ покрытіемъ, увѣнчаннымъ главкой, притомъ углы являются нерѣдко скошенными. При болѣе сложномъ устройствѣ алтарей, какъ напр. въ Шенкурскомъ соборѣ, ихъ тройственное дѣленіе по фасаду имѣетъ совершенно тождественный характеръ съ алтарями византійскихъ и грузинскихъ церквей.

Иконостасы древняго устройства почти не сохранились; мнѣ пришлось видѣть только одинъ въ церкви св. Спаса на р. Кокшенгѣ, Вологодской губерніи, Тотемскаго уѣзда. Онъ занимаетъ все протяженіе 5-ти стѣнъ церкви (черт. 8, — *a, b, c, d, e*) и состоитъ изъ горизонтальныхъ брусковъ, прибитыхъ къ стѣнамъ на разныхъ высотахъ, образующихъ такимъ образомъ ярусы; въ каждомъ изъ такихъ ярусовъ или рядовъ иконостаса помѣщаются образа въ томъ порядкѣ, который принятъ церковью, т. е. въ первомъ—мѣстныя иконы, во второмъ—праздничныя, а въ третьемъ и четвертомъ изображенія апостоловъ и праотцевъ. Съ нижняго бруска спускается матерія, а остальные бруски „опушоны“ досками, имѣющими непрерывный раскрашенный орнаментъ довольно типичнаго рисунка. На эти бруски въ видѣ полокъ и ставились образа, одинъ къ другому, безъ вертикальныхъ брусчатыхъ подраздѣленій между собою.

Потолки, когда нужно было покрыть большое пространство, дѣлались съ подъемомъ въ видѣ фронтона (черт. 9-й), чтобы доски между балками *a*, производя распоръ, значительно уменьшали бы прогибъ самыхъ балокъ. Для достиженія резонанса дѣлали круглыя отверстія въ потолкѣ и накрывали ихъ большими глиняными горшками (черт. 9, *b*).

Рубка стѣнъ производилась въ „шапъ“ (какъ у насъ въ

„лапу“), причемъ внутреннія церковныя стѣны обтесывались прямыми плоскостями, „выскабливались въ „ласъ“, а въ углахъ закруглялись (черт. 10-й). Рубка безъ выпускныхъ концовъ производилась большею частью въ верхнихъ восьмерикахъ и галлерейкахъ. Срубы церкви обыкновенно дѣлали въ сосѣднемъ лѣсу и ставили на заранѣе освященномъ мѣстѣ прямо на „ошивѣ“ безъ фундамента, вслѣдствіе чего являлась неравномѣрная осадка, и нынѣ церкви нерѣдко встрѣчаются искривленныя.

Устройство шатровъ представляло ту особенность, что всѣ они бревенчатые, „рубленые“, чѣмъ строители и освобождались отъ всякой стропильной системы. Шатеръ въ нѣкоторыхъ церквахъ доходитъ до 30 арш. вышиною и беретъ свое начало изъ первыхъ вѣнцовъ откоса главнаго карниза (черт. 9, *c*), который дѣлался также рубленый и относился отъ плоскости стѣнъ до 3½ арш. Параллельно одной изъ плоскостей шатра, внутри шли, въ родѣ ступеней, тонкіе кругляки (*d*, *e*, *k*) „режи“, по которымъ можно проникнуть до самаго креста церкви. Наружная поверхность шатра, шейка и главка покрывались „чешуйчатымъ обиваніемъ“ (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оно называлось „лемихъ“), откосы же карнизовъ покрывались тесинами съ „обломами“ въ видѣ зонтика; такими-же тесинами съ зубцами обдѣлывались основанія шеекъ и главокъ (черт. 9, *n*, *o*). Эти украшенія замѣтны и въ путевыхъ рисункахъ Олеарія. Вогнутая поверхность карниза иногда обшивалась досками (черт. 9, *m*) съ раскрашенными орнаментами и надписями, а верхній вѣнецъ его подъ обломами закрывался доской „карниста“ (черт. 9, *s*) съ вырѣзками различнаго рисунка.

Кресты, увѣнчивающіе церковь, имѣютъ въ основаніи обвязку такой формы, какая встрѣчается въ грузинскихъ церквахъ (черт. 9-й, *p*); верхній конецъ креста едва возвышается надъ вторымъ горизонтальнымъ брускомъ. Мы уже упомянули, что шатровыя покрытія церкви иногда достигали до 30 арш. вышины, между тѣмъ внутренняя высота церкви зачастую не превышала 10 арш., такъ что вся внутренность шатра и почти половина высоты церкви оставались совершенно непроизводительными (черт. 9-й). Эта странность, вѣроятно, объясняется тѣмъ, что во взглядѣ народа церковь всегда представлялась чѣмъ-то

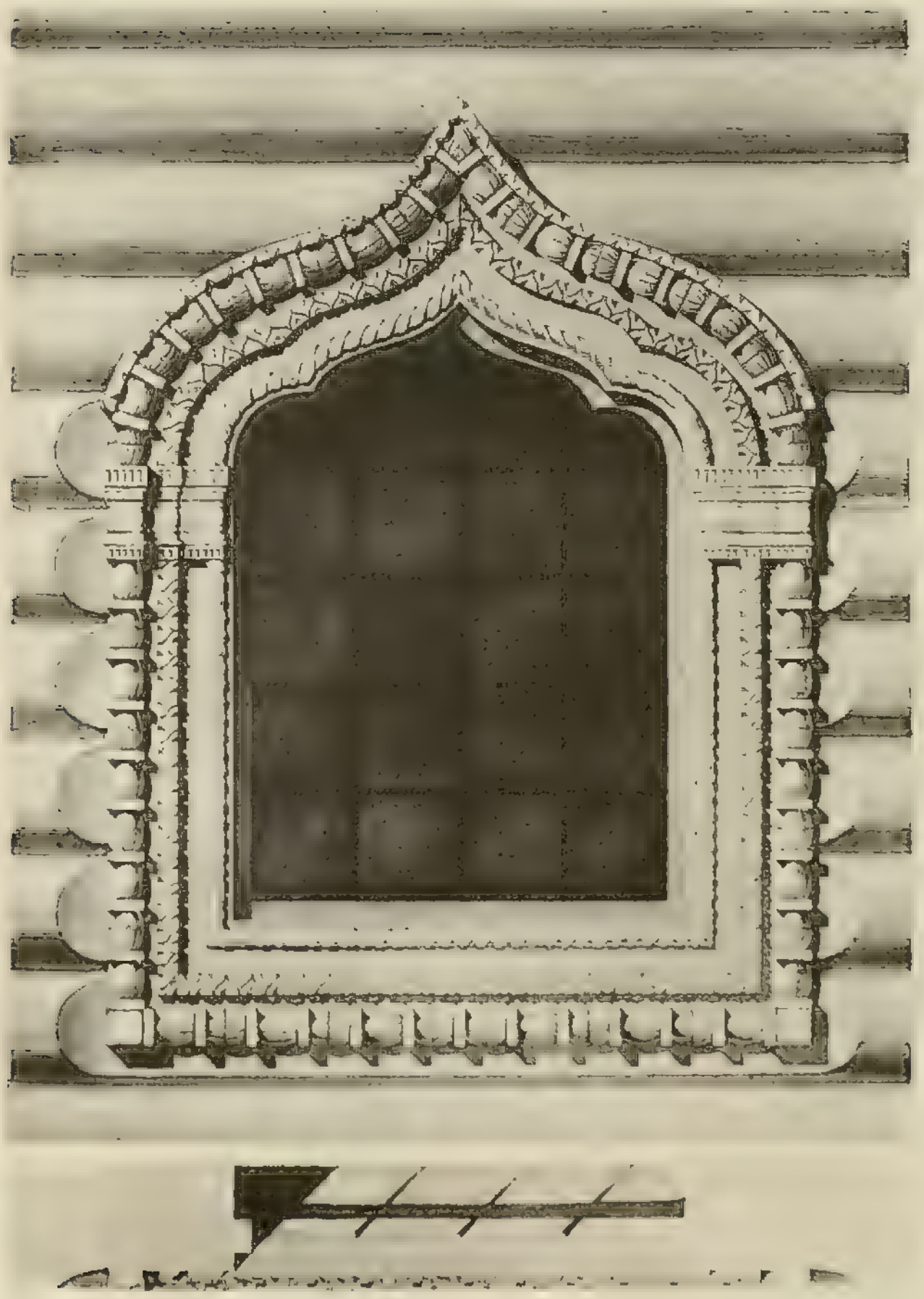
грандіознымъ по внѣшности и скромнымъ по внутреннему убранству. Къ тому же надо прибавить еще то обстоятельство, что крайнее несовершенство печей, особенно въ курныхъ церквахъ, постоянно заставляло уменьшать нагрѣваемое пространство.

Что касается шатровыхъ церквей, то извѣстно, что при Алексѣѣ Михайловичѣ постройка ихъ была запрещена, но народъ видимо не могъ такъ скоро отрѣшиться отъ излюбленнаго мотива и продолжалъ дѣлать ихъ по всему Сѣверу, а въ XVII ст. этотъ мотивъ даже примѣнялся къ каменнымъ церквамъ, устроеннымъ также на подклѣтяхъ и съ галлерейкой. Шатеръ въ каменныхъ храмахъ входилъ въ составъ самой церкви, а иногда предназначался для колокольни.

Верхняя часть сруба церкви и внутренность шатра, не занятыя въ деревянныхъ церквахъ особымъ придѣломъ, вѣроятно по ненадежности пола, въ каменныхъ церквахъ, при сводчатомъ покрытіи, какъ нельзя болѣе удачно утилизировались колокольней, при этомъ детальная обработка шатра усложнялась, и общій видъ храма получалъ большій художественный ансамбль. Какъ весьма подходящій образчикъ такой постройки, можно указать на церковь Рожд. Христова въ г. Ярославлѣ. Бочечное покрытіе „прирубовъ церкви“, какъ и шатровое, дѣлалось изъ бревенъ и также „кожушилось“ (покрывалось) гонтомъ въ чешую. Изъ существующихъ мотивовъ бочечныхъ формъ можно предположить, что начало ихъ развитія лежитъ въ простомъ покрытіи съ „переламываніемъ“ (черт. 12, *а*); затѣмъ эта форма постепенно развивалась при увеличеніи числа переламываній (черт. 12, *в*, *е*,—ц. въ погостѣ Девятинскомъ, Олонецкой губ., и ц. на Уфтюгскомъ погостѣ, Архангельской губ., Сольвычегодскаго уѣзда) и такимъ образомъ дошла до закругленныхъ формъ (черт. 12, *д*, *с*, *ж*). Судя-же по тому, что бочечная форма господствуетъ въ памятникахъ деревянной архитектуры, можно думать, что развитіе ея было именно на Сѣверѣ. Обдѣлка церковныхъ дверей, особенно при переходѣ изъ трапезной въ церковь, была иногда очень богата, причемъ колонки и всѣ украшенія портала вырѣзывались въ самой колодѣ, которая вверху дѣлалась фронтономъ и иногда расписывалась.

Церковныя окна не украшались набивною рѣзьбою, а состояли просто изъ колодъ, верхній брусъ которыхъ схватывалъ двѣ вертикальныя части и имѣлъ на концахъ вырѣзныя формы въ родѣ карниза. Сверху колода покрывалась крышечкой, ребро которой обработывалось рѣзнымъ орнаментомъ. Въ нѣкоторыхъ окнахъ верхняя часть колоды дѣлалась фронтономъ, а внутреннее очертаніе самаго окна принимало закругленныя формы и доходило до вычурныхъ очертаній. Такимъ образомъ изъ простой колоды появлялись богатые наличники (табл. IV-я, окно въ церкви села Черевкова, Сольвычегодскаго уѣзда). При этомъ многія украшенія подобныхъ наличниковъ почти цѣликомъ попадаются въ каменной архитектурѣ XVII столѣтія. Тоже самое можно сказать и о порталахъ. Указавъ на нѣкоторыя характерныя черты устройства самыхъ церквей, скажемъ нѣсколько словъ и о другихъ церковныхъ постройкахъ.

1) *Колокольни*; какъ извѣстно, появляются въ Россіи довольно поздно. У насъ, какъ и въ греческихъ церквахъ, въ первые вѣка христіанства народъ призывался въ церковь ударами въ деревянное или желѣзное „било“ (какъ видно еще и въ путешествіи Олеарія). Это „било“ во множествѣ продержалось въ нашихъ церквахъ до XV вѣка. Колокола, хотя и упоминаются въ XI ст., но замѣтно не были распространены до XIV вѣка. Даже въ XV ст. колокола часто замѣнялись желѣзнымъ „клепаломъ“, имѣющимъ видъ полаго полушара съ металлическимъ языкомъ внутри. Самый древній видъ колоколенъ—это, такъ называемыя „звонницы“ (типъ ихъ сохранился въ Новгородско-Псковскихъ церквахъ), имѣющія видъ небольшой стѣны съ однимъ или двумя пролетами, куда и вѣшались колокола. Какъ болѣе развитой пріемъ звонницъ состоитъ изъ продолговатаго 4-хъ-стѣннаго помѣщенія, верхняя часть котораго имѣла видъ сквозныхъ арочекъ, гдѣ и помѣщались колокола. Въ путешествіи Олеарія замѣчаемъ, что колокола висѣли иногда просто на перекладинѣ, одинъ конецъ которой лежалъ на подоконникѣ церкви, а другой на деревянной стойкѣ (мнѣ приходилось видѣть такое устройство и въ настоящее время), или же эта перекладина положена концами на два большихъ столба съ раскосами. Такое устрой-



Фототипія Евг. Гоффереръ. С.-Петербургъ. Мѣщанская 19.

ство иногда имѣло видъ воротъ. Судя по сохранившимся древнимъ памятникамъ церковной архитектуры, надо предположить, что каменныя колокольни появились у насъ въ самомъ концѣ XVI стол., и то какъ бы въ переходномъ состоянiи отъ вытянутой формы къ квадратной (напр., колокольня Дудина монастыря въ Нижегородской губернiи 1600 г., Дмитрiя Солунскаго въ Москвѣ и др.). Вполнѣ развитой типъ русскихъ каменныхъ колоколенъ встрѣчается только въ концѣ XVII ст. Относительно же деревянныхъ восьмистѣнныхъ колоколенъ можно безошибочно сказать, что типъ ихъ былъ вполнѣ опредѣленъ если не въ XV ст., то во всякомъ случаѣ въ XVI ст., ибо, судя по лѣтописи Вологодскаго собора, въ которой упоминается о сдачѣ подряда въ 1621 г. „рубить колокольню о 8 стѣнахъ“, видно, что мастера наши уже освоились съ подобною формою раньше, т. е. при постройкѣ церквей; гдѣ восьмиугольные срубы уже пріобрѣли довольно художественную форму и даже повліяли на каменную архитектуру. Колокольни съ квадратнымъ основанiемъ, какъ болѣе простой пріемъ постройки, существовали несомнѣнно еще раньше. Деревянныя „колокольницы“, какъ называются онѣ въ лѣтописяхъ, разбросаны въ большомъ количествѣ по всему сѣверному краю и только въ Вельскомъ уѣздѣ ихъ почти не сохранилось. Всѣ колокольни стоятъ отдѣльно отъ церкви, большею частью на юго-восточной и сѣверо-западной сторонахъ. Онѣ обыкновенно состоятъ изъ высокаго квадратнаго или восьмиугольнаго сруба, причемъ послѣдній иногда раздѣлялся карнизиками на нѣсколько ярусовъ и ставился на особый квадратный срубъ (черт. 14-й, *ж*). Этимъ срубомъ какъ бы одѣвался скелетъ колокольни, который состоялъ изъ 4-хъ, 8-ми и 16-ти вертикальныхъ или наклонныхъ къ центру *) толстыхъ бревенчатыхъ стоекъ (черт. 13, *а*). Внутренніе столбы возвышались надъ срубомъ аршина на 2 или на 3; на верхнихъ концахъ ихъ покоился „рубленный“ „съ пропусками“ карнизъ (черт. 14-й, *а*), состоящій изъ круглыхъ или отесанныхъ (съ 4-хъ сторонъ) бревенъ. Обнаруженная часть столбовъ колокольни нерѣдко обдѣ-

*) Въ этомъ случаѣ срубъ имѣлъ видъ усѣченной пирамиды (табл. V-я).

лывалась въ видѣ колоннокъ *в*, а между ними въ верхней части пролета вставлялись особыя доски (арочки) *е*, имѣвшія видъ украшенія и вмѣстѣ съ тѣмъ предупреждавшія распатываніе столбовъ колокольни. Вертикальная ось строенія представляла собою толстое бревно до 14 вершк. (черт. 13, *в*), идущее во всю высоту колокольни, причемъ верхняя часть его заканчивалась крестомъ. Покрытіе колоколенъ въ большинствѣ случаевъ одношатровое, въ рѣдкихъ случаяхъ пятишатровое (табл. VI-я, церк. на Ракульскомъ погостѣ). Въ послѣднемъ случаѣ средній шатеръ дѣлался восьмигранный, а остальные четырехгранные. Шатеръ, шейка и главка колокольни всегда покрывались гонтомъ „въ чешую“. Лѣстница на колокольню помѣщалась внутри, а иногда нижняя часть ея находилась снаружи (черт. 14) и имѣла одинъ или два рундука. Наружная часть лѣстницы располагалась параллельно входной стѣнѣ (черт. 13, *с*) или перпендикулярно къ ней (черт. 13, *д*).

2) *Церковныя ворота* ставились обыкновенно въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ церкви, и каждый, проходящій въ церковь, считалъ долгомъ помолиться иконамъ, въ воротахъ находящимся, и тѣмъ приготовиться съ благоговѣніемъ войти въ самый храмъ. Ворота состояли изъ двухъ кресчатыхъ въ планѣ срубовъ (черт. 15-й), покрытыхъ двухскатной крышей, увѣнчанной главкой; въ пролетѣ воротъ подъ крышей дѣлалась полка для образовъ *(а)*. Фронтоны убирались рѣзьбою, а главка крылась „чешуйчатымъ обиваніемъ“.

3) Всѣ церковныя строенія (колокольни, теплыя и холодныя церкви) обносились иногда деревянными *оградами* (черт. 16-й), внѣшняя сторона которыхъ представляла собой прямыя стѣны, высотою до 4-хъ арш. съ маленькими отверстіями *(в)* въ родѣ оконъ; эти отверстія выходили въ особые четырехугольные срубы *(ж)*, служившіе контрафорсами стѣны и въ то же время были мѣстомъ продажи всевозможныхъ товаровъ въ праздничные и базарные дни. Вся ограда въ ширину срубовъ покрывалась двухскатной крышей и имѣла двое воротъ, отличавшихся отъ ограды болѣе богатымъ устройствомъ. Ворота эти были въ двухъ противуположныхъ частяхъ ограды и состояли изъ проѣзда *(с)* и двухъ проходовъ *(и, к)*.

Колокольня на Вельскомъ погостѣ Архангельской губ. Шенкурскаго уѣзда.

Табл. V.

Фототипія Евг. Гофферсъ. С.-Петербургъ, Мѣщанская 19.

Перейдемъ теперь къ описанію жилыхъ построекъ, т. е. къ сельскимъ избамъ, такъ какъ другихъ болѣе значительныхъ древнихъ зданій, за исключеніемъ домика Петра въ Архангельскѣ, мнѣ не пришлось видѣть. Общій типъ старинныхъ избъ, ихъ конструкція и даже прежніе строительные термины, употребляются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и понынѣ. Изъ болѣе интересныхъ и древнихъ избъ мною приведена (на черт. 17, табл. I-я и табл. VI-я) изба Кадниковскаго уѣзда, который и по настоящее время славится убранствомъ своихъ жилищъ. Все помѣщеніе обыкновенно состоитъ изъ двухъ этажей. Первый изъ нихъ ставился „на пошвѣ“, т. е. прямо на землѣ или на столбахъ. Самая изба *a* срублена на „подзавалье“, съ однимъ „краснымъ“ (узорчатымъ) окномъ *(в)* и по бокамъ двумя волоковыми *(с)*. Она нагрѣвается глиняной „битой“ печкой, устроенной слѣдующимъ образомъ: на клѣтку, состоящую изъ четырехъ брусковъ, настланы доски—„плахи“, такія же доски укрѣплены и по бокамъ (съ 4-хъ сторонъ, въ видѣ плоскаго ящика), затѣмъ на дно такого ящика насыпали небольшой слой песку. Выше клали половинку толстаго бревна (боровъ), которое давало объемъ внутренности печи; на боровъ и въ бока клали глину и утрамбовывали ее, отчего и самая печь получила названіе „битой“. По изготовленіи такой печи и по просушкѣ ея, боровъ вынимался. Чтобы пламя во время топки не направлялось въ потолокъ, надъ отверстіемъ печи (хайломъ) придѣлывался „кожухъ“, имѣющій видъ четверти сферической поверхности, полая часть которой обращена внизъ; иногда такой „кожухъ“ замѣнялся горизонтальной плитой. Около хайла находилась печурка, въ которой разжигали уголь во время большихъ холодовъ. Къ печкѣ обыкновенно примыкала лѣсенка (черт. 17-й, *д*) *) для схода въ „голубецъ“ (кладовую для провизіи), отдѣленная легкой, невысокой перегородкой, не доходившей до потолка. Полъ „мостили на кладяхъ“ (прогонахъ) половыми досками „въ причертъ съ вытесомъ“, т. е. одна доска находила на другую, черезъ посредство вынутыхъ въ краяхъ четвертей.

---

*) На черт. 17 показанъ планъ втораго этажа избы.

Потолокъ состоялъ изъ „матицъ“ (балокъ), на которыя накатывали „круглякъ“ или клали „плахи“. Около печки во внутренней стѣнѣ, на высотѣ 2-хъ арш. отъ пола, дѣлалось отверстіе въ деревянную трубу *(ж)* — „дымницу“ или „дымникъ“, черезъ которую и вытягивался скопившійся въ избѣ дымъ. Въ стѣны вдѣлывались 2 или 3 шеста для устройства колыбелей и хозяйственныхъ приспособленій. Затѣмъ, вдоль стѣнъ ставили лавки, а на высотѣ $2^1/_2$ арш. полати. Подъ избой находилось подполье (подклѣть или, какъ значится въ древнихъ лѣтописяхъ, порубь), служившее иногда жильемъ. Часть подполья отводилась для кладовой (голубецъ), а остальное пространство, освѣщаемое „просвѣтцами“, въ родѣ волоковыхъ оконъ, назначалось для куръ, гусей и т. п. Клѣть (черт. 17, *к*) или горница, называемая иногда „боковушей“ освѣщалась краснымъ окномъ и имѣла маленькое отдѣленьице *(л)* для домашняго скарба. Помѣщеніе подъ горницей (подклѣть) раздѣлялось на стайку (для мелкаго скота) и кладовую (мшаникъ). Пространство между избой и клѣтью, забранное въ столбы, носило названіе сѣней (черт. 17-й, *н*) въ нихъ находилась полка для образовъ и лѣсенка на вышку „въ теремъ“, устроенный въ фронтонѣ. Изъ сѣней выходили на крыльцо *(м)*, всегда украшенное рѣзьбою, и затѣмъ спускались на улицу. Подъ сѣнями было „подсѣнье“, въ которомъ съ одной стороны были ворота на улицу, а съ остальныхъ— двери въ „стайки“ и въ другой „подсѣнникъ“ или „большія стап“. Задняя часть строенія, называемая дворищемъ, устраивалась безъ потолка. Во второмъ этажѣ дворища находился главный сѣнникъ, гдѣ хранилось сѣно, телѣги, сбруи и другія хозяйственныя принадлежности. Изъ него вела лѣсенка въ подсѣнникъ, гдѣ обыкновенно стояли лошади. Рядомъ съ большимъ сѣнникомъ былъ другой, малый сѣнникъ *р*, часть котораго „задцы“ или „придѣльцы“ *(ш, ъ)* предназначалась для необходимыхъ предметовъ домашняго обихода. Въ немъ хранился кормъ скота, въ лѣтнее же время устраивали кровати для спанья. Съ улицы въ сѣнникъ поднимается „взъѣздъ“ (черт. 17-й, *и*), сдѣланный изъ сплошныхъ кругляковъ или изъ обтесанныхъ бревенъ. Подъ придѣльцами и ма-

лымъ сѣнникомъ были „коровники“ и маленькія „стайки“. Все строеніе, кромѣ „взъѣзда“ и наружной лѣстницы, покрывалось двухскатной крышей съ фронтонами; или, какъ въ разсматриваемой нами избѣ (табл. VII-я) — крышей на три ската, причемъ съ главнаго фасада такая покрышка называлась „палатной“.

Конструкція наружнаго покрытія избъ дѣлалась слѣдующимъ образомъ: на приготовленный срубъ ставили стропильныя ноги *а*, „быки“, нижніе концы которыхъ врубали въ „подкуретники“ *б* (послѣдній вѣнецъ строенія), а верхніе какъ бы схватывали „князевую слегу“ *в* (подконьковый брусъ). На быки горизонтально наколачивались „лотоки“ *с* (обрѣшетины), затѣмъ къ лотокамъ прикрѣпляли „курицы“ *д*, поддерживающія въ свою очередь „водотечникъ“ *н*. Остовъ крыши покрывался „подскальникомъ“ (тесомъ), называемымъ такъ потому, что его иногда, во избѣжаніе течи, обкладывали берестою (скалою), поверхъ которой набивался второй рядъ теса „съ обломами“. На ребро крыши налегало толстое бревно *м* „охлупень“, конецъ котораго въ церковныхъ постройкахъ закрывался прорѣзной доскою съ крестомъ, а въ избахъ онъ обрабатывался въ видѣ коня, птицы, а иногда какимъ нибудь архитектурнымъ украшеніемъ. То же богатство обдѣлки корневыхъ концовъ замѣчается въ „курицѣ“ и „водотечникѣ“ *н* и *д*. Для того, чтобы доски или такъ сказать одежду крыши не сносило вѣтромъ, на крышу клали бревна или „гнеты“ *ч*, концы которыхъ схватывались толстою доской „отнивомъ“ *о*, всегда съ обрѣзнымъ контуромъ. На лотоки *с* или на концы *фф* (слеги или подтечины), выходящіе изъ-за фронтона, набивались „причелины“ *к* и „вѣтреница“ (средняя доска подъ фронтономъ), иногда же стропильныя слеги *фф* своими корнями поддерживали маленькіе гнеты *л*. Противъ средины фронтона выходилъ рядъ выпускныхъ бревенъ *п* въ видѣ кронштейновъ, называемыхъ „повалами“, на которые ставили балконъ. Бревна самаго фронтона *р* назывались „самцами“.

Разсмотрѣвъ характерныя особенности церковныхъ и гражданскихъ построекъ, замѣтимъ, что въ этомъ краѣ — „лѣсной землѣ“, какъ называли его южные князья, главнымъ строи-

тельнымъ матерьяломъ было дерево (древнихъ каменныхъ церквей почти не встрѣчается), что объясняется обиліемъ лѣса и удобствомъ его доставки. Обычное обращеніе мѣстныхъ строителей съ обработкой дерева и указываетъ намъ на ту скорость, съ которой воздвигались старинные храмы; нерѣдко, напр., большая „обыденная“ церковь „рубилась“ и „наряжалась“ въ одинъ день. Этому успѣху способствовало и то обстоятельство, что кирпичное производство, не только здѣсь, но вообще въ Россіи, до Аристотеля Фіоравенти было въ самомъ младенческомъ состояніи. Даже послѣ него, вѣроятно въ силу укоренившихся привычекъ народа къ деревяннымъ постройкамъ, оно не получало гражданства до прихода въ Россію голландскихъ мастеровъ. Нельзя не замѣтить, что даже въ XVII стол. наши князья не особенно жаловали каменныя постройки и больше любили жить въ деревянныхъ хоромахъ. Такое предпочтеніе, конечно, дало возможность, особенно въ лѣсныхъ губерніяхъ, развить плотничное искусство отъ самыхъ первобытныхъ его пріемовъ до созданія художественныхъ произведеній. Притомъ, судя по памятникамъ, деревянная архитектура не брала себѣ чуждыхъ ей формъ, какъ случалось это въ каменныхъ постройкахъ. Оставаясь всегда вѣрной самой себѣ, она шла впередъ на своихъ раціональныхъ началахъ, своими народными силами. Прекрасно освоившись со своимъ дѣломъ, плотничные мастера давали полный просторъ своему воображенію: соборъ въ Новгородѣ (XII ст.) былъ построенъ о „тринадцати верхахъ“, церковь Успенія Бож. Мат. въ г. Устюгѣ — о „двадцати стѣнахъ“; кромѣ того, лѣтописи упоминаютъ объ огромныхъ городскихъ стѣнахъ, башняхъ, хоромахъ и различныхъ общественныхъ зданіяхъ.

Рѣзное дѣло также въ силу извѣстныхъ благопріятныхъ условій дошло до прекрасныхъ образцовъ. Мы видимъ массу церковныхъ предметовъ (напр. царскія двери, кіоты, подсвѣчники и т. п.), исполненныхъ съ замѣчательной художественностію и любовью. Такое производство, видимо, не составляло роскоши, а представлялось духовною потребностью всего народа, иначе чѣмъ бы можно объяснить тѣ факты, что въ какой-нибудь деревянной сельской церкви мы находимъ по

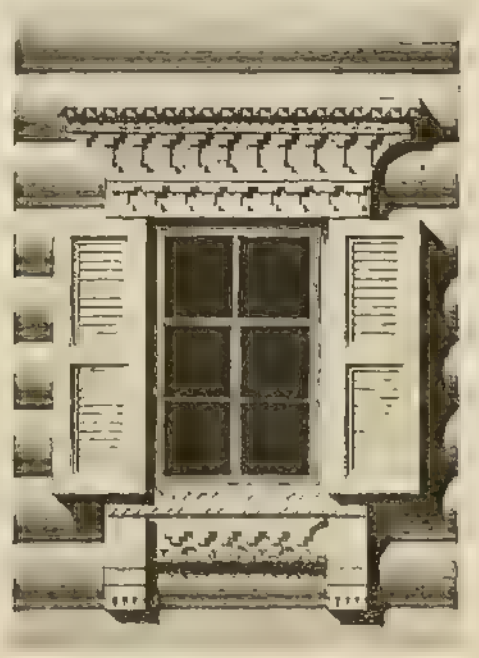


Табл. VI.

Фототипія Евг. Гоффереръ. С.-Петербургъ. Мѣщанская 19.

двое царскихъ вратъ замѣчательно тонкой работы *), различные подсвѣчники и др. церковные предметы.

Въ наружныхъ и вообще въ болѣе крупныхъ украшеніяхъ мы видимъ по преимуществу всевозможныя сочетанія геометрическихъ формъ (зубчиковъ, желобковъ, городковъ, кругляковъ и т. п.), комбинирующихся иногда довольно въ сложные орнаменты. Подобная рѣзьба всегда удавалась русскому мастеру и по всему сѣверному краю можно встрѣтить всевозможные предметы бытовой жизни (прялки, вальки, ящики и т. п.) самой чистой и красивой работы. Нѣмецкая же „фигурная“ рѣзьба стиля возрожденія, занесенная къ намъ при Алексѣѣ Михайловичѣ, здѣсь почти не прививалась (за исключеніемъ развѣ большихъ городовъ), такъ какъ наши плотничные старосты, вопервыхъ, не умѣли хорошо „знаменить“ (рисовать), а вовторыхъ, прямо не понимали этого стиля. Такъ что нѣмецкая орнаментика, если и появлялась на Сѣверѣ, то въ рабскихъ копіяхъ съ печатныхъ листовъ **). Такимъ образомъ здѣсь велось собственно народное мастерство и, развиваясь собственными силами, дошло до насъ въ весьма самобытныхъ и нерѣдко изящныхъ образцахъ русскаго зодчества.

Искусство, какъ одна изъ важныхъ духовныхъ формъ народной жизни, служитъ намъ къ уясненію быта, нравовъ, обычаевъ и вообще всего того, что пережилъ русскій человѣкъ. Если въ настоящее время среди нашего общества явилось сознаніе цѣлесообразности продолжать родное искусство, то разностороннее изученіе его зарожденія, его жизни въ связи съ жизнью народа укажетъ намъ его законы и опредѣлитъ болѣе твердую почву для правильнаго возрожденія его. Изученіе это уже пошло большими шагами, и только, къ сожалѣнію, Двина и Поморье у насъ еще мало изслѣдованы; между тѣмъ, по выраженію нашего извѣстнаго археографа Строева, „въ этой классической сторонѣ русскаго народа“ лежатъ еще нетронутыми огромные матеріалы для полнаго изученія историческаго уклада

*) Въ селѣ Посадномъ, Архангельской губ., Онежскаго уѣзда.

**) Мотивы травчатыхъ орнаментовъ чаще всего заимствовались изъ иконописи.

русской жизни. Наконецъ изученіе здѣсь древняго деревяннаго зодчества, укажетъ намъ болѣе вѣрный путь къ пониманію сохранившихся образцовъ каменной архитектуры и тѣмъ заставитъ внести въ современное искусство изъ старинныхъ формъ элементы, наиболѣе подходящіе къ духу народа, преданіямъ и практическимъ потребностямъ. Откладывать изслѣдованіе памятниковъ нашего далекаго Сѣвера даже преступно: время, неумолимый сокрушитель, виситъ Дамокловымъ мечемъ надъ нѣмыми свидѣтелями глубокой старины, и уже близка пора, когда они безслѣдно исчезнутъ съ лица Русской земли и навсегда сокроются отъ лѣтописей и преданій народной жизни.

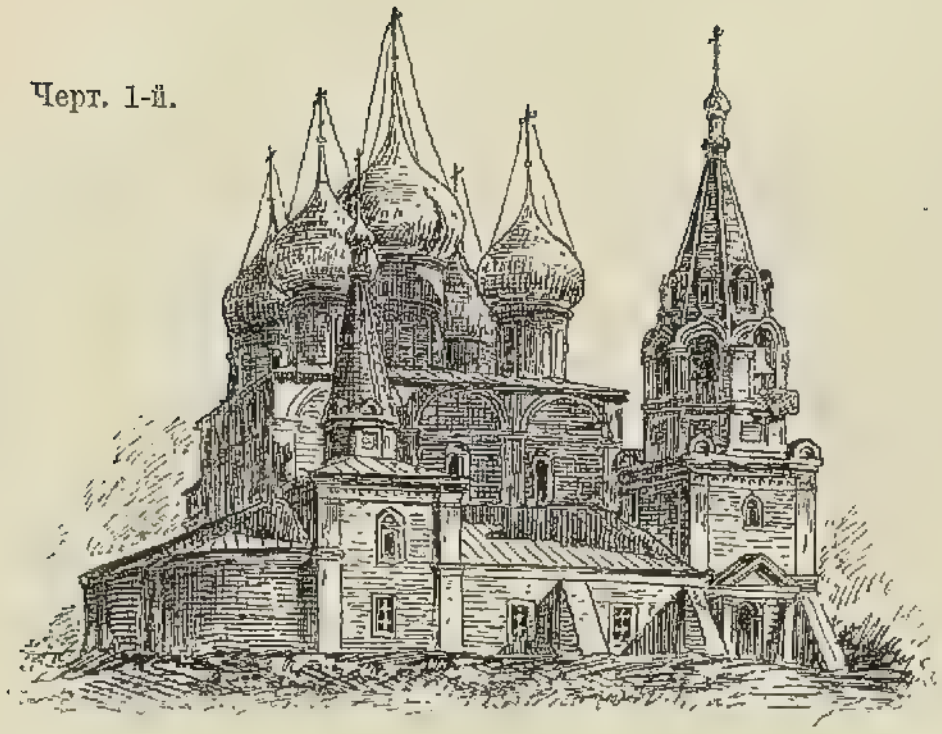
Примѣчаніе. Статья эта съ нѣкоторыми добавленіями перепечатана изъ трудовъ VI-го археологическаго съѣзда въ г. Одессѣ и касается моего перваго путешествія по Вологодской и Архангельской губерніямъ. Вторая поѣздка по изслѣдованію древнихъ деревянныхъ построекъ на Поморьѣ и въ Олонецкой губерніи описана въ сочиненіи «Путевыя замѣтки о Сѣверѣ Россіи и Норвегіи», изданіе Императорской Академіи Художествъ за 1888 г.

ДРЕВНІЕ СОБОРЫ

ВЪ ГОРОДѢ

РОМАНОВѢ-БОРИСОГЛѢБСКѢ.

Черт. 1-й.



Среди памятниковъ русскаго зодчества XVII ст. особенное вниманіе обращаютъ на себя церковныя постройки въ г. Романовѣ-Борисоглѣбскѣ, Ярославской губерніи. Городъ этотъ чрезвычайно живописно раскинутъ по обоимъ берегамъ р. Волги, въ 36-ти верстахъ отъ г. Ярославля. На ~~лѣвомъ~~ правом берегу находится Борисоглѣбская сторона, — въ древности Ловецкая слобода, а на ~~правомъ~~ лѣвом Романовская, — бывшій самостоятельный городъ Романовъ *). При Екатеринѣ II-й слобода названа городомъ, а при Александрѣ I-мъ она соединена въ одинъ городъ съ Романовымъ.

Вслѣдствіе разныхъ неурядицъ, которыя претерпѣвалъ г. Романовъ и Борисоглѣбская слобода, лѣтописей или какихъ-либо указаній о первоначальныхъ постройкахъ не сохрани-

---

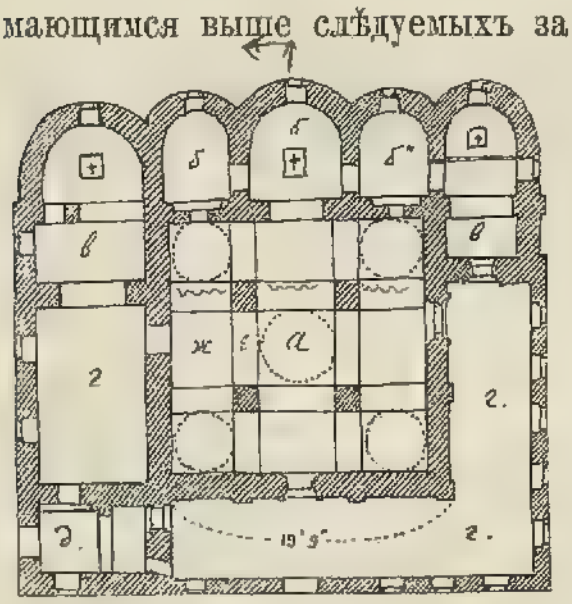
*) Первыя свѣдѣнія объ основаніи г. Романова находятся въ родословной книгѣ Ѳеодора Ростиславича Чернаго («Ист. Рос. Гос.», Кар.), откуда видно, что этотъ городъ былъ «поставленъ» кн. Романомъ, сыномъ Василія Грозныя очи. Въ сочиненіи же г. Кисселя находимъ, что Романъ Васильевичъ только возстановилъ гор. Романовъ, а основанъ онъ Угличкимъ княземъ Романомъ Владиміровичемъ, что якобы подтверждается Серебренниковскими и Супоневскими лѣтописями.

Оставляя этотъ вопросъ открытымъ, мы упомянемъ о болѣе опредѣленныхъ историческихъ указаніяхъ. Въ XV стол. жена Василія Васильевича Темнаго, Марія, купила городъ Романовъ съ его окрестностями и отдала сыну Андрею Большому, но братъ его, великій князь Іоаннъ III, убилъ Андрея и владѣнія его присоединилъ къ Москвѣ. Въ 1563 г. городъ Романовъ поступилъ во владѣніе къ двоюродному брату Грознаго, Владиміру Андреевичу,

лось. Существуетъ однако преданіе, что первоначальный соборъ въ г. Романовѣ былъ деревянный и стоялъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится приходская Воскресенская церковь.

Нынѣ существующій Крестовоздвиженскій каменный соборъ на Романовской сторонѣ стоитъ, по преданію, на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ основанъ городъ, что отчасти подтверждается существующимъ до сихъ поръ высокимъ валомъ, окружающимъ соборъ со всѣхъ сторонъ и имѣвшимъ когда-то значеніе укрѣпленія.

О времени построенія собора точныхъ свѣдѣній нѣтъ и хотя по лѣтописямъ значится, что на построеніе Крестовоздвиженскаго собора Алексѣй Михайловичъ пожертвовалъ 100 рублей, но это едва-ли вѣроятно, такъ какъ, судя по основнымъ формамъ плана и фасада, по подпружнымъ аркамъ *(ее)*, поднимающимся выше слѣдуемыхъ за ними сводовъ *(жж)*, по мѣстнымъ преданіямъ и по историческимъ указаніямъ Кисселя, постройку его слѣдуетъ отнести къ болѣе раннему періоду, т. е. не позднѣе какъ къ XVI ст. Пожертвованіе же вѣроятно относилось не къ постройкѣ самаго храма, а къ пристройкамъ придѣловъ *вв*, галлереи *гг* и колокольни *д*, стиль которыхъ, кромѣ галлереи, передѣланной въ недавнее время, принадлежитъ дѣйствительно Романовской эпохѣ (черт. 1-й, 2-й и 3-й). Храмъ имѣетъ троечастное дѣленіе,



Черт. 2-й.

но онъ вскорѣ былъ отравленъ и городъ снова присоединенъ къ Москвѣ, а черезъ нѣкоторое время былъ пожалованъ во владѣніе князьямъ Ногайскимъ—Магометамъ.

Послѣдніе, стремясь къ самостоятельности при Шуйскомъ, измѣнили Москвѣ и городъ Романовъ, послѣ всевозможныхъ неурядицъ и разгромовъ, представлялъ собой лишь жалкіе остатки когда-то цвѣтущаго Поволжскаго селенія.

Съ 1699 г. городъ съ уѣздомъ принадлежалъ приказу большаго двора, а съ 1708 г. причисленъ къ Ингерманландской губ. и къ Пошехонской провинціи. Затѣмъ онъ былъ приписанъ къ Ярославлю, Московской губ., и, наконецъ, въ 1796 г. сдѣланъ уѣзднымъ городомъ Ярославской губ. Изстари

съ пятью правильно расположенными куполами, и съ восточной стороны заканчивается тройною абсидою. Судя по плану, фасаду и пропорціямъ собора, прототипомъ его служилъ общій мотивъ Владиміро-Суздальскихъ церквей.

Покрытіе собора нынѣ состоитъ изъ четырехскатной крыши, между тѣмъ, въ древности оно очевидно состояло изъ ряда полукруглыхъ крышечекъ, отвѣчающихъ каждому дѣленію фасадовъ. Луковичныя главы собора видимо передѣланы въ XVII ст., причемъ барабанъ средней главы приподнятъ противъ прежней его высоты на высоту *c*. Иконостасъ главнаго храма помѣщается передъ малыми восточными куполами и это, въ ряду другихъ особенностей, подтверждаетъ, что постройка собора относится по крайней мѣрѣ къ XVI вѣку, ибо въ XVII ст. иконостасы почти исключительно ставились передъ среднимъ главнымъ куполомъ, такъ что малые купола приходились въ алтарномъ помѣщеніи. Внѣшнія формы храма украшены довольно просто, и не лишены красивыхъ пропорцій. Внутренность храма украшена фреско-

Черт. 3-й.

онъ управлялся воеводами; населеніе его исключительно торговое и жители до сихъ поръ придерживаются раскола, посѣяннаго здѣшнимъ уроженцемъ, исправщикомъ Лазаремъ.

Относительно гор. Борисоглѣбска можно сказать, что онъ съ незапамятныхъ временъ былъ дворцовой Ловецкой слободой и всегда принадлежалъ Ярославскому княжеству. Крестьяне этой слободы обязаны были ловить опредѣленное количество рыбы для великихъ князей и царей московскихъ, и за то пользовались особыми привиллегіями, т. е. подлежали только царскому суду, освобождались отъ податей, городоваго дѣла, ямской гоньбы и пр. Слобода эта также съ древнѣйшихъ временъ славилась котельщиками, и мастерство ихъ было извѣстно не только въ Россіи, но и за границею. Есть, напр., указанія что борисоглѣбскіе мастера вызывались на работу въ Персію. Отъ занятій этимъ мастерствомъ произошли и сохраняются понынѣ нѣкоторыя фамиліи, — напр. Котлованновы.

вой живописью, писанной по преданію византійскими мастерами.

Кромѣ собора, на Романовской сторонѣ находятся довольно интересныя церковныя постройки XVII ст., но всѣ онѣ не составляютъ большихъ особенностей, а потому остановимся на одномъ, весьма интересномъ памятникѣ — Воскресенскомъ соборѣ, на Борисоглѣбской сторонѣ.

Относительно первоначальнаго храма на мѣстѣ собора существуетъ указаніе, что при Іоаннѣ Грозномъ здѣсь была двухъэтажная деревянная церковь во имя св. Бориса и Глѣба— „брусчатая, съ пятью куполами“ *).

О размѣрахъ этой церкви можно судить по мѣстному преданію, которое говоритъ, что находящаяся въ существующемъ нынѣ соборѣ икона Спасителя, высотою до 4 арш. и шириною до 3 арш., помѣщалась горизонтально въ куполѣ средней главы, но всѣ эти указанія документально не подтверждаются. Существующій въ настоящее время Борисоглѣбскій Воскресенскій соборъ представляется однимъ изъ самыхъ интересныхъ храмовъ не только города Романова-Борисоглѣбска, но и вообще всего русскаго зодчества. Въ немъ чрезвычайно удачно вылился полный и величественный типъ нашихъ церковныхъ построекъ XVII ст. Стиль его, какъ и всѣхъ подобныхъ памятниковъ этой эпохи, за малымъ исключеніемъ, представляетъ ту особенность, что въ немъ сложились элементы по преимуществу чисто народной архитектуры. Галлереи, придѣлы, крыльца, своеобразная декорація фасадовъ, все это, не появлявшееся въ нашихъ каменныхъ храмахъ до XVI ст., наконецъ приняло повсемѣстный и общій характеръ съ древними деревянными постройками Сѣверной Россіи.

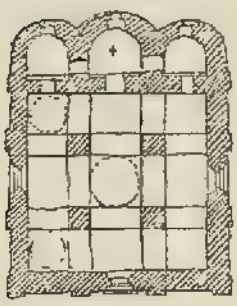
Чтобы полнѣе выяснить нѣкоторыя художественныя и конструктивныя особенности Борисоглѣбскаго собора, мы въ краткихъ словахъ очертимъ различные типы церковныхъ построекъ, выработанныхъ у насъ въ XVI и XVII ст.

Общій мотивъ плана русскихъ церквей, установившійся до

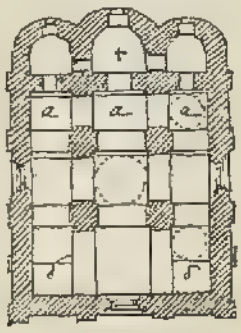
*) На мѣстѣ ея, вблизи существующаго понынѣ собора, стоитъ надпрестольный памятникъ.

XVI ст., состоялъ или изъ квадратнаго помѣщенія (черт. 4-й; во Владиміро-Суздальской области) или изъ продолговатаго (черт. 5-й, въ Московскомъ краѣ). Въ первомъ случаѣ храмы разбивались со всѣхъ сторонъ троечастно, а во второмъ—(сѣверные и южные фасады)—четырехчастно. Внутреннее помѣщеніе всегда раздѣлялось четырьмя столбами и съ восточной стороны оканчивалось тройною абсидою. Этотъ пріемъ плана хотя удерживается и въ XVII ст., но съ развитіемъ строительной техники, зодчіе, желая сдѣлать самую церковь болѣе открытою, откидываютъ сначала два столба—и тогда главный куполъ помѣщаютъ между оставшимися столбами, какъ напр. въ церкви св. Троицы (черт. 6-й и 7-й) въ г. Костромѣ и въ церкви села Пурехъ (черт. 8-й), Нижегородской губерніи. Затѣмъ видоизмѣняютъ этотъ мотивъ и

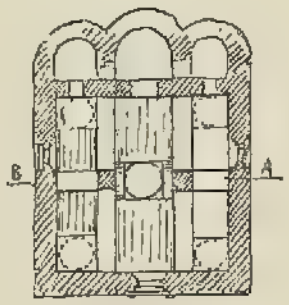
Черт. 7-й.



Черт. 4-й.



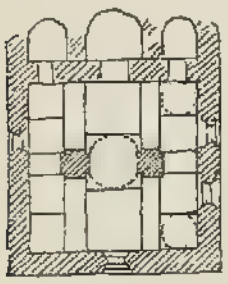
Черт. 5-й.



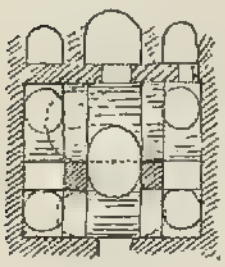
Черт. 6-й.

куполъ постепенно выводятъ изъ столбовъ (черт. 9-й, Архангельскій Никольскій монастырь). Далѣе подвигая куполъ къ востоку, часть его груза переводили черезъ подпружныя арки на столбы, а остальной грузъ сосредоточивали уже на сводѣ, какъ напр. въ церкви села Маркова, Московской губерніи (черт. 10-й). Наконецъ совсѣмъ уничтожаютъ оставшіеся столбы и барабанъ ставятъ прямо на сводѣ между четырьмя подпружинами (двѣ изъ нихъ продольныя во весь сводъ, а двѣ поперечныя между ними). Это мы видимъ въ церкви Воскресенія Христова въ гор. Ростовѣ (черт. 11-й). Такимъ образомъ, постепенно освобождаясь отъ внутреннихъ столбовъ, въ церквахъ рождается и входитъ въ

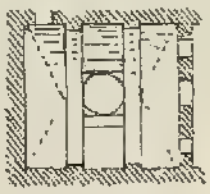
большое употребленіе еще другой способъ сводчатыхъ покрытій; все пространство храма покрывается однимъ сомкнутымъ сводомъ съ четырьмя перпендикулярно пересѣкающимися арками. Въ центрѣ такого свода ставился барабанъ, причемъ среднія части арокъ получали значеніе подпружинъ (черт. 12—13, соборъ въ Сольвычегодскомъ монастырѣ). Вѣроятно изъ этого же мотива вытекало и такое устройство свода, какъ показано на черт. 14 и 15 (напр. въ церкви Іоанна Богослова въ г. Ростовѣ-Ярославскомъ), гдѣ разница являлась только въ томъ, что среднія части свода *ааа* (черт. 12 и 13) вынуты и замѣнены плоскими распалубками *ббб* (черт. 14 и 15). Такой мотивъ сводчатыхъ покрытій практиковался большею частію въ малыхъ церквахъ



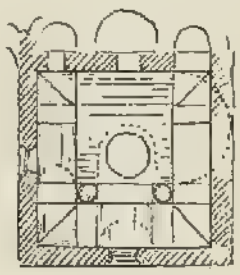
Черт. 8-й.



Черт. 9-й.



Черт. 11-й.

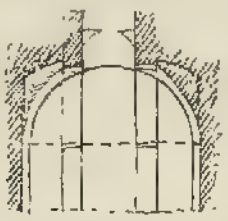


Черт. 10-й.

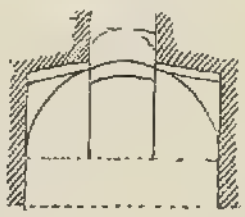
и встрѣчается въ памятникахъ русскаго зодчества XVI ст., хотя происхожденіе его по извѣстнымъ даннымъ слѣдуетъ отнести къ болѣе раннему періоду. Разсмотрѣнныя устройства сводовъ были конечно какъ пробы и примѣнялись въ зависимости отъ величины построекъ и другихъ потребностей. Въ большихъ же церквахъ своды по преимуществу устраивались на четырехъ столбахъ. Что касается общаго характера каменныхъ храмовъ XVII ст., то почти всѣ они состояли (черт. 16-й): 1) изъ главнаго квадратнаго или прямоугольнаго помѣщенія *А*; 2) трехъ-абсиднаго алтаря *в*; 3) одного или двухъ придѣловъ *бб*, съ сѣверной и южной сторонъ, оканчивающихся полукруглыми абсидами и соединяющихся съ главною абсидою; 4) галлереи *с* или паперти, обходящей церковь съ трехъ сторонъ *) и 5) одного, двухъ или трехъ

*) Мотивъ обработки галлерей и папертей въ каменныхъ храмахъ почти одинаковый съ нищевниками и трапезными сѣверныхъ древнихъ деревянныхъ церквей.

крылецъ *д*, *д*, *д*. Относительно внѣшнихъ формъ храмовъ XVII стол., можно сказать что въ общихъ чертахъ они имѣли такіе мотивы: главное помѣщеніе церкви при четырехъ столбахъ большею частію увѣнчивалось 5-ю куполами, а при сомкнутыхъ сводахъ однимъ куполомъ (но иногда и пятью). Кромѣ того, церкви покрывались иногда однимъ высокимъ шатромъ. Алтари замыкались полусферическими сводами и перекрывались плоскими крышами, на которыхъ иногда ставились глухія главки (бочечныя формы, встрѣчающіяся надъ алтарями древнихъ деревянныхъ церквей, въ каменныхъ храмахъ почему-то совсѣмъ не замѣчаются). Придѣлы завершались большею частію плоскими крышами (двухскатными и трех-

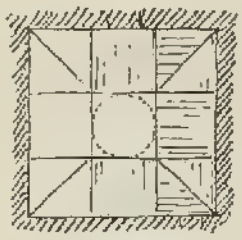


Черт. 13-й.



Черт. 15-й.

Черт. 12-й.

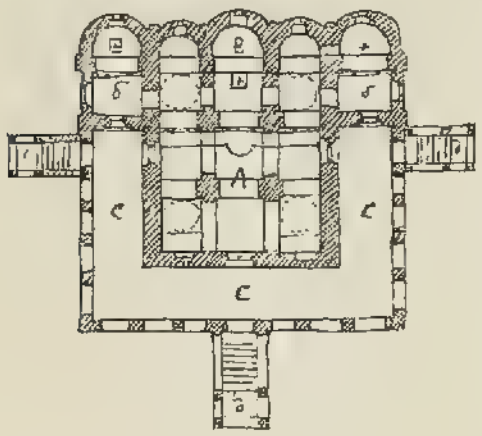


Черт. 14-й.

скатными) съ главками, а иногда шатровыми „верхами“. Случалось, что главное помѣщеніе и придѣлы были пятиглавыя, напр. въ Толчековской церкви въ гор. Ярославлѣ 15 главъ. Вся церковь ставилась иногда на высокихъ подвалахъ (подклѣтяхъ), нерѣдко занятыхъ зимнею церковью. Крыльца или входы въ большинствѣ случаевъ дѣлались съ трехъ сторонъ противъ среднихъ входовъ въ самую церковь. Форма ихъ и детальныя украшенія вполнѣ тождественны съ древними деревянными церковными крыльцами.

Зная такимъ образомъ общій мотивъ церковныхъ построекъ XVII ст., мы разсмотримъ планы, фасады, конструкцію и де-

тали Воскресенскаго Борисоглѣбскаго собора, а затѣмъ отмѣтимъ его особенности. Храмъ этотъ (двухъ-этажный) построенъ въ разные періоды времени, причемъ нижній этажъ болѣе древній и имѣлъ значеніе самостоятельнаго храма. Объ этой первоначальной каменной церкви, бывшей въ одинъ этажъ безъ галлереи, имѣется указаніе въ надписи, находящейся въ стѣнахъ этой же церкви. Изъ надписи видно, что она была освящена въ 1652 г., хотя мѣстные жители не безъ основанія относятъ постройку ея ко времени Іоанна III. О формѣ первоначальнаго храма можно отчасти судить по грамотѣ митрополита Іоны, данной въ 1670 г. на надстройку втораго этажа Воскресенскаго собора, гдѣ между прочимъ говорится слѣдующее:

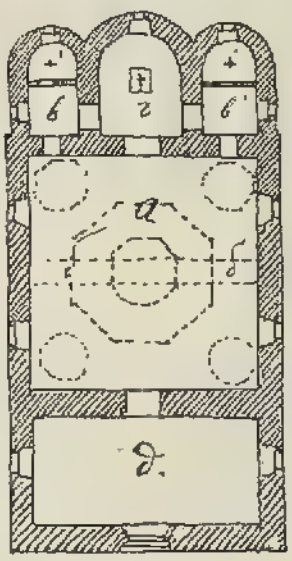


Черт. 16-й.

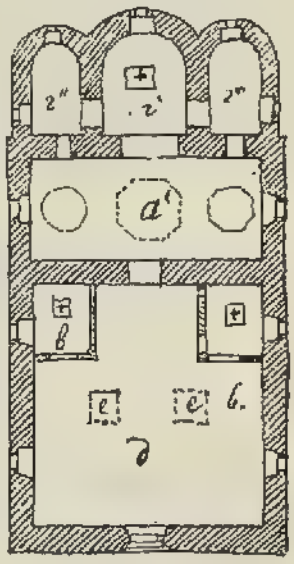
„По благословенію преосвященнаго . . . . били намъ челомъ земской староста Микита Малодушкинъ съ товарищи, да мірскіе люди Захаръ Кузьминъ сынъ Котлованов (по преданію строители), Корнилъ да Матѳей Ѳедоровы дѣти Седуновы и вся Борисоглѣбстіи слободы крестьяне чтобъ намъ и пожаловать благословить церковь Божію во имя Пресвятыя Богородицы Одигитрія и великаго пророка Іоанна Предтечи и св. благовѣрныхъ князей обоихъ братовъ Борпса и Глѣба, нареченныхъ во св. крещеніи Романа и Давида. *Шатры разобрать до полуцеркви и изнова съ уступомъ отъ алтарей построить церковь Божію на сводахъ во имя Воскресенія Христа Бога нашего холодную, а въ исподи что уступится въ той бы прежней церкви трапеза,—а по прежнему нашему благословенію кирпичи й известь у нихъ въ припасѣ есть, а нынѣшняя де церковь Божія отъ тягости шатровые верхи разсѣлись во многихъ мѣстахъ;*“ —далѣе: *и въ прежней церкви, что построятъ трапезу теплую съ придѣлы*“.

Такое неясное показаніе не даетъ возможности съ достовѣрностью представить бывшую структуру храма, и можно сдѣлать только два предположенія: т. е., что квадратное помѣ-

щеніе церкви *а* увѣнчивалось 5-ю шатрами, какъ напр. нѣкогда существовавшій придѣлъ Сольвычегодскаго собора *). При этомъ трапеза *д* была продолговатая, а два придѣла, о которыхъ упоминается въ лѣтописи, занимали два алтарныхъ полукружія *в*, *в'* (черт. 17). Второе предположеніе, и болѣе вѣроятное, это то, что помѣщеніе *д* считалось трапезной, въ которой и находилось два придѣла *в*, *в* (черт. 18). Церковь же представляла собою продолговатое пространство *а'*, покрытое сомкнутымъ сводомъ и увѣнчанное съ фасада тремя шатровыми главами или „верхами". Типъ такихъ каменныхъ церквей встрѣчается еще въ XVI стол. (напр. трапезная церковь въ Соловецкомъ монастырѣ, судя по древнему рисунку, была именно такого устройства). Пріемъ этотъ попадается и въ древнихъ деревянныхъ церквахъ.



Черт. 17-й.



Черт. 18-й.

На черт. 19 и 20 представлены планы 1-го и 2-го этажей, существующаго въ настоящее время, Борисоглѣбскаго собора. Общіе размѣры его слѣдующіе: ширина главной церкви 8 саж., а длина отъ сѣвера къ югу—12 саж.; ширина галлереи 7 арш.; длина нижней церкви съ абсидой 19,5° саж., наибольшая длина 25° саж.; высота нижней церкви 7 арш., — верхней церкви до сводовъ 19 арш., а до главнаго купола 34 арш.; вся высота церкви доходитъ до 23 саж.

Разсматривая первый этажъ собора, заключаемъ по грамотѣ, что помѣщеніе *а* называлось трапезной; въ ней находятся два столба, приходящіеся подъ пилонами *в*, *в* втораго этажа **). Изъ трапезной ведутъ въ самую церковь три входа, изъ кото-

*) *б* нынѣ существующая стѣна.

**) Столбы въ трапезной сдѣланы очевидно въ то время, когда надстраивали второй этажъ.

рыхъ два боковые, бывшіе вѣроятно окнами (какъ въ деревянныхъ церквахъ) давали возможность молящимся въ трапезной, слѣдить за отправленіемъ богослуженія. Трапезная и церковь покрыты коробовыми сводами съ распалубками. Сѣверная и южная двери, выходящія въ галлереи, вѣроятно были сдѣланы одновременно съ надстройкой втораго этажа храма.

Съ восточной стороны нижняго этажа церкви примыкаютъ три глубокія абсиды; въ средней изъ нихъ помѣщается главный алтарь, а въ боковыхъ — небольшіе придѣльцы. Церковь съ трехъ сторонъ опоясана галлереей съ широкими аркамп.

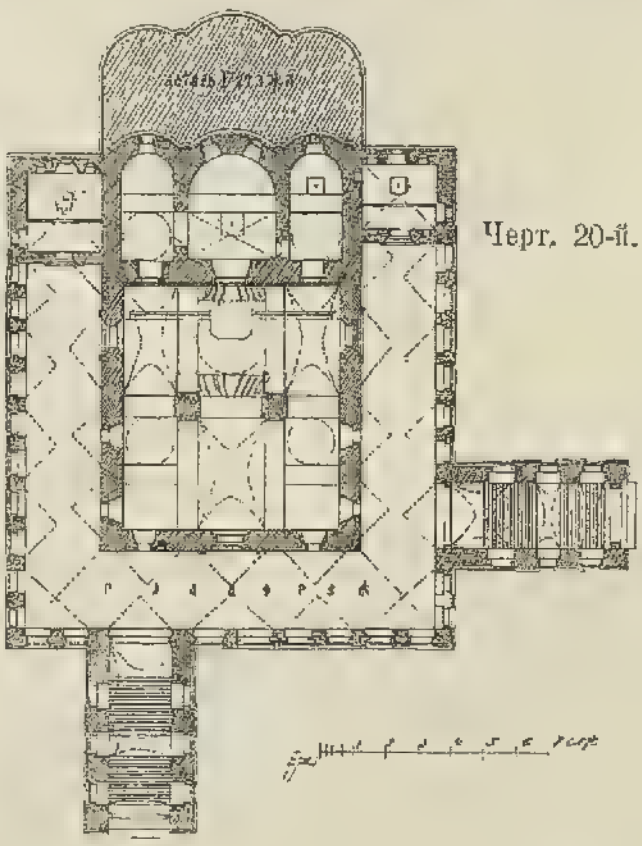
Черт. 19.

Во второмъ этажѣ, самая церковь представляетъ собою квадратное помѣщеніе съ двумя столбами, причемъ сводчатое покрытіе является здѣсь довольно смѣлымъ и оригинальнымъ; главный куполъ съ сѣверной и южной сторонъ покоится на подпружпахъ, перекинутыхъ со столбовъ на восточную стѣну, а съ другихъ сторонъ лежитъ на поперечныхъ полубочарныхъ сводикахъ, устроенныхъ между подпружными арками.

Западные барабаны, также какъ и средній, полые, съ окнами, и покоятся на коробовыхъ сводахъ, имѣющихъ особыя арочки, приходящіяся подъ западными частями барабановъ; восточныя шейки главъ выходятъ въ боковые алтари и покоятся на стѣнахъ и вспомогательныхъ арочкахъ. Конечно, если-бы квадратное помѣщеніе церкви раздѣлялось четырьмя столбами, то устройство сводовъ значительно-бы упростилось; но тутъ, видимо, было желаніе по возможности не стѣснять (при старыхъ нижнихъ стѣнахъ) верхнее помѣщеніе церкви и сдѣлать болѣе грандіозное впечатлѣніе внутренностью. И такъ какъ устройство одного общаго свода съ большими куполами являлось

дѣломъ рискованымъ, то строители прибѣгнули къ устройству двухъ пилоновъ и къ вспомогательнымъ сводикамъ и арочкамъ.

Особеннаго вниманія въ смѣлости постройки 2-го этажа (скомбинированнаго въ малой зависимости отъ нижняго) заслуживаетъ то обстоятельство, что весь грузъ поперечныхъ стѣнъ средней абсиды и восточной наружной стѣны, лежащей на абсидныхъ аркахъ, цѣликомъ переходитъ на коробовой сводъ нижняго этажа самой церкви (черт. 21-й); мало того, алтарныя полукружія верхней церкви только частью лежатъ на нижней стѣнѣ, отдѣляющей церковь отъ алтаря и придѣловъ. Такая смѣлая конструкція, устойчивость которой и теперь, по истеченіи болѣе двухъ вѣковъ, нисколько не нарушилась, даетъ намъ полное право заключить не только о большихъ познаніяхъ въ техникѣ прежнихъ строителей, но и о замѣчательныхъ качествахъ употребленнаго на постройку матеріала.



Черт. 20-й.

Боковые прямоугольные придѣлы втораго этажа устроены на столбахъ нижней галлереи и покрыты сомкнутыми сводами, а съ фасада увѣнчаны каждый одной главкой. Размѣры ихъ не равны, что вѣроятно вызвано неправильностью разбивки арокъ нижней галлереи. Придѣлы раздѣляются невысокими иконостасами — собственно на алтарь и еще на небольшую часть, служащую клиросомъ и солеей. Молящіеся, по крайне малымъ размѣрамъ этихъ помѣщеній, во время богослуженій видимо становились въ галлереяхъ. По фасаду два придѣла нѣсколько различны, изъ нихъ южный выше и богаче украшенъ. Вообще богатство украшенія храма сосредоточено на

южной сторонѣ и это вѣроятно было вызвано тѣмъ, что южная часть собора выходила на главную улицу.

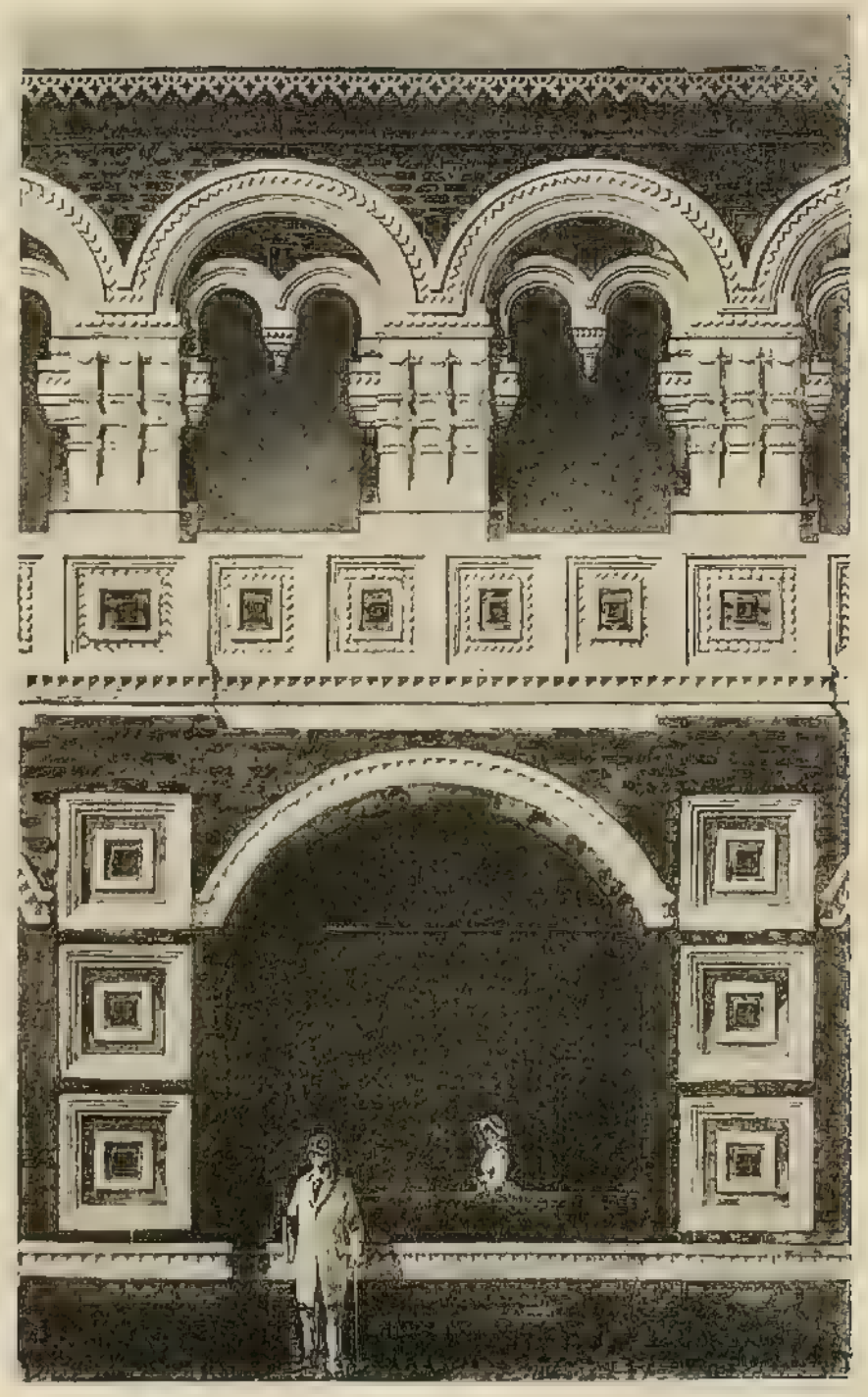
Вся церковь окаймляется двухъ-этажной галлереей, причемъ надъ каждымъ пролетомъ нижняго этажа приходится въ верхней галлереѣ по двѣ арочки; каждая изъ нихъ опирается на тройныя колонки, а самый пролетъ граничится импостами съ софитами. Южная сторона галлереи украшена значительно богаче, чѣмъ остальныя стороны, т. е. помимо усложненія деталей галлерея розыграна двойными арочками съ серьгами.

Черт. 21-й.

(Табл. I-я). Вся аркатура верхняго этажа разбита крайне неправильно, такъ что одни пролеты являются уже или шире другихъ. Внутренность галлереи покрыта коробовыми сводами съ распалубками. Всѣ стѣны и своды галлереи, а также и самой церкви покрыты фресковой живописью.

Входы въ храмъ, противъ обыкновенія, расположены не по осямъ церкви, а съ боковъ, и притомъ ихъ сдѣлано не три, какъ бывало въ большихъ храмахъ, а только два, и это чуть-ли

Достопамятности.



Фототипія Евг. Гоффересъ. С.-Петербургъ. Мѣщанская 19.

Табл. I.

не единственный примѣръ. Крыльца обыкновенно помѣщались противъ входовъ въ самую церковь и такъ какъ эти входы закрывались глухими дверями, то внутренность храма для приходящихъ была всегда скрытою. Въ данномъ же случаѣ вѣроятно имѣлось въ виду, чтобы входящимъ въ церковь или проходящимъ мимо можно было бы видѣть не только чудотворную икону Спасителя, приходящуюся противъ западнаго входа, но и самую внутренность церкви. Поэтому строители отодвинули крыльца въ сторону отъ средины храма и противъ нихъ сдѣлали богатыя окна въ самую церковь.

Нижніе бока лѣстницъ и крайнія арочки ихъ съ фасада недавно заложены. Первоначальное покрытіе крылецъ было деревянное—надъ западнымъ входомъ въ видѣ бочки (формою нѣсколько приземистѣе настоящей), а надъ южнымъ — въ видѣ фронтона. Это можно заключить по сохранившимся валикамъ на ихъ фасадахъ и по каменной надкладкѣ сверху валиковъ.

Появленіе именно только двухъ входовъ, по разсказамъ жителей, вызвано тѣмъ, что строителей было двое и каждый изъ нихъ желалъ увѣковѣчить свою память отдѣльнымъ входомъ.

Главный четыреугольникъ церкви втораго этажа устроенъ въ два свѣта, причемъ нижнія окна, выходящія въ галлерею, украшены (разнаго рисунка) наличниками и покрыты фресковой орнаментаціей. Порталы также чрезвычайно красивы и разнообразны по мотивамъ. Они состоятъ изъ ряда уступающихъ полуколоннъ и четвертей, на которыя опираются богато украшенные архивольты. Детали колоннъ и фресковые орнаменты на порталахъ представляютъ собою необыкновенное богатство и гармонію красокъ; цвѣта употреблены красный, голубой, желтый, зеленый и кирпичный.

Снаружи всѣ четыре стѣны главнаго четыреугольника церкви декорированы различно. Болѣе правильную разбивку украшеній имѣютъ западная и восточная стороны. Украшенія же на другихъ стѣнахъ чрезвычайно не симметричны, въ особенности на южной, гдѣ окна, тройныя колонны, верхнія полукружія

и оси куполовъ вовсе не отвѣчаютъ другъ другу *). Желая же однако отвлечь глазъ зрителя отъ такой неправильной разбивки, строители заполнили всю южную стѣну массой промежуточныхъ колонокъ; а верхи стѣнъ украсили живописью, чѣмъ достигли того, что вся эта несимметричность теряется въ пестротѣ украшеній и нисколько не рѣжетъ глазъ.

Наружные углы главнаго четыреугольника церкви украшены каждый пятью колонками, изъ нихъ угловыя значительно толще, и вслѣдствіе этого угламъ придана извѣстная солидность, которую мы невсегда встрѣчаемъ въ другихъ церквахъ.

Къ особенностямъ храма можно отнести также его двухъэтажную богато росписанную обширную галлерею и весьма преобладающее убранство всего южнаго фасада.

Наличники наружныхъ оконъ довольно характерны; вверху они заканчиваются двойнымъ и тройнымъ подраздѣленіемъ кокошниковъ, врѣзающихся въ главный карнизъ.

Церковь въ настоящее время покрыта четырехскатной крышей, но это, безъ сомнѣнія, позднѣйшая передѣлка. Судя же по верхнимъ полукружіямъ, кувшинообразнымъ подставкамъ и новой надкладкѣ надъ ними, а также по сохранившимся кокошникамъ на самомъ барабанѣ, приходящимся подъ крышей, и по стропильнымъ гнѣздамъ ниже этихъ кокошниковъ въ барабанахъ, можно безошибочно сказать, что крыша имѣла совсѣмъ другую форму, т. е. она шла по полукружіямъ и окаймляла барабаны гораздо ниже. На табл. II-й представленъ проектъ реставраціи собора, гдѣ покрытіе его, на основаніи добытыхъ мною данныхъ, показано именно въ первоначальномъ видѣ. Форма главъ, по разсказамъ мѣстныхъ жителей, была нѣсколько другая.

Церковь построена изъ лекальнаго кирпича, при выдѣлкѣ котораго, говорятъ, примѣшивали ржаную муку и кровь скота. Кладка производилась на цементованной извести и въ настоящее время настолько крѣпка, что представляетъ одну неразрывную массу съ кирпичемъ.

*) Этому конечно немало способствовали существовавшія стѣны древней церкви, на которыхъ построенъ второй этажъ.

Видъ съ Сѣверо-Восточной стороны.

Фототипія Евг. Гоффераъ. С.-Петербургъ. Мѣщанская 19.

Табл. II.

Что касается детальныхъ украшеній, то преобладающимъ мотивомъ являются формы аналогичныя съ украшеніями деревянныхъ церковныхъ построекъ (напр., съ украшеніями окна Черевковской церкви Сольвычегодскаго уѣзда, — въ статьѣ о деревянныхъ церквахъ сѣверныхъ окраинъ Россіи). Украшенія лекальнаго кирпича состоятъ изъ квадратовъ, круговъ, ромбовъ, витыхъ валиковъ и т. п. Въ квадратахъ или ширинкахъ, которыми украшена нижняя галлерея, входы и др. части церкви, вставлены изразцы (частью не покрытые глазурью) прекрасной работы; но, къ сожалѣнію, въ настоящее время они закрашены. Изображенія, находящіяся на изразцахъ, представляютъ собою всевозможные мотивы розетокъ, крестиковъ, различныхъ птицъ, двуглавыхъ орловъ и даже цѣлыя сцены, какъ напр., осада города и проч.

Ознакомившись съ художественной и конструктивной стороной Борисоглѣбскаго собора, намъ остается отбросить позднѣйшія его передѣлки и представить его первоначальный видъ.

На основаніи отысканныхъ мною данныхъ, я попытался сдѣлать проектъ его реставраціи, въ которомъ показалъ только первоначальное покрытіе церкви и древнее устройство наружныхъ лѣстницъ.

Въ заключеніе нельзя не высказать, что строители этого собора несомнѣнно имѣли большое желаніе пробудить въ зрителѣ на этотъ храмъ не только эстетическое наслажденіе, но и религіозное. И дѣйствительно, если громадность собора, его богатство наружныхъ украшеній не производятъ сильнаго впечатлѣнія, то уже во всякомъ случаѣ входящій по лѣстницамъ храма невольно переживаетъ всѣ чувства религіозности и духовнаго спокойствія. Его поражаетъ не только перспектива открывающейся передъ нимъ галлереи съ ея богатоукрашенными порталами, расписными окнами, съ ея, наконецъ, безчисленными изображеніями сценъ изъ Ветхаго и Новаго Завѣта, но и самая внутренность храма, видимая сквозь цвѣтныя стекла оконъ, расположенныхъ прямо противъ входовъ. Здѣсь нѣтъ эффектовъ, здѣсь все спокойно, и васъ невольно чаруетъ родное творчество и уноситъ въ какой-то плѣнительный міръ былой жизни народа.

Такимъ образомъ всѣ особенности этого памятника, т. е. смѣлая конструкція въ отношеніи передачи давленій, расположеніе входовъ, разсчитанныхъ на впечатлѣніе, двухъ-этажная галлерея, богатство южнаго фасада, разнообразіе мотивовъ, его громадность,—все это самобытное, вмѣстѣ слитое въ одно гармоничное цѣлое, ярко характеризуетъ нашу лучшую эпоху зодчества и теперь, переживъ двухвѣковое гоненіе, призвало науку и забилось новою національною жизнью.

2007081650